

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
Минский государственный лингвистический университет

АНОМАЛИЯ В ЯЗЫКЕ, ГАРМОНИЯ В РЕЧИ

Сборник научных статей

Минск МГЛУ
2023

УДК 81
ББК 81я4
А 69

Рекомендован Редакционным советом Минского государственного лингвистического университета. Протокол № 4(65) от 14.10.2022

Рецензенты: кандидат филологических наук, доцент Л. Г. Бондарчук (МГЛУ); кандидат филологических наук, доцент О. А. Пантелеенко (БГУ)

Редакционная коллегия: Н. Н. Бартош (*отв. редактор*), Л. П. Казловская (*зам. отв. редактора*), С. Н. Панкратова, Ю. В. Овсейчик

Аномалия в языке, гармония в речи : сб. науч. ст. / редкол. : А 69 Н. Н. Бартош (отв. ред.) [и др.]. – Минск : МГЛУ, 2023. – 238 с.

ISBN 978-985-28-0193-5

Сборник содержит материалы круглого стола, посвященного памяти выдающегося лингвиста, доктора филологических наук, профессора. Заслуженного деятеля науки Республики Беларусь Альбины Николаевны Степановой (21.07.1929–20.10.2017), заседание которого состоялось в Минском государственном лингвистическом университете 10 декабря 2021 г.

В сборнике освещаются актуальные проблемы семантики и прагматики языковых единиц с позиции говорящего субъекта в разных типах дискурса, синтаксиса предложения, а также языковых изменений в фонетической, лексической и грамматической системах. Представлены результаты исследований, выполненных на материале французского, испанского, русского, белорусского, английского, немецкого и китайского языков.

Предназначен для широкого круга лингвистов, работающих в области романогерманской, славянской и китайской филологии, общего и сравнительного языкознания, магистрантов и аспирантов филологических специальностей.

В данном издании научные статьи публикуются в авторской редакции.

УДК 81
ББК 81я4

ISBN 978-985-28-0193-5

© УО «Минский государственный
лингвистический университет», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	9
------------------	---

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

<i>Евчик Н. С.</i> Аномалия в языке, гармония в речи: каузальность сосуществования в иноязычном сознании индивида.....	10
<i>Викулова Л. Г., Серебренникова Е. Ф., Герасимова С. А.</i> Эволюция французской лексемы <i>philosophe</i>	17
<i>Михайлова Е. Н.</i> Аналогия vs аномалия: принципы описания языка во французских грамматиках XVI века	24
<i>Становая Л. А.</i> Франсийский диалект: мифы и факты.....	30

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ЯЗЫКА: ГАРМОНИЯ VS. АНОМАЛИЯ

<i>Аникеева Т. В.</i> Косвенная номинация прецедентного феномена современного художественного текста.....	37
<i>Грачева Л. А.</i> Фразеологические единицы с компонентом цветообозначения 'blanc' во французском языке	41
<i>Дудина А. М.</i> Лингвопрагматический аспект прецедентных феноменов во франко- и англоязычном медийном заголовке.....	47
<i>Загороднева Е. В.</i> Внутренняя форма гендерно маркированной фразеологической единицы французского языка как носитель андроцентричности	53
<i>Козлова Т. А.</i> Семантический перенос и асимметрия языкового знака.....	58
<i>Короленко О. И.</i> Лингвокультурема <i>académie</i> : диахронический аспект.....	63
<i>Романкевич М. Н.</i> Эмотивно-оценочные коннотации ассоциативных рядов зоонимов.....	67
<i>Урбанович И. Г.</i> Оказиональное моделирование фразеологизмов в языке... ..	72
<i>Filimonova I. Y.</i> La conscience linguistique des habitants du nord de la France à travers la création phraséologique	76
<i>Цверкун Ю. Б.</i> Лексико-семантические особенности англоязычной терминологии образования в контексте пандемии COVID-19.....	80
<i>Щенникова Н. М.</i> Функционирование инициальных сокращений в современной французской прессе	83

ГРАММАТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ЯЗЫКА: НОРМА VS. «НАРУШЕНИЕ»

<i>Гапанович Е. А.</i> Семантическая аномальность сущностей со значением множества и обобщенности (на материале французского языка)	88
<i>Гибкий П. В.</i> Создание эффекта прошедшего времени комбинацией полусуффиксов 过 (guo)	92

<i>Казловская Л. П., Бартош Н. Н.</i> О грамматических аномалиях в современном французском языке	95
<i>Куценко Н. В.</i> Гармоничное и контрастивное взаимодействие языковых средств в процессе выражения косвенных побуждений	103
<i>Кучугурная Е. А., Бондарук Д. В.</i> Вариативность синтаксических конструкций, выражающих несогласие, в испаноязычной разговорной коммуникации	107
<i>Ляшенко Е. С.</i> Функционирование синтаксических аномалий в английском языке	112
<i>Манько Н. И.</i> Семантико-синтаксический потенциал причастия во французском языке	116
<i>Миронова Д. М.</i> Кооперативность и эмерджентность языковых единиц в свете вторичного познания мира	120
<i>Овсейчик Ю. В.</i> Сочинительный союз <i>et</i> : гармония vs. Аномалия	126

ТЕКСТ И ДИСКУРС: ГАРМОНИЯ VS. АНОМАЛИЯ

<i>Булат Е. А., Цыгулёва В. А.</i> Экспрессивные средства организации испаноязычного медиа-дискурса моды.....	133
<i>Глазко П. П.</i> Стилистические особенности персональных жанров медийного дискурса США и Беларуси.....	137
<i>Грушецкая Е.Н.</i> Коммуникативно-прагматический аспект текстов гороскопов и прогнозов	142
<i>Даниленко И. В.</i> Интердискурсивные аспекты французской историографической метапрозы (на материале произведений М. Турнье «Лесной царь» и Д. Литтелла «Благоволительницы»).....	146
<i>Змудяк Г. А., Мурашко А. А.</i> Семантико-прагматические особенности речевого акта угрозы во французском языке	152
<i>Куц А. А.</i> Понятие <i>победа</i> в национальной языковой картине мира: оценочный аспект	158
<i>Солодилина А. С., Маюк Е. П.</i> Языковая реализация вежливости в социальной сети.....	164
<i>Сытько А. В.</i> Деонтические конструкции с ментальными глаголами в политическом дискурсе (на материале немецкого и русского языков).....	170
<i>Чиркун А. Б., Санюкевич Д. Д.</i> Речевой портрет современного политика (на материале испанского языка).....	176
<i>Шабашева Л. А.</i> Вещная деталь как способ характеристики в натуралистическом романе.....	181

ФОНЕТИЧЕСКАЯ И ГРАФИЧЕСКАЯ СИСТЕМЫ ЯЗЫКА: НОРМА VS. ВАРИАТИВНОСТЬ

<i>Забаштанская А. I.</i> Нерэгулярныя змены санантаў у беларускай дыялектнай мове	191
--	-----

<i>Лебедева И. Г.</i> Фонетические особенности французской эмоциональной речи	196
<i>Лебедева И. Г., Буевич А. О.</i> Особенности франсизации онимов во французском телевизионном дискурсе	201
<i>Лебедева И. Г., Пронина С. А.</i> Фонетическое оформление спонтанной речи у носителей и неносителей французского языка	206
<i>Михалькова Н. В.</i> Типы модификаций традиционных иероглифических знаков китайского языка.....	211
<i>Насонова Т. М., Сидоренко А. Д.</i> Фонетические трудности реализации акцентной структуры слова в интерферентной речи (на материале английского языка).....	216
<i>Рускевич Л. В., Почерная Д. С.</i> Лингвистические факторы вариативности просодии английских речевых этикетных формул.....	221
<i>Устинович В. В.</i> К вопросу об особенностях просодической реализации французских устных высказываний с неконечной локализацией рематического тона.....	226
<i>Яскевич В. В.</i> Фонологический статус фонетических характеристик английских гласных	233

CONTENTS

Preface	9
---------------	---

PLENARY SESSION

<i>Evchyk N. S.</i> Anomaly in language, harmony in speech: the causality of co-existence in the foreign language consciousness of an individual	10
<i>Vikulova L. G., Serebrennikova E. F., Gerasimova A. S.</i> The evolution of the French lexeme <i>philosophe</i>	17
<i>Mikhaylova E. N.</i> Analogy vs anomaly: language description principles in the French grammars of the 16 th century	24
<i>Stanovaïa L. A.</i> Francien: myths and facts	30

LEXICAL SYSTEM OF LANGUAGE: HARMONY VS. ANOMALY

<i>Anikeyeva T. V.</i> Indirect nomination of modern literary text precedent phenomenon objectification.....	37
<i>Gratcheva L. A.</i> Phraseological units with the color designation component 'blanc' in French	41
<i>Doudina A. M.</i> The linguopragmatic aspect of precedent phenomena in French- and English-speaking media headline	47
<i>Zagorodneva E. V.</i> The inner form of a french gender marked phraseological unit as a carrier of androcentricity.....	53
<i>Kazlova T. A.</i> Semantic transfer and assymetry of a language sign.....	58
<i>Korolenko O. I.</i> Linguocultureme <i>académie</i> : diachronic aspect	63
<i>Romankevich M. N.</i> Evaluative connotations of the associative series of zoonyms	67
<i>Urbanovich I. G.</i> Occasional modeling of phraseologists in a language.....	72
<i>Filimonova I. Yu.</i> The linguistic awareness of inhabitants from north of France through phraseological creation	76
<i>Tsverkun Y. B.</i> Lexico-semantic specifics of the english education terminology in the context of the COVID-19 pandemic	80
<i>Shchennikava N. M.</i> Functioning of initial abbreviations in modern French press	83

GRAMMATICAL SYSTEM OF LANGUAGE: NORM VS. «VIOLATION»

<i>Hapanovich Y.A.</i> Semantic anomaly of entities with the meaning of plurality and universality in the French language.....	88
<i>Gibkij P. V.</i> Past tense effect creation by the semi-suffix 过 (guo) combination.....	92
<i>Kazlovskaya L. P., Bartosh N. N.</i> About grammatical anomalies in modern French.....	95

<i>Kutsenko N. V.</i> Harmonious and contrastive interaction of linguistic means in process of indirect order expression.....	103
<i>Kuchuhurnaya, A. A., Bandaruk D. V.</i> Variability of syntax constructions expressing disagreement in Spanish conversational discourse	107
<i>Lyashenko Ye. S.</i> Functioning of syntactic anomalies in English	112
<i>Manko N. I.</i> Semantico-pragmatic potential of the participle in the French language	116
<i>Mironova D. M.</i> Cooperativeness and emergence of linguistic units in the light of secondary cognition of the world.....	120
<i>Auseichyk Y. V.</i> Coordinator <i>et</i> : harmony vs. anomaly	126

TEXT AND DISCOURSE: HARMONY VS. ANOMALY

<i>Bulat E. A., Tsyhuliova V. A.</i> Expressive means of organizing the Spanish-language media discourse of fashion	133
<i>Glazko P. P.</i> Stylistic peculiarities of personal genres in media discourse of the USA and Belarus.....	137
<i>Grushetskaya E. N.</i> Communicative and pragmatic aspect of horoscope texts and forecasts	142
<i>Danilenko I. V.</i> Interdiscursive aspects of French historiographic metafiction (on the basis of the novel <i>The Erl-King</i> by M. Tournier and <i>The Kindly Ones</i> by J. Littell)	146
<i>Zmudyak G. A., Murashko A. A.</i> Semantic and pragmatic features of the speech act of threat in French	152
<i>Kuts A. A.</i> Victory as a fragment of the linguistic world image.....	158
<i>Saladzilina A. S., Maiuc E. P.</i> Language implementation of courtesness in the social network.....	164
<i>Sytko A. W.</i> Deontic constructions with mental verbs in political discourse (based on German and Russian languages).....	170
<i>Chirkun A. B., Saniukevich D. D.</i> Speech portrait of a contemporary politician (in Spanish language)	176
<i>Shabashova L. A.</i> A thing detail as a method of characterization in E. Zola's naturalistic novel «The ladies paradise»	181

PHONETIC AND GRAPHIC SYSTEMS OF LANGUAGE: NORM VS. VARIABILITY

<i>Zabashanskaya O. I.</i> Irregular changes of sonants in Belarusian dialects	191
<i>Lebedzeva I. G.</i> Phonetic characteristics of French emotional speech	196
<i>Lebedzeva I. G., Buynevich A. O.</i> Features of the francisation of proper names in the French television discourse	201

<i>Lebedzeva I. G., Pronina S. A.</i> Phonetic design of spontaneous speech in native speakers and non-native speakers of French	206
<i>Mikhalkova N. V.</i> Types of modification of traditional Chinese characters	211
<i>Nasonova T. M., Sidorenko A. D.</i> Phonetic difficulties in the realization of word accentual structure in non-native speech (based on English).....	216
<i>Ruskevich L. V., Pacharniai D. S.</i> Linguistic factors of prosodic variability of English conversational formulas	221
<i>Ustinovich V. V.</i> About the prosodic realization specificity of French utterances with non-final rhematic tone localization.....	226
<i>Yaskevich V. V.</i> The phonological status of the phonetic features of the English vowels	233

ПРЕДИСЛОВИЕ

С одной стороны, есть противоречие между нормой и аномалией, а с другой – если нет аномалии, то есть ли норма?

А. Н. Степанова

Доктор филологических наук, профессор Альбина Николаевна Степанова – прекрасный человек, выдающийся ученый-романист, заслуженный деятель науки Республики Беларусь. Альбина Николаевна внесла неоценимый вклад в создание активно действующей школы функциональной лингвистики. Ее многочисленные и благодарные ученики трудятся сегодня в учреждениях высшего образования нашей страны, а также ближнего и дальнего зарубежья, продолжая традиции своего наставника и осуществляя подготовку нового поколения романистов.

Сборник содержит научные статьи, подготовленные на основе материалов докладов, представленных на Международном Круглом столе «Аномалия в языке, гармония в речи», посвященном памяти Альбины Николаевны Степановой. В нем приняли участие более пятидесяти лингвистов из учреждений образования Республики Беларусь (Минский государственный лингвистический университет, Белорусский государственный университет, Могилевский государственный университет А. А. Кулешова) и Российской Федерации (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Институт иностранных языков Московского городского педагогического университета, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета, Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, Одинцовский филиал Московского государственного института международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации, Юго-Западный государственный университет).

В научных статьях авторов отражены проблемы, находившиеся в центре внимания Альбины Николаевны, определившие и определяющие научно-исследовательскую деятельность ее учеников и последователей. Научные статьи объединены в четыре блока: «Лексическая система языка: гармония vs. аномалия», «Грамматическая система языка: норма vs. “нарушение”», «Текст и дискурс: гармония vs. аномалия», «Фонетическая и графическая системы языка: норма vs. вариативность», в которых рассматриваются актуальные вопросы развития не только французского языка, но и английского, немецкого, испанского, русского, белорусского и китайского языков.

Оргкомитет благодарит всех участников и авторов и выражает надежду на дальнейшее плодотворное сотрудничество.

Коллектив авторов

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

УДК 81'23

Н. С. Евчик

Минск, Беларусь

АНОМАЛИЯ В ЯЗЫКЕ, ГАРМОНИЯ В РЕЧИ: КАУЗАЛЬНОСТЬ СОСУЩЕСТВОВАНИЯ В ИНОЯЗЫЧНОМ СОЗНАНИИ ИНДИВИДА

В статье с позиций нейропсихофизиологии речи дается толкование неравнозначности процесса активации у говорящего высших фонологических обобщений перцептивной базы иностранного языка в таких условиях, как озвучивание текста иного автора и продуцирование собственной устной речи. Результаты, достигаемые при этом, свидетельствуют о возможности одновременного существования в иноязычном сознании индивида аномалии в языке и гармонии в речи.

Ключевые слова: речевая функциональная система; перцептивная база иностранного языка; первичные, вторичные, третичные зоны мозга; акустический, артикуляторный и буквенно-графический коды языка; ритмико-мелодические обобщения; артикуляторное программирование.

N. S. Evchyk

Minsk, Belarus

ANOMALY IN LANGUAGE, HARMONY IN SPEECH: THE CAUSALITY OF CO-EXISTENCE IN THE FOREIGN LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF AN INDIVIDUAL

In terms of neuropsychophysiology of speech, the article represents an interpretation of non-equivalence in activation of the speaker's highest phonological generalizations as constituents of a foreign language perceptual base when voicing a text of another author or producing one's own oral speech. The results obtained testify to the possibility of simultaneous existence of anomaly in language and harmony in speech in the foreign language consciousness of an individual.

Key words: speech functional system; foreign language perceptual base; primary, secondary, tertiary brain zones; acoustic, articulatory and letter-graphic language codes; rhythmic-melodic generalizations; articulatory programming.

Дорогая нашим воспоминаниям профессор Альбина Николаевна Степанова любила работать над загадками и тайнами грамматики французского языка. Все мы знаем, что среди многих поднимаемых ею вопросов излюбленной ее темой был «Артикль». Сквозь это маленькое служебное слово и его формы, которые употребляются перед существительными и не имеют самостоятельного значения, она ощущала целый мир *Homo loquens* – Человека Говорящего.

А чтобы увидеть этот мир и убедительно раскрыть его для других, Альбина Николаевна постоянно размышляла на эту тему про себя и вслух. Она готовила публикации, вела научный семинар с молодыми и уже

состоявшимися исследователями, в том числе и защитившимися под ее научным руководством, формулировала темы для новых диссертаций. И даже докторской.

Венцом ее зрелого научного творчества стала изданная относительно недавно монография, посвященная его величеству Артиклю. Любящие и ценящие ученики в последние годы активно участвовали в ее регулярном научном семинаре и, как я полагаю, оттуда и извлечена проблема-загадка, которую оставила нам для обсуждения сегодня Альбина Николаевна и которая фигурирует как антиномичное название нашего Международного Круглого стола: «Аномалия в языке, гармония в речи».

Читая или произнося это название, ощущаешь ситуацию, в которой противоречащие друг другу части высказывания практически об одном и том же объекте имеют логически равноправное существование. Их истинность или ложность нельзя обосновать в рамках принятой парадигмы, поскольку очевидно, что в названии заложена лингвистическая игра противоречий.

Что я имею в виду?

– Понимая язык как систему, ожидаешь характеристики его как гармоничного образования.

– Зная о вариативности речи, понимаешь, что ей в большей степени свойственны аномальные явления.

Однако в формулировке обсуждаемой темы все как раз не так, а наоборот. Следовательно, открывается новое поле для работы.

Чтобы вписаться в это проблемное поле, я обдумывала выражения из формулировки данной темы с позиций нового осмысления своих собственных исследований языка и речи, сделанных в разные периоды времени. И мои рассуждения уже в который раз привели меня к признанию двух одинаково верных положений, сформулированных Альбиной Николаевной в теме нашего Круглого стола.

Как видно из названия моего доклада, я задалась вопросом о том, может ли в языковом сознании индивида одновременно существовать, то есть сосуществовать и аномалия языка, и гармония речи?

Мой ответ пришел достаточно быстро, и он был положительным. Затем захотелось обосновать каузальность данного факта. В нескольких словах мне это было ясно сразу из своих теоретических убеждений. Однако с учетом ранее разработанной теории для логичного и четкого изложения нужных позиций вслух потребовалось их использовать выборочно, а это значит выстраивать их в иную последовательность. При этом возникали новые, ранее не наблюдаемые мной обобщения.

Следует обратить внимание на то, что в целом разработанная наша теория формирования перцептивной базы языка является не чисто лингвистической, а с учетом возникшей сложности проблемы потребовала в свое время междисциплинарного подхода, и поэтому разработана она с учетом высшей нервной деятельности и системного строения психических функций человека. Именно благодаря тому, что она построена с учетом знаний по

нейропсихофизиологии речи, к ней и следует обращаться, чтобы получить ответ на поставленный вопрос. Ведь известно, что одной из высших психических функций человека является его речь.

Описываю лингвистическую ситуацию, которая послужила исходной для разработки данной темы в предложенном ракурсе.

Иностранцы студенты французской национальности изучают русский язык в Минске, в нашем университете.

Их 9 человек и лингвистический возраст у них разный: от одного года до трех лет. Я осуществляю запись их речи в анахоической комнате нашей исследовательской Лаборатории на кафедре экспериментальной фонетики. Перед испытуемыми стоят две задачи: 1) прочитать рассказ Л. Н. Толстого «Косточка» (250 слогов) или В. Драгунского «Денискины рассказы» (119 слогов) и 2) спонтанно поговорить, рассказав о себе, о своей жизни в Минске, в Беларуси.

Тексты, предложенные для чтения, простые. Привожу несколько строк экспериментального материала № 1:

Косточка

Купила мать слив и хотела их дать детям после обеда. Они лежали на тарелке. Ваня никогда не ел слив и всё нюхал их. И очень они ему нравились. Очень хотелось съесть. Он всё ходил мимо слив. Когда никого не было в горнице, он не удержался, схватил одну сливу и съел.

Перед обедом мать сочла сливы и видит, одной нет. Она сказала отцу...

Таким же несложным был текст экспериментального материала № 2:

Денискины рассказы

Однажды вечером я сидел во дворе возле песка и ждал маму. Она, наверное, задерживалась в институте или в магазине, или, может быть, долго стояла на автобусной остановке. Не знаю. Только все родители нашего двора уже пришли, и все ребята пошли с ними по домам. И уже, наверное, пили чай с бубликами и брынзой. А моей мамы все еще не было...

По завершении цифровой записи речи результат получаю у всех практически одинаковый: в рассказе о себе речь звучит уверенно, свободно, можно сказать «льется рекой». Чтение, напротив, оставляет желать лучшего, поскольку в нем есть множество погрешностей, отклонений от произносительной нормы русского языка.

Для того, чтобы провести обоснованное объяснение причинности данного факта, рассмотрим несколько теоретических положений из вышеназванной авторской теории формирования перцептивной базы языка с толкованием ряда нужных для этого терминов [1].

Используя заимствованный из физиологии речи термин *речевая функциональная система*, необходимый в данном случае для лингвистики, дадим ему толкование с опорой на понятие *функция*.

Под *функцией* понимается сложный результат работы целой системы, иногда – всего организма по передаче его отношений с окружающей средой и обеспечению ему приспособительного эффекта. В этом значении понятие *функция* перекликается с понятием *назначение, роль* применительно к биологическим функциям дыхания, кровообращения, пищеварения, локомоторной функции. В таком же смысле говорят о функции общения с помощью речи, а также об известных интеллектуальных функциях.

Такое понимание термина позволяет рассматривать речь как прижизненно формирующуюся функцию. Продукт сложного развития, вначале разделенная между двумя людьми и носящая развернутую форму, при усвоении общечеловеческого опыта, постепенно свертываясь, она приобретает черты внутреннего акта, свойственного каждому отдельному человеку. Процесс разворачивания и свертывания речи осуществляется в рамках речевой функциональной системы, которая представляет собой суперсистему, состоящую из subsystemов, включенных в два противопоставленных и одновременно взаимосвязанных звена – речевосприятия и речепроизводства – с центральным представительством в коре головного мозга. Звено речевосприятия включает слуховую, зрительную и тактильную функциональные системы, звено речепроизводства – энергетическую (дыхательную), генераторную (голосовую) и резонаторную (носоглоточно-ротовую). Благодаря речевосприятию речепроизводящее звено включается в работу, создавая сенсомоторные схемы, информация о которых обрабатывается и регистрируется в памяти в виде кодов.

В работе речевой функциональной системы на первый план выступает динамическая мобилизуемость составляющих, направленная на переработку лингвистической информации, завершающуюся ее пониманием. В звене речевосприятия (гнозиса) результат состоит в образовании сенсорно-перцептивных кодов слуховой, зрительной и тактильной модальностей. В звене речепроизводства (праксиса) его достижение выражается через систему двигательно-артикуляционных кодов, вырабатываемых с опорой на эталоны смысловых единиц языка.

В процессе постоянной устной коммуникации в развивающейся речевой функциональной системе образуются межфункциональные сенсорные структуры и сложноразветвленные цепи, генетическим началом которых становятся тактильно-двигательные функции, а их всеобщим эффектом – тактильно-слухо-зрительное восприятие. Благодаря интегративной деятельности мозга коды данного сенсорно-перцептивного комплекса приобретают амодальностный характер, свойственный высшим абстрактно-символическим образованиям, с общим результатом в виде перцептивной базы языка.

На этом основании перцептивную базу языка правомерно рассматривать как итоговый результат деятельности речевой функциональной системы.

Значимость перцептивной базы языка состоит в том, что она тесно связана с понятием «языковое сознание» [2], имеющим широкое референтное поле, включающее две разновидности: а) динамическую – выражение

состояния сознания в вербальной форме, воздействие на сознание с помощью речи, и б) структурную, образуемую языковыми структурами, формирующимися в результате ментального опыта субъекта, действия его сознания.

Аналогично точным в плане лингвистичности содержания выступает понятие «языковое мышление», которое было введено в отечественную лингвистику на заре фонологии и использовано в терминах *русское языковое мышление*, *японское языковое мышление* и т.д. В более общем смысле оно означает *индивидуальное языковое мышление* «элементарные фонологические представления, ассоциирующиеся у индивида с актами восприятия слышимой речи» [3, с. 236–237, 252].

В концепции языкового сознания выделяют понятие иноязычного сознания, имеющего следующее толкование:

- формируется оно под непосредственным влиянием изучения иностранного языка на содержание сознания субъекта;
- в обучении иностранному языку необходимо заботиться о согласовании в индивидуальном сознании двух смысловых контекстов – родного и иноязычного, поскольку речь идет о формировании билингвального сознания;
- в билингвальном сознании сосуществуют в определенных взаимоотношениях две языковые картины мира [4, с. 80];
- эти картины мира определяются как гибридная структура, представленная интегрированным единством в сознании субъекта.

При всей значимости изложенных концептуальных понятий важно обратить внимание на то, что в их формулировках речь идет об уже сформированной языковой перцептивной базе. В нашем случае для анализа поставленной проблемы необходим несколько иной ракурс: взгляд на иноязычное сознание, находящееся в процессе своего становления, которое происходит через перцептивную базу языка.

Сама перцептивная база языка, являясь итоговым результатом работы речевой функциональной системы человека, устроена по принципу триады: трехступенчатой ритмичности, трехуровневости – особого типа связи между процессом, состоянием и свойством во внутренней языковой жизни индивида.

Перцептивная база языка представляет собой когнитивную реальность в виде сформированной в памяти индивида системы эталонов фонетических единиц: фонологических обобщений ритмико-мелодических, слоговых структур, фонем – и правил сличения с ними. С позиций нейропсихологии речи формирование перцептивной базы носит уровневый характер, обусловленный зональным строением мозга, и проявляется в иерархических этапах фонологического развития индивида: доречевом, речевом и собственно языковом.

И поэтому толкование перцептивной базы языка с позиций теории речевой функциональной системы позволяет рассматривать эту базу как представленную прежде всего эталонами доречевого и речевого гностико-праксического уровня вторичных ассоциационных зон мозга: сенсорно-

артикуляционными фонологическими обобщениями единиц речевого (слухового, зрительного и тактильно-кинестетического) гнозиса, проявляющимися при их идентификации, (отождествлении). Под *идентификацией*, в основе которой лежат операции *сличения* в акцепторе действия речевой функциональной системы, понимается процесс взаимодействия эталона, хранящегося в памяти, и воспринимаемых единиц, в результате чего выясняется их соответствие или несоответствие друг другу. Наличие соответствия проверяется репродуцированием услышанных звуковых последовательностей. При усвоении родного языка и обучении языку иностранному это означает сформированность речевого слуха на гностико-праксическом уровне вторичных ассоциационных зон, что отражает соответствующую стадию в становлении перцептивной базы языка.

Формирование перцептивной базы языка продолжается на уровне третичных мозговых зон, где разворачиваются высшие фонологические обобщения речевой системы, благодаря чему осмысливается и распознается звучащая речь. Понимание (распознавание) обязательно предполагает идентификацию, но не сводится к ней. Оно включает также категоризацию через сличение воспринятого элемента с классом уже накопленных единиц и извлечение соответствующего эталона из памяти.

Таким образом, в качестве эталонов фонетических единиц выступают высшие фонологические обобщения, формирующиеся в языковом мышлении/сознании индивида. Смысл этого формирования состоит в том, чтобы в процессе освоения языка из разных видов физической субстанции: акустической, визуальной, тактильной, доступной прямому наблюдению как фонические, графические и имеющие определенную форму и структуру объекты, вычленив в чистом виде ненаблюдаемые лингвистические (семиотические) единицы и ценности его фонологического аспекта и привести их в системные отношения в языковом сознании индивида.

Операции распознавания речи иерархичны и проходят через вышеназванную тройную сегментацию сигналов на единицы, на базе которых выполняются фонологические обобщения: 1) типичные *ритмико-мелодические структуры* смысловых единиц речи, 2) *слоги*, входящие в ритмико-мелодические структуры, и 3) *фонемы* – составляющие элементы слогов. В процессе усвоения языка, являясь компонентами смысловых единиц, эти эталоны звучащей речи, становясь элементами акцептора результатов действия, составляют опорные точки в прогнозируемых результатах понимания. Благодаря обратной афферентации – слуховому самоконтролю с ними последовательно сличается выполненная артикуляция до тех пор, пока не достигается соответствие одному из запрогнозированных результатов. Точность артикуляторного программирования прямо пропорционально соотносится с результатом понимания смысла и адекватностью получаемых для озвучивания этого смысла фонологических обобщений осваиваемого языка.

Базовыми сенсорно-артикуляторными единицами, через которые физически реализуются семантические единицы языка, являются слоги – минимальные просодические единицы. Среди них особое место в фонологической

обработке речи занимают открытые слоги типа СГ (согласный + гласный) или Г (гласный). Процедура фонологической обработки речи связана с тем, что именно в открытом слоге, на его переходных участках, где наиболее значимым является начало перехода от С к Г, содержится информация как о гласных, полугласных, так и о согласных звуках. Важным фактором для фонологической обработки речи является то, что слоги, упорядоченные в смысловые единицы звучащей речи, являются одновременно носителями просодических признаков, в том числе и инвариантных ритмико-мелодических структур, благодаря чему в естественной языковой среде фонологические обобщения выполняются в них спонтанно. Гармония в речи достигается через слоговые просодии, которые создаются благодаря блокам артикуляторного программирования собственной речи.

Однако такого программирования нет при чтении, поскольку каждый графический знак передается отдельным звуком речи. Графическими знаками при чтении являются буквы и при этом язык выступает в форме не акустического кода, полностью готового для его трансформации в артикуляторный, а в форме кода буквенно-графического, который для актуализации звучания требует еще дополнительного этапа перекодирования в артикулемы без наличия в нем соответствующих артикуляторных программ.

Именно в отсутствии этих нормативных программ и проявляется аномалия языка. По существу, язык на уровне своих третичных символических зон оказывается закрытым для передачи символических обобщений, уже имеющихся в индивидуальной перцептивной базе осваиваемого языка, в данном случае – с целью реализации нормативных артикуляторных программ русского языка и поэтому их активизация у индивида происходит в виде деформированных структур ритмико-мелодических единиц, искажающих смысл читаемого текста.

Фактически психофизическая деятельность индивида по производству артикуляторных программ, оказываясь в центре внимания, заполняет ведущий уровень, каковым в данном случае выступает не высший языковой, а более низкий по своей организации – гностико-праксический, где алгоритм лингвистических действий выглядит упрощенным: вижу иноязычный буквенный знак – декодирую его – воспроизвожу соответствующий звук. Это перекодирование лишает индивида осмысления читаемого текста, а значит, он не в состоянии выделить необходимые для этого ритмико-мелодические единицы: внимание, занятое перекодированием из буквенно-графического кода в артикуляторный, не позволяет включаться смысловому уровню в качестве ведущего, который является все это время только фоновым. Очевидно, что его место занято расшифровкой буквенно-графического кода, и образы, которые могли бы соответствовать содержанию, не возникают в репрезентациях читающего.

Иная картина, полная гармонии, наблюдается при реализации собственной иноязычной речи. Гармония речи обусловлена прямой связью языковых эталонов, сформированных в акустическом коде, с кодом артикуляторным, полностью сопряженных для своей реализации. И поскольку этап дополнительного перекодирования в собственной речи не требуется, внимание гово-

рящего через возникающие репрезентации образов сосредоточено на ее содержательной стороне. Это означает, что смысловой уровень выступает истинно ведущим на уровне включенных в данном случае в работу языковых символических зон. В таких условиях артикуляция порождает соответствующие образам гармоничные артикуляторные программы, которые согласуются с фонологическими эталонами ритмико-мелодических обобщений, уже созданными и хранящимися у индивида в его языковой перцептивной базе.

Таковы каузальные детали механизма, ведущего к проявлению одновременного существования в иноязычном сознании индивида аномалии в языке и гармонии в речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Евчик Н. С. Перцептивная база языка при норме и патологии слуха. Минск : МГЛУ, 2000. 305 с.
2. Поливанов Е. Д. Субъективный характер восприятий звуков языка // Статьи по общему языкознанию. М., 1968. С. 236–252.
3. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М. : Прогресс, 1993. 665 с.
4. Цветкова Т. К. Проблема сознания в контексте обучения иностранному языку // Вопросы психологии. 2001. № 4. С. 68–81.

Надежда Семеновна Евчик

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры речеведения и теории коммуникации,
УО «Минский государственный лингвистический университет»

N. S. Evchyk

Habilitated Doctor of Philology, Professor,
Professor of the Department of Speech Studies and Communication Theory
Minsk State Linguistic University
e.belrost@tut.by

УДК 811.133.1'373.6

Л. Г. Викулова

Москва, Россия

Е. Ф. Серебренникова

Иркутск, Россия

С. А. Герасимова

Москва, Россия

ЭВОЛЮЦИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ ЛЕКСЕМЫ *PHILOSOPHE*

Рассматривается эволюция французской лексемы *philosophe*. Аргументируется концептуальная, аксиологическая сущность механизма эволюции слова, способного породить концептуальную цепочку, развивающуюся в истории языка. Исследование основывается на данных этносемиометрии как одного из способов диахронического анализа.

Ключевые слова: *аксиосфера, семиметрия, интеллектуальная культура, философ.*

L. G. Vikulova

Moscow, Russia

E. F. Serebrennikova

Irkutsk, Russia

S. A. Gerasimova

Moscow, Russia

THE EVOLUTION OF THE FRENCH LEXEME *PHILOSOPHE*

The evolution of the French lexeme *philosophe* is considered. The conceptual, axiological essence of the given mechanism of word evolution, which is capable of generating a conceptual chain developing in the history of language, is argued. The study is based on data of ethnosemiometry as one of the diachronic analysis methods.

К е y w o r d s: *axiosphere, semiometry, philosopher, history of language.*

В связи с актуализацией проблематики ценностной параметризации бытия человека и общества значимым становится более четкое определение методов и приемов анализа с опорой на накопленный опыт в осмыслении человека и его языка [1, с. 4]. Согласимся с мнением лингвистов в том, что разрабатываемый исследователями метаязык описания по существу является системой понятий, которые должны быть определены настолько строго, чтобы можно было вывести условия употребления, вытекающие из гипотезы: «Особое значение разработка понятийного аппарата приобретает в лингвистике как науке, работающей главным образом в системе качественных величин» [2, с. 8]. В этом плане *семиметрия* рассматривается как способ аксиологического лингвистического анализа, который можно использовать для определения ценностных координат языковой картины мира.

Термин *семиметрия* изначально сформулирован в социолингвистике как интегральное измерение состояния социального мира на основе базы данных об исследуемых в определенное время, в определенном обществе (например, опрос общественного мнения), на определенной территории. Семиметрия состоит в последовательных процедурах, первичной из которых является установление значимой фактологии; последующей процедуры ее комментирования; обобщения полученных данных, позволяющих судить о социально значимых тенденциях и социальной эволюции общества [1, с. 41].

Лингвистическая семиметрия основывается на анализе корпуса диахронически значимых и авторизованных текстов, что позволяет выявить смысловой спектр способов осмысления и репрезентации данного «объекта» референциального мира в конкретном периоде эволюции культуры и общества (пример такого диахронического анализа находим в работах [3; 4]). Таким образом, семиметрия может рассматриваться как один из способов лингвистического мониторинга функционирования языка в его аксиологическом измерении [1, с. 47].

В аксиологическом лексическом поле языка выделяются *лексемы-термины*, семантика которых конвенционально и нормативно связана с означиванием оценивающей деятельности человека. Такого рода аксиологические термины правомерно рассматривать в соотношении с концептуальными структурами, составляющими интеллектуальную и духовную культуру народа [5]. Они отражают поступательный процесс развития культуры. Анализ эволюции слов, объективирующих в языке определенные концепты, в том числе имеющие социально-культурный характер, касается выявления их ассоциативных возможностей, а также их дискурсивного потенциала [1, с. 49].

Укорененное в коллективном сознании слово *философ*, принадлежащее концептуальной области интеллектуальной культуры и одновременно обыденному сознанию, является примером непрерывности семиотического перехода от Античности к новым европейским языкам и культурам, включая современность. Предметом нашего диахронического анализа является концепт *philosophe* 'философ', исследование которого проводится на основе семиотрии репрезентирующего его многозначного французского слова *la philosophie* 'философия'. Выбор данного слова в качестве объекта семиотрии обуславливается его характером как «ключевого» слова для аксиосферы человека и его значимостью для антропологической мысли в целом.

При определении семиотрии французских слов *philosophie/ philosophe* 'философия / философ' мы опирались, прежде всего, на данные различных французских словарей: этимологического, исторического, толковых, энциклопедических, а также на тексты современных авторов. Одним из важных источников корпуса данных для семиотрии является словарь Littré [6], в котором экземплификация основана на отборе наиболее значимых фрагментов текстов авторитетных авторов для иллюстрации контекстов употребления данных слов в исторической ретроспективе.

По данным нашего анализа этносемиотрия знака *философ* во французском языке прослеживается по следующим, устанавливаемым по данным семиотрии, этапам:

1. *Происхождение и вхождение в узус в новых европейских языках, во французском языке.*

Первое употребление лексемы *philosophe* 'философ' датируется примерно 1165 г., *philosophie* 'философия'. – 1175 г. [7]. Исходное возникновение данного понятия, его мотивация, объясняется ценностно и прагматически, оно персонализировано:

«*Il [Pythagor] est le premier qui se soit fait appeler philosophe; avant lui les hommes qui se livraient à la contemplation de la nature portaient le nom de sages; il prit celui de philosophe par modestie*». Он [Пифагор] был первым, кто стал называть себя *философ*, до него люди, занимавшиеся созерцанием природы, назывались *мудрецами*; а он из скромности стал называть себя философом' (Bailly) (Цит. по [6]).

Лексема *philosophes* ‘философы’ во множественном числе с 1370 г. и до конца XVI века относится к античным авторам, которые прославились своими трудами и вкладом в науку [7, с. 2707].

Слова *философ* и *философия* появляются как заимствования из латинского языка в рамках дискурса образования – «языка школы», имеют прагматически обусловленное употребление. В рамках учебных дисциплин *philosophie* ‘философия’ во французском языке X–XVI веков объединяла комплекс учебных предметов, соединявших теоретические и практические дисциплины (логика, мораль, физика, метафизика). В XIII веке лексема *philosophie* ‘философия’ предполагает *оценочную квалификацию образа человека*, который практикует философию, где исторический признак концепта – *ami de la sagesse* ‘любомудр’ возводится именно к исходной лексической цепочке греческих форм *φιλόσοφος* (прилагательное и существительное) и *φιλοσοφία*: *philosophos* = *philo* ‘любовь’ и *sophos* ‘осторожный, мудрый’. При этом предполагается, что философ любит правду, глубоко чтит добродетель, ведет отрешенный от суеты образ жизни. Неслучайно в поздней латыни *philosophie* выступает синонимом выражения *vie monastique* ‘монашеская жизнь’ [Там же].

Путем метонимического переноса лексема *philosophie* стала обозначать учебник по философии (начало XIV века), а с легкой руки студентов появилась аббревиатура фамильярного характера – *philo*, зафиксированная в словарях в 1888 году [Там же].

2. Семантическая и прагматическая экстенсия знака.

В XVI–XVII вв. происходит экстенсия знака. *Философами* называются не только великие мыслители Античности, но и современники, которые проводят занятия по философии, занимаются изучением философии. Усиливается оценочная концептуализация лексем *философ* и *философия*, в данном случае в соотношении с религией. В частности, Блез Паскаль увязывает понятие *философ* с существованием школы (‘секты’ в уничиж. значении), деятельность которой сравнивается с религией по ее стремлению влиять на умы: *Nulle religion que la nôtre n'a enseigné que l'homme est né en péché, nulle secte de philosophes ne l'a dit, nulle donc n'a dit vrai*. ‘Никакая религия, кроме нашей, не учила, что человек рождается в грехе, никакая секта философов не говорила об этом, в итоге никто не говорит правду’ (Цит. по [6]). Закономерно появление негативных коннотаций (1680), когда лексема *philosophe* стала обозначать человека невоспитанного (*incivil*), равнодушного (*indifférent*), живущего без оглядки на себя подобных (*sans égard pour ses semblables*).

В течение XVI–XVII веков наблюдается следующий виток в осмыслении прагматической предназначенности философии и философа. Античное видение философа как размышляющего над природой, обогащается пониманием его общественной предназначенности изучать человека и общество с целью сделать их лучше и счастливее. Лексема *philosophe* обогащается значением ‘моралист’, соперничая с лексемой ‘священник’.

3. Эпоха Просвещения

Данный период характеризуется двумя противопоставленными линиями в концептуальной и прагматической эволюции знака. Первая семантическая трансформация репрезентирует образ философа как человека, ведущего скромную, размеренную жизнь вдали от будоражащих общество проблем. Вот что писал по этому поводу французский философ-материалист Дюмарсе, принадлежавший к старшему поколению французских просветителей:

Il n'y a rien qui coûte moins à acquérir aujourd'hui que le nom de philosophe: une vie obscure, avec un peu de lecture suffisent pour attirer ce nom à des personnes qui s'en honorent. 'Сегодня нет ничего проще, чем получить имя философа: замкнутый образ жизни, чтение как способ времяпровождения достаточны, чтобы соотносить этот статус с теми, кто его себе присваивает сам' (Цит. по [6]).

Вторая линия в осмыслении истинного предназначения философа доминирует и приводит к качественному переосмыслению понятия *философ*, которое становится именем того человека, который занимается философией и использует философию для ниспровержения прежнего образа мыслей, прежнего образа жизни [8, с. 414]. Наблюдается усиление значимости практики истинного философа: *Qu'il y a de différence entre être philosophe et parler philosophie!* 'Сколь велика разница между выражениями 'быть философом' и 'говорить о философии!' (Voltaire) (Цит. по [6]).

Благодаря Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера (1765) в практику вошло узувальное понимание термина *philosophe* как человека, занимающегося проблемами общества и его нравов, чтобы доводить до него понятие истины как верного отражения действительности. Закономерно, что в зависимости от контекста это слово, которое относилось прежде всего к деятелям эпохи Просвещения и к энциклопедистам как свободомыслящим личностям (*libre-penseurs*), имело то лаудативные, то пейоративные коннотации [7 с. 2707]. Так, в XVIII веке наблюдается добавление семы *опасное занятие*. Истинный философа, несмотря на его 'кабинетный' образ жизни, преследуется властью: *Il y eut des philosophes de cabinet en France; et tous, excepté Montaigne, ont été persécutés.* 'Во Франции были 'кабинетные' философы, но их всех, за исключением Монтеня, преследовала [власть]' (Voltaire) (Цит. по [6]). Фактически писатель констатирует, что общество того времени было не в силах разобраться в том, что делают философы.

Лексемы *philosophe* и *philosophie* в XVIII веке соотносятся только с учениями мыслителей эпохи Просвещения и их сторонниками. Но это узкое понимание терминов постепенно исчезнет после Великой Французской революции. О том, что в обществе было неоднозначное отношение к философам-просветителям, свидетельствует появление дериватов с негативной коннотацией, которые просуществовали недолго: например, *philosophisme* 'философствование' (1777). Заимствованная из английского языка, данная лексема отражала пренебрежительное отношение к философам эпохи Просвещения [7, с. 2707].

Критическое отношение к ряду философов, в том числе, к Вольтеру, отразилось в появлении лексемы *anti-philosophique* ‘антифилософский’ (1767), которая изначально содержала негативную сему *contraire à la philosophie des Lumières* ‘не принимающий философию Просвещения’. Этот термин был узурпан в XVIII веке [Там же]. В пользу такой точки зрения говорит исследование французского ученого Дидье Массо, который вынес в заголовок своей работы термин *antiphilosophie* ‘антифилософия’ – «*Les ennemis des philosophes: l'antiphilosophie au temps des Lumières*» ‘Недрузги философов: антифилософия в эпоху Просвещения’ [9].

Одним из ярких примеров критики философских идей стала постановка на сцене театра Комеди Франсез 2 мая 1760 года комедии Ш. Палиссо де Монтенуа «Философы». Ш. Палиссо решил прославиться критикой энциклопедистов – своих врагов – во имя защиты традиционных ценностей: религии, семьи и родины – Франции. Примечательно, что в конце XVIII в. Французское общество уже достаточно резко осуждало философию энциклопедистов и саму Энциклопедию как оплот всех врагов религии и власти. Обвинения были взаимными: энциклопедисты осуждали Ш. Палиссо за то же, в чем он клеветнически обвинял Д. Дидро в комедии «Философы» – за продажность, безнравственность и посредственность.

4. *Расширение концептов philosophe и philosophie под влиянием трудов Канта и Гегеля в XIX веке.*

В этот период, с одной стороны, наблюдается некоторое недолгое по времени наращивание «критически-ироничной» линии в эволюции знака, связанной со значимостью семы ‘отрешенный от настоящей жизни’. В XIX в. лексема *philosophes* во множественном числе в переносном смысле стала употребляться в воровском жаргоне для обозначения никудышной обуви (1828), которую воры покупали, выходя на свободу из тюрьмы. А в речи рабочих данная лексема (1818) стала обозначать поношенную обувь (*souliers d'occasion*).

С другой стороны, этот знак получает значительное концептуальное обогащение благодаря его референции к развитию немецкой философии. Достаточно посмотреть, например, дефиницию слова во французском словаре Larousse, где *philosophe* ‘философ’ определяется в следующей структуре значений:

- *Spécialiste de philosophie* ‘специалист в сфере философии’;
- *Penseur qui élabore une doctrine, un système philosophique* ‘мыслитель, который разрабатывает некую доктрину, философскую систему’;
- HIST. *Partisan des idées nouvelles, des "Lumières", au XVIII-e s.* истор. ‘сторонник новых идей, "Просветители" в XVIII в.;
- adj. et n. *Se dit de qqn qui supporte les épreuves avec constance et résignation, qui prend la vie de bon côté* (прилаг. и сущ.) ‘тот, кто стойко и терпеливо переносит испытания, относится к жизни позитивно’ [10, с. 774].

Отметим, что в словаре выделяется XVIII в. как период, в котором *философ* получил значимость символа целой эпохи – эпохи Просвещения.

Таким образом, семиметрия знака *philosophe* показывает востребованность и значимость концепта в социогуманитарном плане во французской культуре. Особой характеристикой знака является его символизирующий потенциал. Знак становится символом эпохи Просвещения и символом человека, отличающегося особым взглядом на мир, особым образом жизни, особым призванием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лингвистика и аксиология: этносемиметрия ценностных смыслов [Электронный ресурс] : коллектив. моногр. М. : ТЕЗАУРУС, 2011. 352 с. URL: <https://studylib.ru/doc/2584391/lingvistika-i-aksiologiya-irkutskij-gosudarstvennyj>. (дата обращения: 30.09.2021).
2. Сулейманова О. А., Фомина М. А., Тивьяева И. В. Принципы и методы лингвистических исследований : учеб. пособие. М. : Яз. народов Мира, 2020. – 352 с.
3. Райскина В. А. Средства аксиологического позиционирования маскулинности в художественном дискурсе средневековой Франции (на материале корпусов DECT и BFM-GRAAL) [Электронный ресурс] // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 432. С. 14–23. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_36292859_34183328.pdf. (дата обращения: 01.10.2021).
4. La sémiométrie rétrospective du signe *valeur* [Electronic resource] / L. G. Vikulova, E. G. Tareva, E. F. Serebrennikova, S. A. Gerasimova, V. A. Raiskina // XLinguae. 2020. Т. 13, № 1. P. 169–183. URL: http://www.xlinguae.eu/2020_13.01_13.html (accessed: 01.10.2021).
5. Гринев-Гриневич С. В., Сорокина Э. А., Викулова Л. Г. Теория языка: антропологическая лингвистика. М. : Изд. дом ВКН, 2021. 236 с.
6. Littré E. Dictionnaire de la langue française. Édition integrale. Т. 5. Paris : Gallimard : Hachette, 1960. 2059 p.
7. Dictionnaire historique de la langue française: en trois volumes / sous la dir. d'Alain Rey. Paris : Dict. le Robert, 2006. 4304 p.
8. Скредина Л. М., Становая Л. А. История французского языка. М. : Высш. шк., 2001. 463 с.
9. Masseau D. Les ennemis des philosophes: l'antiphilosophie au temps des Lumières. Paris : Albin Michel, 2013. 464 p.
10. Le Petit Larousse Illustré. Paris : Larousse, 2002. 1786 p.

Лариса Георгиевна Викулова

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры романской филологии Института иностранных языков
Московского городского педагогического университета

Евгения Федоровна Серебренникова

доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры романо-германской филологии Института филологии, иностранных языков
и медиакоммуникации Иркутского государственного университета

Светлана Анатольевна Герасимова
кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языка
и лингводидактики Института иностранных языков Московского городского
педагогического университета

Larisa G. Vikulova
Habilitation Doctor of Philology, Professor, Professor of the Romance Philology
Department, Modern Languages Institute, Moscow City University
vikulovalg@mail.ru

Evgeniya F. Serebrennikova
Habilitation Doctor of Philology, Professor, Professor of the Romance and Germanic
Philology Department, Institute of Philology,
Media Communications and Foreign Languages, Irkutsk State University
serebr_ef_76@mail.ru

Svetlana A. Gerasimova
PhD in Philology, Associate professor of French Language and Didactics Department,
Modern Languages Institute, Moscow City University
gerasvetlana@yandex.ru

УДК 811.133.1'36(091)

Е. Н. Михайлова
Белгород, Россия

АНАЛОГИЯ VS АНОМАЛИЯ: ПРИНЦИПЫ ОПИСАНИЯ ЯЗЫКА ВО ФРАНЦУЗСКИХ ГРАММАТИКАХ XVI ВЕКА

В статье рассматриваются особенности переосмысления античной дихотомии «аналогия / аномалия» во французской ренессансной традиции. Показано, что содержание этой дихотомии претерпело ряд существенных изменений, обусловленных природой французского языка, для которого неприменимыми оказались многие константы античной грамматики, и сменой векторов лингвистической программы французского гуманизма.

К л ю ч е в ы е с л о в а : *французские грамматики XVI века, аналогия, аномалия, норма, узус.*

E. N. Mikhaylova
Belgorod, Russia

ANALOGY VS ANOMALY: LANGUAGE DESCRIPTION PRINCIPLES IN THE FRENCH GRAMMARS OF THE 16th CENTURY

The features of rethinking the ancient dichotomy “analogy / anomaly” in the French Renaissance tradition are under consideration in this article. The content of this dichotomy is shown to have undergone a number of significant changes due to the nature of the French language, for which many of the constants of ancient grammar turned out to be inapplicable. The change in the vectors of the linguistic program of French humanism is thought to have also contributed to this phenomenon.

Key words: *the French grammars of the 16th century, analogy, anomaly, norm, usage.*

Эпоха Возрождения по праву считается важнейшим поворотным моментом в истории лингвистической мысли, поскольку с ней связано формирование новых подходов к осмыслению и описанию языков мира. Во Франции, которая активно включилась в этот процесс в начале XVI в., к концу столетия было создано более полусотни разноплановых и разножанровых работ, отличавшихся оригинальным подходом к решению ключевых проблем знания о языке [1, с. 139].

Важное место в ренессансном лингвистическом наследии занимают грамматики. Основные принципы описания языка опирались в них на латинский извод канонической модели грамматики, которую С. Ору назвал «латинской грамматикой предельно широкого диапазона», или «Большой Латинской Грамматикой» (*Grammaire Latine Étendue*) [2, р. 18]. Между тем, как убедительно показано в работах А. Н. Степановой, никакая классификационная схема не может быть создана раз и навсегда, она должна меняться по мере осуществления происходящих в языке изменений [3, с. 13].

Причин, по которым каноническая модель грамматики была не вполне применима к описанию французского языка, было несколько. Во-первых, к XVI в. это был уже язык аналитический, а не флективный, как греческий и латынь, для которых эта модель создавалась. Во-вторых, ко времени начала кодификации французский язык продолжал изменяться, причем достаточно интенсивно, что затрудняло систематизацию его форм. В-третьих, в нем имелись диалектные отличия, на что указывали многие филологи того времени.

Ретроспективный анализ лингвистического наследия французского Возрождения дает основание для выделения в ренессансной традиции трех этапов: раннего (первая половина XVI в.), переломного (50–70-е гг.) и заключительного (конец XVI в.) [4, л. 62]. Каждый из них представлен разным количеством работ, отражающих разную степень интенсивности процесса кодификации французского языка. На каждом из этапов доминировал определенный тип описания языка, связанный с общим направлением языковой программы французского Возрождения и сменой её ориентиров.

Примечательно, что при всём многообразии решаемых гуманистами проблем в ренессансных описаниях французского языка прослеживаются отголоски античного спора об аналогии и аномалии. При этом изменения, касающиеся принципов описания языка, во многом определялись трактовкой дихотомии «аналогия / аномалия» и спецификой ее приложения к новому языку-объекту лингвистического описания.

Обращает на себя внимание то, что термины «аналогия» и «аномалия» не получили отражение в терминосистеме ренессансных грамматик. Вместо них широко представлены такие слова, как «сходство», «различие», «подражание», «правило», «обиход», для которых, впрочем, не дано ни определенных, ни каких бы то ни было уточнений. Связано это с тем, что содержание терминов «аналогия» и «аномалия» и стоявшей за ними теории было хорошо известно филологам XVI в. из сочинений античных авторов, чьи труды

активно издавались в лучших типографиях того времени. Кроме того, грамматическое наследие ренессансной Франции представлено не столько рассуждениями о языке, сколько пособиями обучающего типа, для которых присущи такие черты, как формульность, краткость и простота при изложении материала. Наконец, возрождение античного спора об аналогии и аномалии не входило в круг задач, стоявших перед ренессансными филологами. Именно поэтому работ, в которых применительно к французскому языку рассматривались бы вопросы теории (*scientia*), в то время создано не было, хотя сама теория, отражавшая ключевые постулаты античной традиции, послужила прочным фундаментом для выработки принципов описания французского языка.

Содержание античного спора об аналогии и аномалии французские гуманисты почерпнули из трактатов Марка Теренция Варрона «*De lingua Latina*» и «*De Analogia*», которые уже в начале века стали достоянием широкого круга гуманитариев благодаря их многократным переизданиям в типографиях Й. Бадиуса, Н. Саветье, С. де Колина и др. Об авторитете Варрона в среде французских эрудитов говорит тот факт, что его имя широко представлено в филологических сочинениях, причем как у приверженцев античной традиции, так и у её противников, например, у Рамюса. Так, в предисловии ко второму изданию его французской грамматики имя Варрона упоминается дважды: отметив вклад римского ученого в совершенствование латинского языка, Рамюс призвал своих соотечественников «стать Варронами» для родного языка (*les Varrons de la langue Gaulloise ou Fancoise*) [5, s. p.].

В сочинениях Варрона отстаивается мысль о том, что в языке в равной мере представлены аналогия и аномалия. В частности, в трактате «*De lingua Latina*» он пишет: «Обиход и аналогия ближе друг другу, чем думают <...> : аналогия родилась из некоторого обихода, и из того же обихода – аномалия; <...> не следует отвергать ни аномалию, ни аналогию» [6, с. 100]. Подробно изложив в своих трудах основные положения спора об аналогии и аномалии, Варрон пришел к выводу о том, что аналогия господствует во флексии (в словоизменении), а аномалия – в словообразовании [7, с. 31–32].

Предоставив в распоряжение французских гуманистов разные точки зрения на соотношение в языке аналогии и аномалии, трактаты Варрона по своему стимулировали широкую интерпретацию этих понятий и их приложение к новому языковому материалу. Во французской ренессансной традиции дихотомия «аналогия / аномалия» претерпела ряд существенных изменений, что было обусловлено как природой французского языка, для которого неприменимыми оказались многие константы античной грамматики, так и сменой векторов лингвистической программы французского гуманизма.

Как известно, интерес к родному языку возник во Франции уже в начале XVI в., однако в первой половине столетия была опубликована лишь одна грамматика французского языка, автором которой был Жак Дюбуа [8]. Практически в то же самое время была издан трактат Шарля де Бовеля

о многообразии языков мира и разнообразии французского языка [9]. В этих двух работах, написанных представителями одного поколения французских ученых, получило отражение разное понимание системного характера языка. Ж. Дюбуа видел в родном языке систему и стремился доказать, что в нем действуют те же законы аналогии, что и в языках «грамматических», т.е. в латинском, греческом и древнееврейском. У Ш. де Бовеля первое место в осмыслении природы языка занимала не аналогия, а аномалия. Отсюда естественный для него вывод о невозможности заключить живой язык в рамки канонической схемы грамматики [1, с. 144].

Среди гуманистов начала века преобладали те, кто полностью разделял мнение Ш. де Бовеля о невозможности создания грамматических описаний для живых языков. Для филологов того времени аналогия ассоциировалась исключительно с классическими языками – латынью и древнегреческим. Что касается живых языков, то восприятие их как неподвластных правилам (т.е. аналогии) привело к тому, что других грамматических описаний французского языка кроме грамматики Ж. Дюбуа во Франции до 1550 г. создано не было.

Изменение социолингвистической ситуации в середине XVI в., связанное с процессом формирования французской нации и становления французского национального самосознания, привело к появлению серии национальных грамматик французского языка, адресованных как его носителям, так и иностранцам. Самыми известными из них являются грамматики Л. Мерге (1550), Ж. Пилло (1550), Р. Этьена (1557, 1558), Г. Мерье (1557), Ж. Гарнье (1558), П. де ла Раме (1562, 1572). Перелом в сложившейся ситуации во многом был связан с публикацией в 1549 г. знаменитого трактата Ж. Дю Белле «La Deffence et Illustration de la Langue Française». Эта работа во многом изменила баланс сил между французскими аномалистами и аналогистами в пользу последних, что привело к созданию абсолютного большинства работ, составляющих сокровищницу ренессансной грамматической мысли.

Анализ французских грамматик второй половины XVI в. Свидетельствует о том, что аналогия как показатель системности языка у большинства авторов получила неоднозначную интерпретацию. С одной стороны, произошла экстраполяция дихотомии «аналогия / аномалия» на понятия письменной и устной речи, для которых характерны, соответственно, стабильность и изменчивость. С другой стороны, аналогия стала ассоциироваться с такими понятиями, как «грамматика», «норма», «правило», в то время как аномалия – с «обычаем» и «обиходом», т.е. теми понятиями, которые отражали невозможность вписать некоторые формы и конструкции французского языка в парадигмы канонической модели грамматики.

Поиск оптимальных путей для описания французского языка приводил подчас к тому, что в разных грамматиках на частеречном и на категориальном уровнях имели место как несоответствия, так и явные противоречия в интерпретации одних и тех же фактов французского языка [4, л. 247].

Наиболее отчетливо аналогия как эффективный принцип описания языка представлена в грамматиках середины XVI в. в парадигмах склонения и спряжения. Однако если глагольные парадигмы по-своему отражали реалии французского узуса и регулярность в образовании глагольных форм, то падежные парадигмы были лишь данью греко-латинской традиции, поскольку падежного словоизменения во французском языке в то время уже не было. Тем не менее, вплоть до конца XVI в., а в ряде случаев и до начала XIX в., во французских грамматиках присутствовали парадигмы склонения для разных типов имен – артиклей, существительных, прилагательных, местоимений. При этом в разных грамматиках падежные парадигмы были представлены по-разному: это касалось и количества выделяемых для французских имен падежей, и количества примеров, иллюстрировавших именное склонение.

Торжество принципа аналогии стало специфической чертой описания французского языка в грамматиках второй половины XVI в., что вылилось в расширение сферы его применения. Если в грамматике Ж. Дюбуа и в большинстве грамматик середины столетия его использование было ограничено в основном парадигмами склонения и спряжения, то в грамматиках заключительного этапа традиции прослеживается тенденция к расширению сферы его применения и экстраполяции его на другие грамматические категории и на словообразование.

Кроме того, использование принципа аналогии в ренессансных описаниях французского языка во многом связано с типом грамматик. Наиболее ярко он представлен в педагогических и элементарных грамматиках. Для первых его использование обусловлено потребностью опоры на известный материал, т.е. на латинский язык, поскольку ему тогда принято было обучать раньше, чем родному или живому иностранному. Повсеместное использование принципа аналогии в элементарных грамматиках позволяло их авторам экономить место на объяснении материала.

В ходе анализа выявлена еще одна особенность. Она касается трактовки аномалии как единичных исключений из правил. В связи с этим в грамматиках получили отражение как наиболее типичные явления французского языка, так и наиболее яркие исключения из правил. Наиболее наглядно эта закономерность представлена при описании категории степеней сравнения прилагательных и наречий. Для нее характерна была высокая вариативность, связанная с интенсивными системными изменениями, что проявлялось в широкой вариативности форм компаратива и суперлатива. Нестабильность нормы в их употреблении привела к тому, что основное внимание в ренессансных грамматиках было уделено не системному, а нормативному аспекту при описании данной категории [4, л. 244, л. 257].

Итак, переосмысление аналогии и аномалии как констант античной грамматики филологами эпохи Возрождения привело к наполнению их новым содержанием. Если для античных грамматистов аналогия олицетво-

ряла рациональный порядок в пределах одного языка-объекта и ассоциировалась прежде всего с парадигмами склонения и спряжения, то для ренессансных грамматистов аналогия представляла собой эффективное средство систематизации и презентации языковых форм в пределах как одного, так и нескольких языков. При этом границы аналогии как универсального принципа грамматического описания оказались существенно раздвинутыми. Помимо парадигм склонения и спряжения принцип аналогии максимально широко был представлен на категориальном уровне применительно ко всем признакам частей речи – род, число, лицо, степени сравнения, время, наклонение и др. Более того, аналогия была широко представлена и на уровне словообразования, отражая наиболее продуктивные способы деривации, принятые во французском языке. Что касается аномалии, то в рамках новой традиции она была представлена терминами «узус» и «обиход», которые призваны были отражать, с одной стороны, особенности устной речи и, с другой стороны, исключения из правил.

ЛИТЕРАТУРА

1. Михайлова Е. Н. Два взгляда на проблему языка: Жак Дюбуа (1531) и Шарль де Бовель (1533) // Этапы развития романских языков: от языка живого общения к национальному языку : межвуз. сб. науч. тр. / Моск. гос. обл. ун-т ; отв. ред. И. В. Скуратов. М., 2019. С. 138–145.
2. Auroux S. (dir.). Histoire des idées linguistiques. T. 2 : Le développement de la grammaire européenne. Liège : Mardaga, 1992. 399 p.
3. Степанова А. Н. К проблеме грамматической формы и грамматической категории: на материале французского языка. Минск : МГПИИЯ, 1972. 93 с.
4. Михайлова Е. Н. Грамматическая традиция французского возрождения : класс имен : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.05. СПб., 2000. 285 л.
5. Ramée P. de la Grammaire. Paris : André Wechel, 1572. 211 p.
6. Варрон Марк Теренций. О латинском языке // Античные теории языка и стиля. СПб., 1996. С. 99–110.
7. Тронский И. М. Проблемы языка в античной науке // Античные теории языка и стиля. СПб., 1996. С. 9–32.
8. Dubois J. (Sylvius Jacobus Ambianus). In linguam Gallicam Isagoge, una cum eiusdem Grammatica Latino-Gallica ex Hebraecis, Graecis et Latinis scriptoribus. Parisiis, ex officina Roberti Stephani, 1531. 131 p.
9. Bovillus Carolus (Charles de Bovelles). De differentis vulgarium linguarum et gallici sermonis varietate. Parisiis, ex officina Roberti Stephani, 1533. 107 p.

Елена Николаевна Михайлова

доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации

Института межкультурной коммуникации и международных отношений
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет» (НИУ «БелГУ»)

Elena N. Mikhaylova

Habilitated Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Romance and Germanic Philology and Intercultural Communication, Institute of Intercultural Communication and International Relations, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education «Belgorod National Research University»
emikhailova@yandex.ru

УДК 811.133.1'28(091)

Л. А. Становая
Санкт-Петербург, Россия

ФРАНСИЙСКИЙ ДИАЛЕКТ: МИФЫ И ФАКТЫ

В статье опровергаются новые мифологемы, сложившиеся в результате жесткой критики теории Г. Париса, Л. Готье, Ж. Бедье, Ф. Брюно, Э. Бурсье, А. Доза и других известных романистов о формировании французского языка на базе франсийского диалекта. Эмпирически доказывается как существование самих франсийских диалекта и скрипты, так и франсийское происхождение той модели языка, которая обусловила широкое употребление франсийских форм в рукописных текстах IX–XV вв. и сыграла особую роль в процессе стандартизации французского языка.

Ключевые слова: история французского языка, историческая диалектология, скриптология, франсийский диалект, франсийская скрипта.

L. A. Stanovaïa
St. Petersburg, Russia

FRANCIEN: MYTHS AND FACTS

The article refutes new mythologemes formed as a result of criticism of the theory of G. Paris, L. Gautier, J. Bédier, F. Brunot, E. Bourcier, A. Dauzat and other famous romanistes about the formation of the French language on the basis of the Francien dialect. Empirically, the existence of the Francien dialect and scripta themselves is proved, as well as the Francien origin of the language's model, which led to the widespread use of Francien forms in handwritten texts of the IX–XV centuries and played a special role in the process of standardization of the French language.

Key words: history of the French language; historical dialectology; scriptology; francien dialect; francien scripta.

Предложенная в «новой» истории французского языка концепция формирования французского языка не только полностью зачеркнула предложенную ранее (Г. Парис, Л. Готье, Ж. Бедье, Ф. Брюно, Э. Бурсье, А. Доза и др.), но и объявила об отсутствии как особой роли франсийского диалекта в этом процессе, так и самого франсийского диалекта.

Так, Ж. Шоран [1; 2] заявил, что употребление термина «франсийский» (francien) означает, что современный французский язык является результатом распространения одного диалекта, что неверно. В качестве доказательства он

привел сугубо умозрительное заключение, что франсийский диалект не являлся собственно диалектом как говором крестьян и других необразованных слоев общества. Рано став говором Парижа, он стал использоваться как средство общения образованных людей всей средневековой Франции, а потому впитал в себя особенности разных диалектов. Таким образом, то, что филологи XIX в. называли франсийским диалектом, на самом деле является результатом раннего формирования французского литературного языка на основе разных диалектов.

Естественно, что эти рассуждения вызывают недоумение. А говор Парижа на чем основывался? Сразу на других диалектах? Получается, что своих жителей ни в Париже, ни в Иль-де-Франсе не было, а были только приезжие, говорящие на своих диалектах, соединение которых и стало французским языком? С какого времени следует датировать «раннее» формирование французского литературного языка? Прямо с появления первого французского текста в IX в.? или же с XIII в., когда, по мнению Ж. Шорана, появляется французский нормализованный язык (*langue standard*)? Наконец, на каком языковом материале были сделаны эти выводы? Ведь сам автор указал, что нет ни одного франсийского текста, написанного до XIII в. Как же он смог установить те особые черты франсийского диалекта IX–XII вв., которые отличают его от парижского говора и рано образованного французского литературного языка, чтобы заключить, что франсийский, парижский и литературный французский – до XIII в. не одно и то же?

Несмотря на явную некорректность и нелогичность предложенной концепции, именно эти идеи и аргументы были развиты в последующих работах (Ж. Бергунью, Б. Серкильини, Кр. Маркелло-Низья, Ж.-П. Шамбон, М.-Д. Глесген, и др.), и отсутствие франсийского диалекта стало считаться бесспорным фактом. Термин «франсийский» стал практически табуированным и был заменен термином «парижский», но затем и этот термин подвергся критике [3]. Подводя черту под всеми дискуссиями, К. Грюбль [4] категорично заявил, что франсийский никогда не существовал как автохтонный диалект ни в Иль-де-Франсе, ни где-либо еще.

В итоге, например, на карте региональных говоров, или как сейчас модно говорить, «языков», предлагаемой всем изучающим французский язык и историю французского языка, есть единственное пустое место в центре Франции [5]. Это Иль-де-Франс, который сейчас занимает площадь более 12 000 квадратных километров, включает восемь департаментов, является самым многолюдным и самым густонаселенным районом Франции [4]. Но вот парадокс – это единственный район Франции, жители которого лишены своего собственного говора.

Ранее на всех картах Франции всегда указывалась франсийская диалектная зона. Особенности всех говоров Франции, включая франсийский, нашли отражение в 35 томах Лингвистического Атласа Ж. Жильерона и Э. Эдмона [6]. Отдельный атлас из 21 тома Лингвистических региональных Атласов Франции посвящен говорам Иль-де-Франса, Орлеанэ, Перша,

Турени [7]. Очевидно, что франсийский диалект как диалект Иль-де-Франса существовал и существует до сих пор: иначе Ж. Жильерон и Э. Эдмон просто не смогли бы составить первый Лингвистический Атлас Франции, а М.-Р. Симони-Орамбу – выделить особенности говоров Иль-де-Франса, Орлеанэ, Перша, Турени и заявить об их отличии от французского языка Парижа, призвав лингвистов не дать себя ослепить и поверить, что в Иль-де-Франсе всегда говорили на парижском французском [8, р. 136].

Считая, что ни один язык, ни на одном этапе своего существования, не представляет единого монолита, но диасистему со всеми типами (диахроническая, диатопическая, диастратическая, и т.д.) вариативности, мы всегда выделяли и продолжаем выделять франсийские диалект и скрипты.

Конечно, в средние века не было ни термина «франсийский», ни названия «Иль-де-Франс». Исторически ‘французский язык’ (*franceis, francois, français*) – это диалект одного из районов Франции (*Gallia, Francia, France*). По мере расширения границ королевского домена, особенно в течение XII–XIII вв., расширялись и границы Франции как королевства. Необходимость отделить один из исторических и географических районов Франции от Франции как всего королевства обусловила возникновение нового названия – Иль-де-Франс, которое появилось во французских текстах в XV в. [4]. Однако новый термин ‘франсийский’ для обозначения диалекта Иль-де-Франса появился только в конце XIX в., когда стали активно изучаться как современные французские говоры, так и старофранцузские.

С введением термина «скрипта» стало ясно, что достаточно разделить разные понятия – диалект как региональный вариант языка и скрипта как региональный вариант письменности – и тогда вопрос о существовании франсийского диалекта как диалекта Иль-де-Франса решается сам собой [4]. Все, что касается особенностей скрипты, оказывается связанным с историей письменности, наличием и развитостью письменной традиции региона, с проблемами локализации рукописей и их сохранности. Несомненно, что количество сохранившихся рукописей не является ни критерием для выделения диалекта – любого, а не только франсийского, ни свидетельством его существования. Напротив, чтобы выделять и изучать особенности скрипты, необходим материал исследования – рукописные тексты, выполненные в этом районе.

Наши исследования французских рукописных текстов IX–XV вв. убедили нас и в существовании франсийских скрипт, и в их особой роли в формировании французского письменного языка. Мы видим главную причину столь бурных дискуссий в недостатке исследований франсийских скрипт, обусловившем спорность проведения границ между диалектами и скриптами и спорность локализации рукописей. Поэтому мы предложили два новых метода изучения и локализации рукописей, которые мы назвали «вертикальным» и «горизонтальным» [9; 10], и уточнили территорию франсийских скрипт, корпус франсийских рукописей и их существенные особенности [11; 12].

Анализ диалектологических и скриптологических работ, исследований Ф. Брюно и А. Лоджа, Атласов старофранцузского языка А. Дееса, Атласа говоров современного французского языка Ж. Жильерона и Э. Эдмона позволил выделить 3 фундаментальных признака, которые сохраняются на протяжении всего периода эволюции французского языка и позволяют тем самым уточнить контуры всех диалектных и скриптуральных зон. Это:

1) палатализация во франсийском, восточных и западных говорах [ka > che], в северных [ka > ka], которая является основой северной границы, разделяющей франсийскую и пикардскую зоны, например: франсийские *chanter, chambre, jambe* и пикардские *canter, cambre, gambe* и т.д. [6, № 248];

2) наличие во франсийском и западных говорах эпентетических согласных [n_r] в группах [-nr-], [-ml-], [-lr-], их отсутствие в северных и восточных говорах, которое является основой восточной границы, разделяющей франсийскую и шампанскую зоны, например: франсийские *chambre, viendraient, ensemble* и шампанские *chamre, vienraient, ensem(le)* [6, № 1089];

3) дифтонгизация [o > eu > oe] во франсийском и в восточных говорах, [o > ou > u] в западных, которая является основой западной границы, разделяющей франсийскую и нормандскую зоны, например: франсийские *leur, noeud* и нормандские *lur, nud* [6, № 915].

Чтобы установить границы франсийской скриптуральной зоны, мы обратились к Атласам А. Дееса [13; 14], выбрав следующие карты:

(1) *Atlas de chartes* [13]: n°17 – чередование [o : u] в графических формах «*lour, leurs*»: «*lor, lors*», которое отражает развитие дифтонга [ow > u] на западе и [ow > ew > oe] на востоке и разделяет франсийскую и нормандскую зоны; n°135 – чередование [k : č] в графических формах «*cose, kose, etc.*»: «*chose, chouses, etc.*», которое разделяет франсийскую и пикардскую зоны; n°252 – наличие – отсутствие эпентетических согласных в графических формах глагола «*prendre*», которое разделяет франсийскую и шампанскую зоны;

(2) *Atlas de textes littéraires* [14]: n°141 – чередование [oe : u, o] в графических формах прилагательных на «*-eus*», которое разделяет франсийскую и нормандскую зоны; n°159 – чередование [k : č] в графических формах «*castel, etc.*»: «*chastel, etc.*», которое разделяет франсийскую и пикардскую зоны; n°373 – наличие – отсутствие эпентетических согласных в графических формах глагола «*prendre*», которое разделяет франсийскую и шампанскую зоны.

Первый анализ мы сделали, взяв за основу большинство (более 50 %) франсийских форм. Этот анализ показал, что более 50 % франсийских форм зафиксировано в литературных текстах 15 скрипт, в хартиях 9 скрипт [11].

Получается, что все отвергнутые «новой» историей романисты были правы, когда говорили об общности языкового узуса, прежде всего литературных текстов, и более региональном характере хартий. Подтверждаются все базовые постулаты скриптологии: рукопись не является прямым отражением диалекта, большинство употребленных в ней форм являются общими

для всех старофранцузских рукописей, между диалектом и скриптой одного района нет тождества. Эти особенности заметили уже первые исследователи: в 1839 г. Г. Фалло [15] отметил, что старофранцузский язык в целом идентичен, но различается в деталях и нюансах, особенно до первой половины XIII в. и особенно в произношении; в 1845 г. Фр. Женен [16] определил язык, зафиксированный в рукописях, как более или менее «чистый» (*avec plus au moins de pureté*) французский язык.

Однако зона франсийских скрипт получилась слишком большой. Наш предшествующий анализ морфологических форм существительных, прилагательных, артиклей, местоимений, причастий показал, что франсийские рукописные тексты отличаются преимущественным (более 90 %), а иногда и исключительным (до 100 %) употреблением франсийских форм [17]. Поэтому, чтобы уточнить контуры франсийской зоны, мы увеличили количество франсийских форм до более 70 % и соответственно уменьшили количество форм базового диалекта до 30 %. Зона франсийских скрипт сразу сократилась: по хартиям из 9 скрипт осталось 5, по литературным текстам из 15 скрипт осталось 7 [11].

Из этого следуют три важных вывода.

1. Формы, которые соседствуют с формами базового диалекта во всех рукописях, являются на самом деле франсийскими. Именно франсийские формы, а не «французские», «общефранцузские», «общие», «нейтральные», «нейтрализованные», «литературные», «письменные», «междиалектные», «межрегиональные», «наддиалектные», «надрегиональные», употребляли старофранцузские сcribes и переписчики вместо форм своего базового диалекта. Здесь важно подчеркнуть, что подобное разделение форм на французские / не французские, нейтральные / регионально маркированные, литературные / просторечные, нейтрализованные / диалектные, и т.д. означает, что в качестве точки отсчета берется современный нормативный французский язык. Только по отношению к нему одни формы будут обладать региональной спецификой, а другие будут нейтральными, не имеющими специфического регионального характера. В таком случае неудивительно, что франсийские формы трактуются лингвистами как нейтральные, надрегиональные, литературные, французские, общефранцузские и т.д., ведь именно франсийский диалект лежит в основе современного французского языка. Но нельзя подходить к анализу старофранцузского языка и его диалектов с точки зрения современного французского языка и его кодифицированной нормы. В старофранцузский период все формы были одинаково региональными – это были формы разных диалектов. Раз вместо форм базового диалекта писцы употребляли франсийские, значит, диалектной основой той модели языка, которая признавалась более правильной, более престижной в социальном плане, являлся именно франсийский. Мы ранее сделали этот вывод на материале именно морфологии, теперь видим то же самое на материале фонетики и графики [17; 11].

2. Процесс формирования французского письменного языка является процессом стандартизации, а не: а) койнетизации, которая предполагает употребление форм разных диалектов, что не подтверждается эмпирически; б) дедиалектизации и нейтрализации, которая предполагает использование неких наддиалектных, нейтрализованных форм, т.е. форм так называемого ярко выраженного французского характера, не обладающих специфичными диалектными или региональными чертами. Раз вместо форм базового диалекта писцы употребляли франсийские, значит, был процесс стандартизации письменного узуса, и франсийская скрипта была тем стандартом, на основе которого формировались сначала латинские, а затем и французские скрипты.

3. Разная частотность форм базового диалекта – от 23 % в нормандских хартиях до 100 % в лотарингских, от 7 % в литературных текстах Берри до 100 % в Анжу, Вандее и Пуату – свидетельствует о большой вариативности скриптуральных норм, а не о бóльшей или меньшей специфике базовых диалектов.

Сопоставив все данные, мы заключили, что франсийская скриптуральная зона объединяет скрипты Парижа, Орлеанэ, Суассона, Санлиса и Компьени. Бургундские скрипты являются отдельными, самостоятельными, а статус скрипт Берри и Турени требует дополнительного изучения. Поскольку в Атласе центральных говоров [7] выделены две диалектные зоны (одна объединяет Иль-де-Франс, Орлеан, Перш, Турень, а вторая под названием «Центр» соответствует Берри), можно заключить, что контуры франсийской скриптуральной, средневековой, зоны в общих чертах, но не полностью, совпадают с контурами диалектной, современной, зоны. Территория франсийских скриптуральной и диалектной зон не совпадает с территорией современного административного региона Иль-де-Франс [11].

Наше исследование показало, что франсийские рукописные тексты отличаются от рукописей других районов: 1. сосуществованием двух скриптуральных (этимологической и аналогической) норм графического оформления имени; 2. однородностью языкового узуса, обеспеченной преимущественным использованием франсийских форм; 3. уважительным отношением франсийских переписчиков к протографам, т.е. копируемым рукописям [12].

ЛИТЕРАТУРА

1. Chaurand J. Histoire de la langue française. Paris : PUF, 1969. 128 p.
2. Chaurand J. Pour l'histoire du mot *francien* // Mélanges de dialectologie d'oïl à la mémoire de R. Lorient. Dijon, 1983. P. 91–99.
3. Gröbl Kl. La standardisation du français au Moyen Âge: point de vue scriptologique // Revue de linguistique romane. 2013. № 77. P. 343–383.
4. Становая Л. А. Франсийский как камень преткновения в истории французского языка // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. № 5 (3). С. 164–199.
5. LEXILOGOS : dictionnaires, cartes, livres en ligne [Electronic resource] URL: https://www.lexilogos.com/france_carte_dialectes.htm (accessed: 10.10.2021).

6. Gilliéron J., Edmont E. Atlas linguistique de la France. Paris : Champion, 1902-1910. 35 vol.
7. Simoni-Aurembou M.-R. Atlas linguistique et ethnographique de l'île-de-France et de l'Orléanais (île-de-France, Orléanais, Perche, Touraine). Paris : CNRS Editions, 1973-1978. 2 vol.
8. Simoni-Aurembou M.-R. Le français régional en Île-de-France et dans l'Orléanais // Langue française. 1973. № 18. P. 126–136.
9. Stanovaïa L. A. Étude verticale et horizontale de manuscrits de l'ancien français // Actes del 26é Congrès de Lingüística i Filologia Romàniques / ed.: H. E. Casanova, C. Calvo Rigual. Berlin, 2013. Vol. 7. P. 397–410 (4326–4338).
10. Становая Л. А. Использование «вертикального» и «горизонтального» методов в исследованиях по истории языка // Известия РГПУ. 2018. № 189. С. 219–229.
11. Stanovaïa L. A. Le dialecte et les scripta franciens: contours de la zone scripturale francienne // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2021. № 1. С. 97–117.
12. Stanovaïa L. A. Le dialecte et les scripta franciens: particularités de scripta franciennes // Crede Experto: транспорт, общество, образование, язык. 2021. № 2. С. 108–137.
13. Dees A. Atlas des formes et des constructions des chartes françaises du 13. Siècle / Avec le concours de P. van Reenen et J. A. de Vries. Tübingen : Niemeyer, 1980. XIII, 371 p.
14. Dees A. Atlas des formes linguistiques des textes littéraires de l'ancien français / Avec le concours de M. Dekker, O. Huber, K. van Reenen-Stein. Tübingen : Niemeyer, 1987. 684 p.
15. Fallot G. Recherches sur les formes grammaticales de la langue française et de ses dialectes au XIIIe siècle. Paris : Imprimerie Royale, 1839. 588 p.
16. Génin F. Des variations du langage français depuis le XIIe siècle. Paris : Didot frères, 1845. XL. 553 p.
17. Становая Л. А. Старофранцузская морфология и теория скрипты : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.05. СПб., 1994. Т. 1–2. 503 л.

Лидия Анатольевна Становая

Доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой романской филологии.
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

Lydia A. Stanovaïa.

Habilitation Doctor of Philology, Professor, Head of the department of Romance philology
Herzen State Pedagogical University of Russia
lida_stan@mail.ru

ЛЕКСИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ЯЗЫКА: ГАРМОНИЯ VS. АНОМАЛИЯ

УДК 81'42

Т. В. Аникеева
Минск, Беларусь

КОСВЕННАЯ НОМИНАЦИЯ ПРЕЦЕДЕНТНОГО ФЕНОМЕНА СОВРЕМЕННОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

В статье рассматриваются вопросы установления семантико-структурных соответствий между прецедентным феноменом как значимой когнитивно-семиотической единицей и текстовыми способами его реализации. Устанавливается, что текстовая объективация прецедентного феномена осуществляется путем апелляций нескольких типов, к которым относятся прямые и косвенные способы номинативного отражения прецедента в пространстве современного художественного текста. Отмечается различный тип взаимодействия между ономаσιологическим признаком как основой функционирования прецедента и языковой формой его отражения.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *прецедентный феномен, ономаσιологический признак, косвенная номинация.*

T. V. Anikeyeva
Minsk, Belarus

INDIRECT NOMINATION OF MODERN LITERARY TEXT PRECEDENT PHENOMENON OBJECTIFICATION

The article considers the issues of semantic and structural correspondences between language precedent phenomena as meaningful cognitive and semiotic units and their textual representations. It is stated that the textual precedent phenomenon objectification is performed through the representations of several types including direct and indirect ways of nominative precedent phenomena objectifications in modern literary text. It defines the variability of interaction types between the onomasiological feature as a basis for precedent phenomenon functioning and the language form of its realization.

К e y w o r d s: *precedent phenomenon, onomasiological feature, indirect nomination.*

Современный художественный текст представляет собой поле номинативной реализации языковых средств и феноменов различной семиотической природы. Семантика и прагматика средств выражения межтекстовых связей вытекает из особого типа отражения взаимодействия между двумя видами текста: продуцирующего определенный феномен, который его порождает, и принимающим текстом; исходным и текстом, заимствующим прецедент. Сложный онтологический характер данных феноменов и возможность их разноаспектного представления позволяют говорить о различном механизме, лежащем в основе их репрезентации, а также о различной языковой форме как результате текстового взаимодействия и трансляции.

Реализованные в современном художественном тексте, прецедентные феномены как средства выражения межтекстовых связей могут быть разделены на несколько основных групп в соответствии со способом их текстового представления. В пространстве заимствующего текста, в качестве которого может выступать как вербализованный источник, так и культурно ориентированный ресурс, прецедентный феномен реализуется в его первичном употреблении. Прецедентное имя и/или высказывание, употребленные как средства первичной номинации, служат для прямого отражения значимой реалии или культурного контекста, в который она помещена. Заимствование, отражающее вторичный тип номинации, осуществляет перенос имени и придание ему прецедентного статуса на основе употребления отдельного ономаσιологического признака. Специфика реализации данного признака состоит в возможности его разнотипного отражения, что может определяться при помощи понятия *косвенности*. Косвенная номинация как отдельный способ реализации прецедента задействует несколько основных способов описания исследуемого феномена. Одним из значимых способов раскрытия значения прецедента является воспроизведение номинативного признака, происходящее путем номинативной замены, при помощи указания на уже существующий текст: *«Мысль имитировать его поведение, чтобы отомстить Головачеву, казалась мне неубедительной. Этот «друг степей калмык» для моих планов абсолютно не подходил. Пользуясь его моделью, можно было рассчитывать лишь на то, что удастся насмерть заговорить доктора монгольской поэзией»* [1, с. 82]. Обращение к прецедентному тексту стихотворения А. С. Пушкина *«Я памятник себе воздвиг нерукотворный»* формирует межтекстовую связь на основе представленной в заимствующем тексте апелляции к именному комплексу *друг степей калмык*. Номинации подобного типа являются не только референциальным соотношением определенной реалии фикциональной действительности с представленным в заимствующем тексте референтом, но и привносит фрагмент коннотативного осмысления заимствующего текста (в оригинальном тексте *дикий тунгус и друг степей калмык* противопоставляются народам менее отдаленных областей Российской империи, знакомых с текстами автора произведения). Номинации подобного типа могут создавать вторичный *коннотативный* фон вследствие использования в функции эвфемизма, снижающего их дерогативный характер. Эвфемизации могут подвергаться как традиционные представления из религиозной, национальной и иных типов сфер, так и осуществляемые путем переосмысления известных процессов и свойств: *«Клиентки представляли собой разновидность престарелых девушек с сильно отредактированным замыслом Господа на лице»* [2, с. 118]. Вместо описания внешности героя как сильно измененной пластическими операциями, вводится прецедентный текст, указывающий на знание о сотворении мира, представленное в христианской картине мира (человек, который сотворен по образу и подобию Бога, может быть кардинально изменен путем хирургических вмешательств).

В качестве косвенного номинативного описания предстает номинация с опорой на один из значимых аспектов прецедентного феномена. Типичным способом реализации номинации является описание при помощи одного из сигнификативных признаков прецедента. Уровневая структура прецедентного феномена позволяет воспроизводить прецедентный феномен на основе свойств и характеристик, отражающих функции обозначаемой реалии, свойства или способа обращения к ней, а также визуальных характеристик (например, внешность персонажа). Ономасиологическим признаком, воспроизводящим прецедентный феномен, является в таком случае атрибут прецедента, понимаемый как часть интегрального уровня прецедентного феномена, признак, «необязательный, но достаточный для идентификации имени» [3, с. 40] или ситуации [4, с. 298]: «*Отбила телеграмму, что будет в четверг, а сама явилась в среду. Простительная оплошность для коммуниста ленинского призыва, дожившего до **Густых Бровей***» [5]. Номинация *густые брови* служит способом атрибутивного воспроизведения прецедентного имени *Леонид Брежнев* с опорой на описание одной из значимых визуальных характеристик исторического лица. Данный тип косвенного номинативного описания может воспроизводиться путем введения контекстуальной оценки, определяющей трансформативные изменения текста-донора: «*Право, я готов был все это сделать, хотя не знаю, как бы это выглядело со стороны. Я вошёл, ввалился в клубах морозного пара и уже открыл рот, чтобы произнести **великое ветхозаветное приветствие**, и сжатая в троеперстие пятерня начала плавный подъем ко лбу*» [6]. Оценочная направленность косвенной номинации и ее эвфемистичность могут формироваться исключительно воздействием и внутренней обусловленностью сферы-источника, а также поддаваться интерпретации в силу детерминированности культурным знанием: «*Но из проповеди-отповеди мы не узнали главного: что же такое чудо? «**Род лукавый и прелюбодейный**», мы не ищем знамений и не требуем чудес, мы просто хотим знать, что же это такое – чудо?»*» [7]. Номинация при помощи именной группы *род лукавый и прелюбодейный* отсылает к наименованию Иисусом Христом в Новом Завете традиционных культовых групп фарисеев, неспособных принять иной тип учения, кроме ветхозаветного, и требующий доказательств чудесами в вопросах вероучения.

Одним из значимых типов воспроизведения косвенной номинации является задействие стилистических сдвигов, определяемых как изменения и перенос дискурсивно-тематических особенностей, присущих определенному функциональному стилю, на реализацию иной текстовой единицы. В таком случае тип реализации прецедентного феномена определяется как первично номинативный: «*И вот уже **среброкрылые птицы**, так в советских газетах для вящей красоты назывались воздушные лайнеры, вырывают к зданию аэропорта*» [8]. Значимость этого типа косвенного номинирования обусловлена стилистическим воздействием, осуществляемым на реципиента газетно-публицистического дискурса и связана с особым типом нормативности, характерной для языка определенной исторической эпохи.

Примером функциональной апелляции к определенному прецеденту путем обращения к его лексикографическим характеристикам может служить воспроизведение широко известного факта биографии персонажа. Данный тип особенно характерен для феноменов, сфера-источник которых является широко репрезентированной среди рассматриваемых в теории прецедентности: *«Тут я подумал: может, он и хочет стать героем интернета? Если один придурок ради вящей славы в веках сжечь храм (и добился ведь таки своего!), неужели другой ради того же не остановится, чтобы убить какого-то бесхозного кота?»* [2, с. 151]. Апелляция к факту из биографии исторического персонажа древности Герострата, решившего прославиться в веках тем, чтобы сжечь храм Артемиды Эфесской, является широко известной среди представителей нескольких лингвокультурных сообществ, в соответствии с чем косвенная номинация данного типа становится возможной.

Косвенная номинация – как отдельный способ репрезентации прецедентного феномена – требует отграничения от иных способов репрезентации прецедента, таких как вторичная и неопределенно-референциальная номинация: *«Я заметил, что уголок его рта подергивается. И эти усы. Мерзкие усы-щечочки, как у какого-то голливудского актёра тридцатых годов»* [2, с. 149]. Специфика отграничения косвенной от неопределенно-референциальной номинации состоит в возможности мультиреференциального соотнесения прецедентного феномена с несколькими известными феноменами. Косвенная номинация прецедентного феномена реализуется благодаря возможности обозначать один объект несколькими именами и описывается как одна из реализаций гетерономинативности. Как косвенно-номинативная, так и неопределенно-референциальная номинация соотносятся с представлением об окказиональном переименовании, состоящем в возможности номинативного отбора в пределах заданного семантико-ассоциативного ряда. Отграничение вторичной номинации от косвенной может быть представлено на основе различного характера реализации ономаσιологического признака: для вторичной номинации признак предстает в скрытом виде, в то время как косвенная номинативность задействует ономаσιологический признак на уровне языковой формы.

Представленные примеры позволяют сделать несколько выводов относительно специфики реализации способа номинации в структуре прецедентного феномена современного художественного текста. Традиционным способом текстового представления прецедентного феномена в современном художественном тексте является вторичная номинация, позволяющая осуществлять альтернативное наименование реалии или ситуации на основе варьирования ономаσιологического признака, лежащего в основе номинации. Одним из специфичных способов вторичного номинативного воспроизведения прецедента является косвенная номинация, демонстрирующая особый способ воспроизведения ономаσιологического признака. Отдельные случаи косвенной номинации также могут быть представлены при помощи первичной номинации как способа осуществления стилистического переноса.

Вторичная косвенная номинация может обеспечиваться как уровневым структурированием представлений, лежащих в основе реализации прецедента, так и спецификой, обусловленной потребностями адресанта, состоящими в перекодировании содержания прецедента в целях его адаптации к ситуации общения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Геласимов А. В. Рахиль. М. : Эксмо, 2016. 352 с.
2. Служитель Г. М. Дни Савелия. М. : АСТ, 2021. 380 с.
3. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М. : Гнозис, 2002. 284 с.
4. Латышева В. Л. Признаки и функции прецедентных феноменов // Вестник ИРГТУ. 2011. № 1 (48). С. 296–300.
5. Филимонов А. Выхожу 1 ja на дорогу [Электронный ресурс]. URL: <https://readli.net/vyihozhu-1-ja-na-dorogu/> (дата обращения: 29.11.2021).
6. Залотуха, В. Свечка. Т. 2. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litres.ru/valeriy-zolotuha/svechka-tom-2/>. – Дата доступа : 28.11.2021.
7. Залотуха, В. Свечка. Т. 1. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litres.ru/valeriy-zolotuha/svechka-tom-1-8685982/> (дата обращения: 28.11.2021).
8. Кибиров, Т. Генерал и его семья [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/library/timur-kibirov-general-i-ego-semya>. – Дата доступа : 01.12.2021.

Татьяна Владимировна Аникеева

аспирант кафедры славянских языков

УО «Минский государственный лингвистический университет»

Tatsiana V. Anikayeva

Postgraduate student of the Department of Slavic Languages,

Minsk State Linguistic University

tatsiana.anikayeva@gmail.com

УДК 811.133.1'373

Л. А. Грачева

Минск, Беларусь

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С КОМПОНЕНТОМ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ 'BLANC' ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье представлены результаты лингвокультурного анализа фразеологических единиц с колоративным компонентом *blanc* 'белый' на материале французского языка. Установлено, что компонент цветообозначения *blanc* обладает широким спектром

возникающих ассоциаций и используется для образования фразеологизмов с самыми различными положительными и отрицательными значениями, однако преобладают фразеологические единицы с отрицательной оценочностью.

Ключевые слова: *фразеологическая единица, цветообозначение, концепт, коннотация, положительная и отрицательная оценка.*

L. A. Gratcheva

Minsk, Belarus

PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE COLOR DESIGNATION COMPONENT 'BLANC' IN FRENCH

The article presents the results of a linguocultural analysis of phraseological units with the colorative component blanc 'white' in French. The analysis reveals that the color designation component blanc 'white' evokes a wide range of associations and forms phraseological units with both negative and positive meanings. However, phraseological units with negative evaluation prevail.

Key words: *phraseological unit; color designation; concept; connotation; positive and negative evaluation.*

Цветообозначения являются важной составляющей языковой картины мира, существует тесная связь символики цвета с культурой народа, его традициями, формирующимися на протяжении многих веков. В разных языках цветовые системы имеют как общие черты, так и различия, что находит своё отражение в формировании фразеологических единиц с компонентами цветообозначения.

Белый цвет относится к ахроматическим цветам и активно используется в цветовой фразеологии европейских языков. По мнению Н. В. Злыдневой, «в цветовом коде культуры белый цвет стоит особняком и несет в себе смыслы тотальности. Выступая одновременно как эквивалент и света, и пустоты, он осмысливается как прото-цвет и сверх-цвет» [1, с. 424].

В «Малой книге цветов» М. Пастуро и Д. Симоне приводится следующее толкование белого цвета: «Le blanc dit la pureté et l'innocence, la lumière divine. Mais il est aussi associé à l'absence, au manque <...> On pense aussi au vierge, au propre, à la neige qui n'est pas salie, à la sérénité et à la paix <...> Cela peut être aussi le froid (glacier), le commencement (l'origine du monde), la vieillesse et la sagesse, l'indécision» [2, с. 49]. 'Белый цвет означает чистоту и невинность, божественный свет. Но он также ассоциируется с отсутствием, нехваткой <...> Белый цвет заставляет нас думать о девственности, чистоте, незапятнанном снеге, безмятежности и мире <...> Это может быть также ледяной холод, начало (происхождение мира), старость и мудрость, неопределённость'.

Во французской культуре белый цвет традиционно рассматривается как символ добра, счастья, чистоты и невинности, что находит отражение во фразеологии: *vêtu de lin blanc* [библ.] 'одетый в белые одежды' (*белый цвет символизирует невинность, радость, чистоту*) [3, с. 1588], *être blanc comme neige (être tout blanc)* 'быть, считаться совершенно невинным', *être blanc comme un cygne* 'быть безупречным, незапятнанным', *sortir blanc (comme neige)* 'сохранить незапятнанную репутацию'.

В сознании носителей французского языка белый цвет также символизирует заботу и добродетель: *blanche main (main blanche)* ‘нежная ручка, заботливая рука’, *de ma blanche main* ‘своими собственными руками (о заботливо приготовленной пище)’.

Положительные ассоциации, вызываемые белым цветом, настолько сильны, что в некоторых фразеологических единицах колороним *blanc* используется, чтобы смягчить, ‘обелить’ негативные явления: *magie blanche* ‘белая магия’.

Во французском языке используются устойчивые словосочетания с цветообозначением ‘белый’, вербализирующие концепт ‘удачный, благоприятный’, ‘счастливый’: *marquer de blanc* или *d’un caillou blanc, d’une pierre blanche* ‘отметить как радостное событие’, *fils de la poule blanche* ‘счастливец’, *boule blanche* ‘хорошая отметка на экзамене’.

Белый цвет также ассоциируется со свободой выбора и действий: *carte blanche* ‘свобода действий; неограниченные полномочия’, *donner un chèque en blanc à qn* ‘предоставить кому-либо свободу действий’, *montrer patte blanche* ‘подать условный знак, чтобы быть пропущенным куда-либо’, *avoir les quatre pieds blancs* ‘выйти сухим из воды, получить прощение всему’.

Несмотря на многочисленные случаи использования во французском языке цветообозначения *blanc* во фразеологических единицах с положительной коннотацией, анализ фактического материала показал, что в большинстве случаев белый цвет носит скорее негативную, чем позитивную окраску. Примером могут служить фразеологические единицы, в которых словосочетание ‘белый флаг’, традиционно выступающее в качестве символа мира и имеющее положительное значение, в составе фразеологизма приобретает отрицательную окраску, символизируя сдачу, капитуляцию: *arborer le drapeau blanc* ‘поднять белый флаг, сдаться, капитулировать’.

Белый цвет – цвет седин, старость – предполагает уважительное отношение и ассоциируется с мудростью и опытом: *respecter les cheveux blancs* ‘уважать седины’, *loup blanc* ‘матёрый волк’. Однако седые волосы могут свидетельствовать не только о возрастных изменениях, но и о жизни тяжелой, полной забот и лишений: *se faire des cheveux blancs* ‘сесть от забот’, ‘нажить себе забот, известись’.

Среди проанализированных фразеологизмов многочисленными оказались фразеологические единицы, в которых колороним *blanc* используется для передачи таких негативно окрашенных понятий, как провал, неудача, безрезультатность, отсутствие (недостаток) чего-либо: *chou blanc* ‘полная неудача’, *coup blanc* ‘безрезультатное действие, тщетная, напрасная попытка’, *paix blanche* ‘безрезультатный мир без победителей и побежденных’, *nuit blanche* ‘бессонная ночь’, *vent blanc* ‘ветер, не приносящий дождя’, *messe blanche* ‘пустой разговор’, *billet blanc* ‘невыигравший лотерейный билет’, *page blanche* ‘неизведанное ощущение, чувство’, *mariage blanc* ‘фиктивный брак’, *blanche mémoire* ‘провал памяти’, *avoir un blanc (или des blancs)* ‘внезапно забыть что-либо, делать паузы’, *en blanc* ‘без указания требуемых данных’, *sortir avec le bâton blanc (à la main)* ‘уйти несолоно хлебавши’.

Негативные коннотации имеют также многочисленные устойчивые словосочетания с цветообозначением 'белый', выражающие эмоциональное состояние, а именно страх и трусость (*peur blanche* 'смертельный страх, ужас', *voix blanche* 'глухой, беззвучный голос от волнения, страха, гнева', *faire des* (или *les*) *yeux blancs* 'тарашить глаза; быть в полуобморочном состоянии', *foie blanc* 'трус', *avoir les foies blancs* 'бояться, трусить, дрейфить', *avoir du sang blanc* 'быть вялым, не энергичным; быть слабохарактерным, быть тряпкой; быть трусом'), а также ярость и бешенство: *chauffer à blanc* 'злить, раздражать', 'доводить до белого каления', *colère blanche* 'ярость', *jalousie blanche* 'слепая ревность'.

Ярко выраженные негативные оттенки значения имеют фразеологизмы с цветообозначением 'белый', которые вербализируют такие концепты, как 'рабство', 'проституция': *nègre blanc* 'бесправный человек', *traite des blancs* 'набор рекрутов обманом, эксплуатация рабочих', 'работоторговля европейцами', *traite des blanches* 'торговля женщинами', *magasin de blanc* 'публичный дом'.

Цветообозначение 'белый' имеет негативную оценочность во фразеологизмах, вербализирующих концепт 'пьянство': *avoir une ivresse blanche* 'быть в доску пьяным', *être entre le blanc et le clair* 'быть навеселе' и 'лицемерие': *sourire blanc* 'неестественная, натянутая улыбка'.

Колороним *blanc* используется также во фразеологических единицах, вербализирующих такие отрицательно окрашенные концепты, как 'нищета': *être coupé* (или *fauché, raide*) *à blanc* 'без денег, без гроша, без копейки', *réduire qn au blanc* 'довести кого-либо до нищеты', *mettre qn en* (или *à*) *blanc* 'обыграть кого-либо дочиста', 'разорить дотла, оставить в одной рубашке', *saigner à* (или *jusqu'au*) *blanc* 'обескровить, истощить', 'разорить, пустить по миру') и 'лишение свободы': *tomber à blanc* 'быть арестованным под чужим именем'.

Концепты 'неопытность' и 'простота, наивность', вербализирующиеся в таких устойчивых словосочетаниях, как (*petite*) *oie blanche* 'простушка, наивная и невинная' и *blanc bec* 'желторотый птенец, молокосос' также имеют скорее негативную, чем положительную окраску.

Многочисленны случаи использования колоронима *blanc* в своём прямом цветовом значении в компаративных фразеологических единицах. Преобладающими оказались фразеологические единицы, основанные на сопоставлении с предметами объективной действительности: *blanc comme le lait* 'белый как молоко', *blanc comme la cire des cierges* 'белый как воск свечей', *blanc comme un mur* 'белый как стена', *blanc comme (un) linge* 'белый как полотно', *blanc comme l'ivoire* 'белый как слоновая кость', *blanc comme (l') albâtre* 'белый как алебастр', *blanc comme un cachet d'aspirine* (досл.) 'белый как таблетка аспирина'. При этом оценочная коннотация лексической единицы, входящей в состав фразеологизма, усиливает его положительную или отрицательную оценку. Ср. *blanc comme le lait (comme neige)* 'белый как молоко (как снег)' и *blanc comme un mort (comme un linceul)* 'белый как смерть, как саван'.

Наиболее частотными являются компаративные фразеологические единицы, описывающие нездоровый внешний вид человека.

Следует отметить, что на оценочное значение фразеологических единиц значительное влияние может оказывать контекст. Например, во французском языке зооним *merle* ‘дрозд’, употреблённый в переносном значении, используется, как правило, для выражения ироничного или презрительного отношения к человеку: *Qu'est-ce que c'est, ce merle-là? Un va-nu-pieds, un sans-le-sou, un couche-dehors, un crève-la-faim? Qu'est-ce que c'est, dis?* (G. De Maupassant, *Histoire d'une fille de ferme*). ‘Что это за птица? Босоногий, без гроша за душой, бездомный, нищий бедняк? Кто он, скажи мне?’

Фразеологическая единица *merle blanc* ‘белая ворона’ может иметь как пейоративное, так и мелиоративное значение, в зависимости от контекстного окружения.

Например:

[II] *s'était mis en quête d'un vrai secrétaire, érudit, et me témoignait sa satisfaction d'avoir trouvé le merle blanc* (J.-E. Blanche, *Mes modèles*). ‘[Он] искал настоящего секретаря, эрудированного, учёного, и выразил мне своё удовлетворение тем, что нашел редкость, диковину’. В данном контексте фразеологическая единица *merle blanc* используется для описания человека, обладающего исключительными качествами.

Ср.: *Je suis toujours le merle blanc. Mes grands-parents parlaient avec un accent étranger, nous étions des émigrés, il ne fallait pas parler allemand devant les autres pour ne pas avoir l'air d'espions.* (M.-C. Blais, *Un flambeau à passer*). ‘Я всегда чувствовала себя изгоем. У моих бабушек и дедушек был иностранный акцент, мы были эмигрантами, и нам не следовало разговаривать на немецком языке в присутствии других, чтобы не быть обвиненными в шпионаже’. В данном контекстном окружении фразеологизм *merle blanc* передаёт отрицательное отчуждённое отношение к человеку, который не такой, как все.

Следует отметить, что фразеологизмы с компонентом цветообозначения ‘белый’ часто являются специфическими культурно-маркированными единицами, содержащими определенные культурные коннотации, связанные с реалиями французской культуры в разные исторические периоды.

Например, словосочетание *sortir avec le bâton blanc* имеет дословный перевод ‘выйти с белым посохом’. В средние века белый посох получали в знак дарованной им жизни жители, изгоняемые из завоеванной местности, что объясняет появление нового значения *sortir avec le bâton blanc* ‘уйти несолоно хлебавши’.

Словосочетание *marquer d'une pierre blanche* дословно переводится ‘отметить белым камнем’. В Древнем Риме существовал обычай отмечать удачные дни белыми камнями, поэтому фразеологизм *marquer d'une pierre blanche* имеет значение ‘отметить как радостное событие’ и передаёт положительную оценку.

Дословный перевод словосочетания *fils de la poule blanche* – ‘сын белой курицы’. По легенде, жене императора Августа на колени упала белая курица с веточкой лавра в клюве. Августы увидели в этом чудесное предзнаменование, и с тех пор белая курица пользовалась особой любовью императрицы и почиталась как священная. Фразеологизм *fils de la poule blanche* передаёт положительную оценку и имеет значение ‘счастливчик, баловень судьбы’.

Таким образом, при анализе фразеологических единиц с компонентом цветообозначения *blanc* ‘белый’ были выявлены единицы, в структуру значения которых входит как отрицательный, так и положительный оценочный компонент. Преобладающими оказались фразеологические единицы, передающие отрицательную оценку и вербализующие такие концепты, как ‘неудача, провал’, ‘капитуляция’, ‘рабство, проституция’, ‘пьянство’, ‘лицемерие’, ‘страх, трусость’, ‘ярость, бешенство’, ‘нищета’, ‘лишение свободы’, ‘неопытность’, ‘наивность, недалёкость’, ‘нездоровый внешний вид’, ‘одиночество, отчужденность’. Фразеологические единицы, имеющие положительную оценочность, используются для вербализации таких концептов, как ‘невинность’, ‘честность, нравственность’, ‘благородство, добродетель’, ‘удача’, ‘свобода’, ‘безупречный внешний вид’, ‘оригинальность, уникальность’. Кроме того, во фразеологическом корпусе французского языка встречаются амбивалентные единицы, которые в зависимости от контекстного окружения могут реализовывать как положительное, так и отрицательное значение.

Наличие среди проанализированных фразеологизмов культурно-маркированных единиц указывает на влияние национально-специфических факторов на процесс формирования фразеологического корпуса французского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Злыднева Н. В. Белый цвет в русской культуре XX века // Признаковое пространство культуры. М., 2002. С. 424–431.
2. Pastoureau M. *Le petit livre des couleurs*. Paris : Points, 2007. 121 p.
3. Новый большой французско-русский фразеологический словарь / В. Г. Гак, Л. А. Мурадова, И. А. Будницкая, И. П. Лалаев, Л. С. Ковшова. М. : Рус. яз., 2005. 1625 с.

Людмила Алексеевна Грачева
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры лексикологии французского языка
Минский государственный лингвистический университет

Ludmila A. Gratcheva
PhD, Associate Professor, Associate Professor of the Department of French Lexicology
Minsk State Linguistic University
ludmila.gratcheva@yandex.by

А. М. Дудина
Минск, Беларусь

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ ВО ФРАНКО- И АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИЙНОМ ЗАГОЛОВКЕ

В статье исследуются общие закономерности и особенности использования прецедентных феноменов в английских и французских медийных текстах, которые привлекают внимание читателя, повышают смысловую ёмкость содержания статей, создают необходимые (положительные или отрицательные) коннотации, обеспечивают диалогическое взаимодействие автора и читателя. Сделан вывод, что создание заголовков с использованием прецедентных феноменов обеспечивает коммуникативно-прагматическую открытость медиатекстов для адресатов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *прецедентные феномены, заголовок, медиатекст, прагматика, коннотация.*

A. M. Doudina
Minsk, Belarus

THE LINGUOPRAGMATIC ASPECT OF PRECEDENT PHENOMENA IN FRENCH- AND ENGLISH-SPEAKING MEDIA HEADLINE

The article studies general regularities and peculiarities of the use of precedent phenomena in English and French media texts, which attract the reader's attention to the content of the article, increase its semantic capacity, create necessary (positive or negative) connotations and provide dialogical interaction between the author and the reader. It is concluded that the creation of headlines with the precedent phenomena provides communicative and pragmatic openness of media texts for the addressees.

K e y w o r d s: *precedent phenomena, headline, media text, pragmatics, connotation.*

Повышенный интерес со стороны исследователей к семантике и прагматике текстов массовой информации объясняется тем, что «они являются одной из самых распространенных форм современного бытования языка» [1, с. 7]. Заголовок как неотъемлемый композиционный элемент медийной статьи обладает высоким потенциалом для привлечения внимания читателя, оказания воздействия на формирование его отношения к описываемым событиям.

Использование прецедентных феноменов помогает автору сделать медиазаголовки информативным, легким для восприятия. Оценивая роль прецедентных текстов в медийном дискурсе, Е. А. Земская отмечает: «Одним из типических для современных газет способов реализации поэтической функции языка (по Якобсону) являются цитация и квазицитация, т.е. включение в текст газеты чужого текста – в неизменном виде (цитация) и в трансформированном, переименованном (квазицитация). Подобные включенные тексты могут быть названы прецедентными текстами, так как хорошо

известны широкому кругу лиц, обладают свойством повторяемости в разных текстах» [2, с. 554]. Они известны подавляющему большинству определенного национально-лингвокультурного сообщества, актуальны в познавательном (когнитивном) и эмоциональном плане, активно используются в речи [3, с. 106; 4, с. 215–216]. Как утверждает Ю.Н. Караулов, «знание прецедентных феноменов есть показатель принадлежности к данной эпохе и ее культуре, тогда как их незнание, наоборот, есть предпосылка отгороженности от соответствующей культуры» [5, с. 217].

С учетом природы феномена выделяются *прецедентные тексты, высказывания, имена и ситуации*. К прецедентным текстам относят художественные произведения, тексты песен, тексты политического характера и др. В разряд прецедентных высказываний включаются цитаты из текстов различного характера, афоризмы, крылатые выражения, поговорки. Прецедентное имя – это индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом (относящимся, как правило, к числу прецедентных), или с прецедентной ситуацией. Последняя представляется как некая «идеальная» ситуация, связанная с определенными коннотациями. Ситуация может стать прецедентной, если в ней содержится прецедентное высказывание или имя [6, с. 83].

В рамках данной статьи ограничимся анализом лингвопрагматического аспекта прецедентных текстов, имен, ситуаций в заголовках статей французских и английских СМИ *Le Figaro, Le Monde, Le Nouvel Observateur, The New York Times, The Washington Post, The Telegraph, The Wrap* (рубрики «Общество» и «Политика»).

Рассмотрим примеры использования прецедентных текстов (ПТ) в медиазаголовках. Так, статья французской журналистки Эжид Альтенло озаглавлена *Le syndrome de la belle-mère ou quand la belle devient la bête* ‘Синдром свекрови или когда *красавица* становится *чудовищем*’ (*Le Figaro*, 19/09/2017, рубрика: Общество). Автор анализирует причины кризиса в семьях, воспитывающих детей от предыдущих браков, дает советы, как сделать совместную жизнь максимально комфортной. В качестве ПТ в заголовке использовано название сказки Шарля Перро «*La Belle et la Bête*» в трансформированном виде, т.е. в виде квазичитации (союз *et* ‘и’ заменяется на глагол *devenir* ‘становиться’). Э. Альтенло употребляет имена собственные *Belle* и *Bête* в качестве имен нарицательных, чтобы подчеркнуть привычность, типичность описываемых ситуаций.

Статья британского издания *The Telegraph* озаглавлена *Beauty VS the Beasts: Why Emma Watson a Target for the Worst Kind of Internet Trolls?* ‘*Красавица против чудовищ: почему Эмма Уотсон стала мишенью для самых отъявленных Интернет-троллей?*’ (*The Telegraph*, 16/03/2017, рубрика: Общество). В статье речь идет об актрисе Эмме Уотсон и нападках на нее со стороны журналистов и пользователей сети Интернет. Статья была опубликована в день премьеры нового фильма с участием актрисы – «Красавица и чудовище» (снятого по одноименной сказке Ш. Перро). Как

и в предыдущем примере, автор трансформирует оригинальное *Beauty and the Beast* ‘Красавица и чудовище’ на *Beauty VS the Beasts*, тем самым придавая образность заголовку и намекая на борьбу актрисы с недоброжелателями.

Подобную аллюзию на нашумевшую серию книг и фильмов наблюдаем и в заголовке статьи, опубликованной изданием *The Washington Post: Non-Flower Gardens: 50 Shades of Green, Plus Other Colors* ‘Сады без цветов: 50 оттенков зеленого и не только’ (*The Washington Post*, 07/03/2017, рубрика: Общество). С целью заинтриговать читателя в качестве ПТ (так же трансформированного) автором использовано название романа британской писательницы Э.-Л. Джеймс и снятого по его мотивам одноименного фильма *Fifty Shades of Grey* ‘Пятьдесят оттенков серого’. Однако содержание статьи никак не соотносится с сюжетом книги и фильма. Речь в ней идет о новом тренде в области ландшафтного дизайна – садах, в которых нет цветов. Тем не менее, автор рассчитывает именно на то, что у среднестатистического читателя должны возникнуть ассоциации с нашумевшим романом, и стремится привлечь его внимание к своей статье, используя *green* ‘зеленый’ вместо *grey* ‘серый’, а также заменяет пропись *fifty* числом 50.

Таким образом, широкое использование прецедентных текстов, вовлечение читателя в своеобразную игру со смыслами и подтекстом позволяет максимально сблизить позиции автора и читателя и убедить последнего разделить мнение журналиста. Их источниками во франко- и англоязычных медиастатьях чаще всего выступают произведения художественной литературы, названия популярных фильмов и песен.

Использование прецедентных имен (ПИ) в заголовках современных английских и французских газет – часто встречающийся прием. Так, заголовок издания *Le Figaro* гласит: *Sophia Amoruso, la Cendrillon du e-commerce* ‘София Аморузо, Золушка сферы электронной торговли’ (*Le Figaro*, 05/09/2018, рубрика: Общество). В статье рассказывается о рабочих буднях бизнесвумен и основательницы перспективной платформы для онлайн-продаж Софии Аморузо и об истории ее успеха. Текст подробно раскрывает детали становления С. Аморузо в бизнесе и описывает все трудности и испытания, которые ей пришлось преодолеть. Чтобы подчеркнуть главные качества героини статьи, позволившие ей добиться высот в бизнесе, в заголовке используется ПИ *Золушка* (главный женский персонаж одноименной сказки Шарля Перро, для которого характерны скромность, самоотдача, трудолюбие).

В мире нередки акции протестов против негативных общественных явлений или действий государства, законов, новых налогов и пр. Прошедшие в 2018 году во Франции протесты граждан против повышения цен на топливо выделяются из общей массы особым упорством, сплоченностью, невербальной организованностью и даже агрессией. Выходя на данные акции, французы надевали желтые дорожные жилеты, позиционируя себя как несогласных автовладельцев. Движение приняло массовый характер, вследствие чего жилеты начали надевать все участники манифестаций, а сам жилет стал

главным символом протеста. Благодаря этому во всех СМИ данное протестное движение начали называть «Жёлтыми жилетами». Данное ПИ наиболее часто символизирует народное недовольство во Франции, но также может ассоциироваться с деструктивными и массовыми протестными акциями, как, например, в заголовке *Gilets jaunes: le gouvernement face à la mobilisation* ‘Желтые жилеты: правительство лицом к лицу с мобилизацией’ (Le Figaro, 11/9/2018, рубрика: Политика).

Заголовок *Attentat de Rambouillet: la loi antiterroriste fixe la riposte à la nébuleuse* ‘Нападение в Рамбуйе: закон о борьбе с терроризмом должен внести ясность’ (Le Figaro, 25/04/2021, рубрика: Политика) отличается от прочих тем, что использованный в нем прецедентный топоним попал в эту классификацию совсем недавно, однако быстро вошел в число наиболее часто встречающихся в заголовках всех ведущих СМИ Франции. 23 апреля 2021 года в городе Рамбуйе (в 60 км к юго-западу от Парижа) на входе в полицейский участок было совершено нападение с ножом на сотрудницу полиции. Нападение совершил 36-летний эмигрант из Туниса, который позже был застрелен на месте происшествия. По данным некоторых новостных агентств, нападавший выкрикивал исламистские лозунги, из-за чего это преступление было расценено многими как акт терроризма. Инцидент шокировал французскую общественность, расследованием занялась антитеррористическая прокуратура. Президент Франции Э. Макрон заявил, что Франция не сдастся перед лицом «исламского терроризма». В связи с высоким резонансом название города стало ассоциироваться с данным инцидентом, что подтверждается многими газетными заголовками и высказываниями в соцсетях.

Часто в заголовках используются вкрапления из других языков, в частности английского. Так, в заголовке *Demain, c'est Big Brother qui conduit* ‘Завтра большой брат сядет за руль’ (Le Monde, 24/01/2013, рубрика: Общество) в качестве ПИ используется персонаж романа британского писателя Дж. Оруэлла «1984». Выражение «Большой брат следит за тобой» получило известность после публикации романа, продолжившего тему «преданной» революции, начатую Дж. Оруэллом в произведении «Скотный двор». Большой брат у Дж. Оруэлла – лидер британской революции 50-х, основатель партии «Ангсоц», правитель тоталитарного государства Океания. Этот пугающий образ, поскольку никто из простых граждан Океании не знает точно, реальный ли это человек или это лишь фантом, продукт пропаганды, олицетворение партии. Реальны лишь его портреты, развешенные по всему Лондону, написанные так, чтобы любой житель страны постоянно ощущал на себе его взгляд. Это ощущение тоталитарного контроля усиливается надписью под портретом «Большой брат следит за тобой» и разветвленной сетью доносчиков для своевременного выявления и ликвидации инакомыслящих. В статье же речь идет об автомобиле будущего. Он прекрасно оснащен, самостоятельно движется в заданном направлении и через

спутник контролируется органами безопасности, благодаря чему его невозможно угнать. Автор использует ПИ *Big Brother*, чтобы подчеркнуть безопасность езды на данном автомобиле, который ездит без водителя, но всегда под контролем «Большого брата».

Следующий заголовок *Donald Trump is the **Kardashian** for the political world* ‘Дональд Трамп – это *Кардашьян* в мире политики’ (The Wrap, 03/06/2018, рубрика: Политика) содержит ПИ *Кардашьян*. Это фамилия одной из самых популярных и медийных семей в США, снявшихся в собственном одноименном реалити-шоу и по сей день приковывающих к себе внимание миллионов пользователей соцсетей. В данной статье автор сравнивает политическую деятельность Дональда Трампа, экс-президента США, с поведением участников реалити-шоу, заключающуюся в излишнем желании привлечь к себе внимание любыми, даже самыми нелюбезными способами (чем и «прославили» себя члены названной семьи).

Как показывают примеры, для газетных заголовков характерно дословное воспроизведение прецедентного имени. При этом само включение в них прецедентной единицы выступает как средство создания прагматического эффекта воздействия на читателя.

Использование прецедентных ситуаций (ПС) составляет незначительную группу из числа обнаруженных нами медиазаголовков. Обратимся к примеру: *The World 9/11 took from us* ‘Мир, который был отнят у нас 11 сентября’ (The Times 9/11/2019, рубрика: Общество). 9/11 – дата самого масштабного теракта, мишенью которого стал Всемирный торговый центр, находившийся в башнях-близнецах в Нью-Йорке, «черный» день в истории Америки. В заголовок французского издания *Le Figaro L'exode de juin 1940: un traumatisme français* ‘Исход июня 1940 года: французская травма’ (Le Figaro 05/06/2020, рубрика: Общество) включена ПД – июнь 1940 года, месяц, когда фашистские войска вторглись на территорию Франции, неся с собой смерть и разрушение. Дата является траурной в истории страны и известна каждому французу.

Представляется, что достаточно редкое использование прецедентных ситуаций (зачастую включающих даты) связано с тем, что в отличие от прецедентных имен, им свойственен узкий контекст и смысл, отсылка к конкретным событиям в истории, значимым для определенных слоев общества в зависимости от их этноса, религии и др. факторов.

Проведенный анализ позволяет констатировать высокую частотность во франко- и англоязычных медийных заголовках прецедентных имен по сравнению с другими прецедентными феноменами. Упоминание имен политиков и общественных деятелей, звезд киноиндустрии, медийных личностей и т.д. позволяет значительно расширить охват читательской аудитории и вызвать у нее интерес к предлагаемой статье. Кроме того, многие фамилии уже

исключительно своим присутствием в заголовке создают контекст описанной ситуации или события за счет того, что ассоциируются с поступками, высказываниями или медийными образами упомянутых людей. Наименее представленными в исследуемом материале оказались прецедентные ситуации, что можно объяснить их отсылкой к конкретному событию в истории, ограничивающему контекст заголовка и, тем самым, медиастатьи. Также причиной нечастого их использования может служить неактуальность события. При использовании прецедентных текстов зачастую наблюдается включение в заголовок чужого текста в неизменном виде (цитация) и в трансформированном, переименованном виде (квазицитация).

В заключение отметим, что прецедентные феномены являются отличным инструментом для журналиста. Экономя объем заголовка, они способны лучше всего передать его смысл и контекст, создать диалогическое взаимодействие общекультурного и медийного пространств, автора и читателя, активизировать «культурный багаж» последнего. Это свойство прецедентных феноменов обеспечивает коммуникативно-прагматическую открытость медиатекстов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (современная английская медиаречь) : учеб. пособие. М. : Наука, 2008. 264 с.
2. Земская Е. А. Язык как деятельность : Морфема. Слово. Речь. М. : Флинта : Наука, 2004. 896 с.
3. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология : курс лекций. М. : Гнозис, 2002. 284 с.
4. Гудков Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М. : Гнозис, 2003. 288 с.
5. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М. : URSS, 2010. 264 с.
6. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов / В. В. Красных, Д. Б. Гудков, Д. В. Багаева, И. В. Захаренко // Язык, сознание, коммуникация : сб. ст. М., 1997. Вып. 1. С. 82–103.

Анжелика Михайловна Дудина

кандидат филологических наук, доцент, зав.кафедрой лексикологии французского языка
УО «Минский государственный лингвистический университет»

Angelika M. Doudina

PhD in Philology, Associate Professor, Head of of the Department of French Lexicology
Minsk State Linguistic University
a_doudina@mail.ru

Е. В. Загороднева
Липецк, Россия

ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА ГЕНДЕРНО МАРКИРОВАННОЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА КАК НОСИТЕЛЬ АНДРОЦЕНТРИЧНОСТИ

В работе исследуется внутренняя форма фразеологической единицы как носитель гендерной семантики. Доказывается, что внутренняя форма может быть как гендерно маркированной, так и нейтральной, однако способной в ряде контекстов реализовать гендерно маркированное значение фразеологической единицы. Внутренняя форма опирается на натуромерное, артефактное и антропомерное образное основание. В работе выделяются типы гендерной маркированности фразеологической единицы и доказывается андроцентрический характер фразеологии французского языка.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *фразеологическая единица, внутренняя форма, фразеологическое значение, гендерная маркированность, андроцентричность*

E. V. Zagorodneva
Lipetsk, Russia

THE INNER FORM OF A FRENCH GENDER MARKED PHRASEOLOGICAL UNIT AS A CARRIER OF ANDROCENTRICITY

The article examines the inner form of a phraseological unit as a carrier of gender semantics. It is proved that the inner form can be gender-marked or neutral, but capable to realize the gender-marked meaning of a phraseological unit in several contexts. The inner form can be based on a natural-dimensional, artifact and anthropometric figurative basis. The article highlights the types of gender marking of the phraseological unit and proves the andropocentric nature of the phraseologie of the French language.

К e y w o r d s: *phraseological unit, inner form, phraseological meaning, gender marker, androcentricity.*

Внутренняя форма фразеологической единицы (далее ФЕ) – это, несомненно, базис, на котором строится ее семантика, это некий образ, который мотивирует значение ФЕ, делает его прозрачным и читаемым для носителя языка. Еще А. А. Потебня исследовал взаимосвязь внутренней формы и этимологического значения языковых единиц [1, с. 102]. В современном языкознании исследованию этой проблемы на разном языковом материале посвящены работы Кунина А. В., Телии В. Н., Баранова А. Н., Добровольского Д. О., Масловой В. А., Кириллиной А. В., Жуйковой М. В., Зыковой И. В., Золотых Л. Г., Гогичева Ч. Г. и многих других.

Однако проблема внутренней формы и взаимосвязи ее с семантикой ФЕ еще далека от своего полного разрешения. В рамках данной статьи в фокус нашего научного интереса попадает исследование внутренней формы ФЕ

французского языка с точки зрения формирования его андроцентричности, то есть оязыковлени представлений о мире с позиции мужской перспективы, когда некой точкой отсчета выступает не человек вообще, а именно мужчина.

ФЕ есть единица образной (вторичной) номинации, прагматика создания которой состоит прежде всего не в номинации чего-либо, а в выражении отношения к называемому, то есть превалирующим в большинстве случаев становится именно коннотативный, а не сигнификативный или денотативный аспект фразеологического значения. В процессе фразеологизации ведущая роль принадлежит метафоризации, суть которой – антропометричность, проявляющаяся в том, что человеку привычнее и удобнее классифицировать и осмыслять объекты окружающего мира через самого себя, свое тело, свое непосредственное окружение. В результате этого ФЕ оказывается антропоцентричной. В то же время эта антропоцентричность зачастую проявляет себя именно как андроцентричность (*andros* ‘мужчина’, греч.).

Мы исследовали именно гендерно маркированные ФЕ французского языка, в них изучение внутренней формы становится особенно актуальным. Под гендерно маркированными ФЕ мы понимаем такие ФЕ, план выражения и/или план содержания которых содержит гендерные маркеры, а именно прямые либо косвенные указания на объекты, связанные с полем маскулинности или фемининности. Как правило, в основе семантики таких ФЕ лежит прозрачная внутренняя форма, раскрывающая либо натуромерное, артефактное, либо антропомерное образное основание, входящее в свободное словосочетание. Н. Н. Кириллова называет это не свободным, а атомарным словосочетанием, префразеологической ступенью, закладывающей первые признаки будущей семантической целостности ФЕ, лексемная структура которой предопределена сформировавшимися в сознании народа установками [2, с. 131].

Так, лексема *boeuf* ‘бык’, употребляемая в переносном значении, может обозначать во французском языке как сильного, крепкого, здорового мужчину, способного выполнять тяжелую физическую работу, так и глупого, управляемого человека: *fort comme un boeuf* ‘силен как бык’ [3]. Данная лексическая единица в составе ФЕ накладывает жесткие ограничения на пол референта и не используется по отношению к женщине. В то же время лексема *boeuf* ‘бык’ имеет близкую, синонимичную по некоторым параметрам лексему *taureau* ‘бык’: *fort comme un taureau* ‘силен как бык’ [3], обозначающую тот же самый вид домашнего животного. Однако у французов именно представление о быке (*taureau*) предопределяет целостную фразеологическую семантику таких ФЕ как: *prendre le taureau par les cornes* ‘брать быка за рога’ и *taureau de combat* ‘бык для битвы, вояка’ [3]. Таким образом, внутренняя форма ФЕ с лексемой *boeuf* ‘бык’ основывается на представлении о том, что *boeuf* ‘бык’ *bovidé castré pour les travaux des champs ou pour la nourriture* [4] – это домашнее крупное кастрированное рогатое животное,

выращиваемое либо для работы, либо в пищу человеку, в то время как значение лексемы *taureau* ‘бык’ *‘mâle non castré d’espèce bovine spécialement sélectionné et élevé pour la corrida ou pour être reproducteur’* [4] означает домашнее крупное рогатое не кастрированное животное, специально выводимое и выращиваемое для корриды или в качестве быка-производителя. Соответственно, образное, метафорическое переосмысление атомарных или свободных словосочетаний, подвергающихся фразеологизации, находится в непосредственной зависимости от признаков, составляющих внутреннюю форму компонентов.

Итак, нами было установлено, что в основе гендерно маркированных ФЕ лежат преимущественно три вида метафор: натуромерная, артефактная и антропомерная. Мы пришли к выводу, что самой высокой степенью гендерной маркированности обладают ФЕ, образованные на основе антропомерного (образного) метафорического переноса, поскольку гендерные маркеры обнаруживаются как в плане выражения, так и в плане содержания, а внутренняя форма лексем-компонентов и всей ФЕ создают андромаркированную семантику ФЕ. В случае переосмысления образа, содержащего соматические, зооморфные или артефактные компоненты, гендерно немаркированная структура создает гендерно маркированную семантику.

Так, натуромерное образное основание подкрепляется соматической метафорой или метонимией (*vieille barbe* разг. ‘старикашка’, ‘старый хрыч’, ‘старик’) [3], основанной на природных, биологических данных человека, а также при помощи фразеологизации свободных словосочетаний, в состав которых входят лексемы, называющие представителей животного мира (*coq de paroisse / du village* ирон. ‘первый парень на деревне’, *ce n’est pas à la poule à chanter devant (avant) le coq* пров. ‘курице не след петь петухом’; ‘жена должна слушаться мужа’), растительного мира (*cueillir la rose* ‘сорвать цветок невинности’, *fleur des pois* разг. ‘франт’, ‘щеголь’; *beau comme un melon* иногда ирон. ‘хорошо одетый, элегантный мужчина’), объектов живой и неживой природы (*solide comme un roc / comme du roc* ‘крепок как дуб’, буквально: как скала) [3]. Сами эти номинации объектов живой и неживой природы – гендерно нейтральны, но при совмещении двух картин и наложения характеристик вершинной лексической единицы на объект, называемый ФЕ, происходит формирование гендерно маркированной семантики. Например, лексема *loup* ‘волк’ является вирильным образом, связываемым во французском языковом сознании с маскулинностью. Поэтому ФЕ *il / elle a vu le loup* (буквально: он / она видел(а) волка) имеет принципиально разное значение в зависимости от пола референта. Так, в отношении к мужчине данная ФЕ будет обозначать быть опытным, смелым человеком, в отношении же к женщине – ‘вступить в интимную связь с мужчиной, перестать быть девушкой’.

Анализ натуромерного образного основания показал, что гендерно маркированная семантика и андроцентричность ФЕ формируются, если в состав ФЕ входят лексемы, называющие первичные или вторичные

половые признаки, а также зооморфные лексемы, ассоциируемые в языковом сознании французов с образом мужчины. Зачастую андроцентричность ФЕ формируется какбы от противного, то есть когда вершинной лексемой ФЕ является лексическая единица, метафорически связываемая с образом женщины (*chasser le gibier* прост. ‘гоняться за женщинами’ [3]).

Аналогичные выводы можно сделать, исследуя ФЕ с артефактным образным основанием. Наиболее многочисленными здесь являются лексемы, называющие разные виды одежды (*renoncer à la soutane* ‘отказаться от духовного звания’, *ne rien avoir dans la culotte (le pantalon, le slip)* ‘быть трусливым, мягкотелым’ (о мужчине) [3] и предметов, орудий, соотносимых с мужской и женской деятельностью. Причем, подобно ФЕ с соматическим компонентом, ФЕ с артефактным основанием образуются в подавляющем большинстве случаев не при помощи фразеологической метафоризации, но метонимизации. Таким образом, номинация предмета быта, одежды, оружия или орудия труда позволяет создать буквально читаемую внутреннюю форму словосочетания, мотивирующую внутреннюю форму ФЕ. ФЕ этой группы демонстрируют андроцентричность и непосредственно относятся к референту-мужчине. Однако некоторые ФЕ могут относиться и к референту-женщине, но в этом случае они имеют более узкое значение. Так, ФЕ *cordon bleu* (буквально: знак отличия, голубая лента) в отношении к мужчине обозначает признанного мастера в любой области деятельности, в отношении же к женщине – искусную кухарку. В этом, как отмечает Е.С. Гриценко, проявляется андроцентричность языка, выражающаяся в несовпадении смыслового объема категориальных контрагентов: «солдат – солдатка» (жена/вдова солдата) или «врач – врачиха», где мужская номинация – универсально применяемая, а женская – субстандартная [5, с. 220–221].

Андроцентричная семантика ФЕ может также конструироваться при помощи названий женского туалета, ассоциируемого с женщиной: *aimer / courir le cotillon* ‘любить женское общество’, ‘волочиться за женщинами’, *être pendu aux jupes de sa mère (de sa femme)* ‘цепляться за юбку’, ‘быть несамостоятельным’; *s’attacher à la robe* ‘цепляться за юбки’, ‘волочиться за кем-либо’ [3]. ФЕ *laisser sa femme porter les culottes* ‘позволить жене заправлять всем’, ‘стать подкаблучником’ [3] с внутренней формой ‘дозволить своей жене носить штаны’ содержит лексему, называющую мужской вид одежды. Эта ФЕ создает образ сильной женщины и слабого мужчины, что вызывает негативную коннотацию. Тем не менее женщина в этой ФЕ находится в качестве объекта действия, то есть субъектность принадлежит мужчине, создавая, таким образом, андроцентричность, основанную на внутренней форме как префразеологического словосочетания, так и ФЕ.

Таким образом, артефактные метафоры, исторически связываемые с тем или иным полом, могут служить структурным маркером, на основе которого конструируется андромаркированная семантика ФЕ: *tomber de lance en*

quenouille ‘перейти по наследству в женские руки’ (буквально: упасть с копья на прялку) ‘угаснуть за неимением потомков мужского пола’; ‘перейти (попасть) в женские руки, в руки женщин’; ‘попасть жене под башмак’; ‘выродиться’, ‘прийти в запустение’, ‘угаснуть’ [3].

Антропомерное образное основание в составе ФЕ дает наибольший численный материал для анализа, что, в очередной раз, свидетельствует об антропоцентричности картирования окружающего мира и его андроцентричности: ср. *faire parler de soi* ‘заставить (за)говорить о себе’, ‘приобрести известность’ (о мужчине); ‘дать повод к разговорам’ (о женщине) [3]. Кроме того, во многих ФЕ, отражающих взаимоотношения полов, сохраняются объектность женщины и субъектность мужчины: *mettre à bien* ‘наставить на путь истинный’; ирон. ‘совратить, соблазнить женщину’; *mettre à mal / induire à (au) mal / induire à mal faire / porter à mal* ‘совращать с пути истинного’, ‘развращать’; ‘соблазнять женщину’ [3]. Антропоцентричность семантики ФЕ с антропомерным образным основанием опирается на переосмысление биологических, социальных, профессиональных, национальных и поведенческих характеристик представителей мужского и женского пола в разные периоды жизни и в различных социальных группах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Потебня А. А. Слово и миф. М. : Правда, 1989. 624 с.
2. Кириллова Н. Н. К вопросу о стереотипах во фразеологии // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Гуманитарные и общественные науки. 2002. Т. 2, № 2. С. 129–140.
3. Новый большой французско-русский фразеологический словарь / В. Г. Гак, Л. А. Мурадова, И. А. Будницкая, И. П. Лалаев, Л. С. Ковшова. М. : Рус. яз., 2006. 1648 с.
4. Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales [Electronic resource]. URL: <https://www.cnrtl.fr/portail> (accessed: 25.11.2021).
5. Гриценко Е. С. Язык как средство конструирования гендера : дис. ...д-ра филол. наук : 10.02.19. Н. Новгород, 2005. 364 л.

Екатерина Владимировна Загороднева

кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Липецкого государственного педагогического университета имени П.П. Семенова-Тян-Шанского

Ekaterina V. Zagorodneva

PhD in Philology, Associate Professor of the Linguistic and Intercultural Communication Department,
Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shanskiy
katyazagorodneva@mail.ru

Т. А. Козлова
Минск, Беларусь

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПЕРЕНОС И АСИММЕТРИЯ ЯЗЫКОВОГО ЗНАКА

В статье на материале английского, белорусского и русского языков рассматривается способность языковых единиц, наименований моральных качеств, развивать новые значения – именовать свойства материальных объектов – при функционировании в художественном тексте. Регулярность такого семантического переноса характеризует эпидигматические связи и позволяет зафиксировать новое употребление в системе языка, что свидетельствует об асимметрии языкового знака. В основе образования новых значений лежит оценочное отношение человека к окружающей действительности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: семантический перенос, наименования моральных качеств, эпидигматические связи, оценка.

T. A. Kazlova
Minsk, Belarus

SEMANTIC TRANSFER AND ASSYMETRY OF A LANGUAGE SIGN

The paper shows the ability of the language units, the names of moral qualities in English, Belarussian and Russian, to obtain new meanings, that is to name the qualities of material objects, while functioning in a literary text. The regularity of such a semantic transfer is a characteristic of epidigmatic links and results in putting new usage down in the system of a language, representing the asymmetry of a language sign. The reason for the appearing of new meanings is the evaluative attitude of a man to the world around.

Key words: semantic transfer, names of moral qualities, epidigmatic links, evaluation.

Важной характеристикой языка является экономность, проявляющаяся в наличии у лексемы нескольких значений, связанных между собой определённым образом. Прямое значение слова, представленное первым в толковых словарях, выступает в качестве мотивировки по отношению к вторичному наименованию [1, с. 55]. Объём значения при вторичной номинации уже [2, с. 12]. Наличие собственной парадигмы у нового значения слова свидетельствует о том, что перенос наименования на новый объект или явление «прижился» в языке [3, с. 14]. Таким образом, у одного плана выражения формируется несколько планов содержания. Другими словами, результатом образования вторичных значений является асимметрия языкового знака.

Исследование взаимосвязи и взаимозависимости значений внутри слова привело к становлению теории, предполагающей учёт деривационных отношений. Данные глубинные отношения получили название ‘эпидигматические’ и представляют собой третье измерение лексики [4, с. 196–198].

Именно эпидигматические связи лежат в основе семантических переходов, поскольку образование первичных наименований на синхронном уровне ограничено [5, с. 105].

Выделяют следующие особенности эпидигматических связей: они характеризуют главным образом лексический уровень, свойственны ряду слов одного лексико-семантического поля, отличаются регулярностью ассоциаций семантического переноса [6, с. 78]. Именно мыслительные операции ассоциации и аналогии, проявляющиеся в сравнении, отождествлении и метафоре, являются источником нового значения, поскольку при контакте с новыми объектами происходит их сопоставление с уже знакомыми, устанавливаются закономерности [6, с. 72; 7, с. 106]. Уподобление на основании функционального сходства – значимо и частотно [8, с. 31].

Актуализация ассоциативной связи осуществляется в результате национально-культурной значимости ассоциата [7, с. 106]. При уподоблении выявляются схожие признаки, на основании которых позже осуществляется сравнение [Там же, с. 82]. В результате данной когнитивной операции метафора используется для переноса имени одного денотата на другой, делая скрытую – ненаблюдаемую – характеристику явной. Указанный перенос возможен в случае, если совпадающие признаки денотатов, отмечаемые в семантике сопоставляемых слов, относятся к различным областям внеязыковой действительности [9, с. 204].

Сравнение денотатов и, следовательно, семантический перенос происходит в результате выражения оценки к объекту действительности, поскольку при образовании нового знака основное содержание, закрепляющее информацию об окружающем мире, дополняется субъективным отношением [7, с. 16, 48; 9, с. 175, 186]. Чем больше общего между источником и целью номинации, тем более частотным, регулярным является семантический перенос. Именно регулярность способствует закреплению значения в узусе языка и формированию полисемии. Наименования моральных качеств, выраженных именами существительными, являются лексемами с оценочным компонентом в семантике, что проявляется в их способности именовать свойства не только человека, но и различных материальных объектов.

Источником информации о семантических сдвигах является контекст, поскольку показателем изменения значения выступают синтагматические связи слова [4, с. 189]. Контекстный анализ позволяет установить, что наименования моральных качеств на регулярной основе используются для характеристики свойств материальных объектов.

Наиболее многочисленным в английском и русском языках (при единичных случаях в белорусском языке) является перенос наименования морального качества на эстетические свойства помещений и части помещений. В английском языке самыми частотными являются лексемы *austerity* ‘строгость’, *dignity* ‘достоинство’: *austerity of the room* ‘аскетизм

убранства комнаты' (I. Murdoch. *The Nice and the Good*) [10, p. 25], *austerity of the terraces* 'аскетизм террас' (E. Taylor. *Tomorrow*) [11], *the small dignity of the Gate Lodge* 'букв. небольшое достоинство ворот Лодж' (M. Keane. *Loving and Giving*) [11], *its [staircase] dignity lessened* 'букв. её (лестницы) достоинство сократилось' (M. Keane. *Loving and Giving*) [11]. Лексема *благородство*, входящая в соотносительную лексико-семантическую группу, представлена и в русском языке: *Даже снаружи от него [пятиэтажного дома] несло степенным благородством* (В. Гоник. *День бабьего лета*) [12]. В белорусском и русском языках отмечаются совпадения по развитию эпидигматических связей словами лексико-семантических групп «Працавітасць» и «Трудолюбие» (*дбайнасць у хаце* (I. Мележ. *Завеі, снежань*) [13], *деловитость вокзала* (А. Ливеровский. *Журавлиная родина. Рассказы охотника*) [12]). Для русского языка характерен семантический перенос слов лексико-семантической группы «Ответственность»: *поражали аккуратностью чистые кухни* (Ю. Бондарев. *Берег*) [12], *купе своею тщательностью* (А. Битов. *Пальма первенства*) [12].

Английский язык отличается большей степенью развития эпидигматических связей, предполагающих перенос наименований моральных качеств на свойства продуктов питания (их полезность, количество, качество), приёма пищи при наличии аналогичной группы в белорусском и русском языках: *the goodness of instant coffee* 'полезность растворимого кофе' (P. Gilliat. *Nobody's Business*) [11]; *даликатнасць дабаўкі* (В. Быкаў. *Яго батальён*) [13]; *в этом «Духе Женевы» [коктейле] нет ни капли благородства* (В. Ерофеев. *Москва-Петушки*) [12]. Сходство наблюдается в представленности конструкции «проглотить + наименование морального качества»: *swallowing his male arrogance* 'проглотив своё мужское высокомерие' (K. M. Peyton. *Who, Sir? Me, Sir?*) [11]; *проглотила эту несправедливость* (Ю. Трифонов. *Обмен*) [12].

Сочетаемость наименований моральных качеств с наименованиями одежды позволяет выявить употребления первых единиц для обозначения качественных свойств предметов одежды, а также их типа: *the chastity belt* 'пояс целомудрия' (L. R. Reid. *The L-Shaped Room*) [11]; *у адзенні імкнуўся да сціпласці* (I. Мележ. *Завеі, снежань*) [13]; *надежность длинного голубого синтетического хвоста* (Е. Маркова. *Отречение*) [12]. Для всех сопоставляемых языков характерен метафорический перенос, в результате которого наименование морального качества выступает наименованием одежды: *dress it up as morality* 'букв. наряжаться в мораль' (I. Murdoch. *The Good Apprentice*) [14, p. 329], *clothed a scarred earth with kindness* 'облачила израненную землю в доброту' (E. McGrath. *The Charnel House*) [11]; *скінуў з сябе вымушаную пакорлівасць* (У. Дамашэвіч. *Першая група крыві*) [13]; *оденься в беспристрастие* (А. Шабанов. *Земляки*) [12].

Для русского языка особенно многочисленным является семантический перенос наименований моральных качеств на свойства механизмов и транспортных средств, указывающих на качество их функционирования: *честная самоотверженность прибора* (Д. Гранин. Иду на грозу) [12], *отдельные части немецкой машины продолжали действовать с нерассуждающей пунктуальностью* (Д. Гранин. Зубр) [12], *жадность скрепера* (В. Липатов. И это все о нем) [12], *убедившись в надёжности судна* (А. Иличевский. Случай Крымского моста) [12]. В белорусском языке количество контекстов, фиксирующих данный тип переноса, представлено в меньшей степени: *Да скрыні падыходзілі мужчыны, кідалі капейкі, і яна з механічнай добрасумленнасцю выдавала кожнаму яго порцыю музыкі* (Л. Гаўрылкін. Не магу без цябе) [13]. Английский язык отличается незначительностью данного типа переноса (например, *Bentley bumped with dignity* ‘букв. Бентли врезался с достоинством’ (I. Murdoch. The Message to the Planet) [11]).

В художественной литературе второй половины XX века представлены и другие наименования материальных объектов, на качественные и количественные свойства которых переносятся наименования моральных качеств: *the hideous austerity of low-tar* ‘ужасная простота (букв. строгость) лёгких сигарет’ (J. Barnes. Talking it Over) [11], *the scales of justice* ‘весы справедливости’ (A. S. Wyatt. The Virgin in the Garden) [15, p. 139]; *шчодрасць вулічных рэклам* (Я. Брыль. Сцежкі, дарогі, прастор) [13], *над сцягам беражлівасці народных сродкаў* (Л. Гаўрылкін. Не магу без цябе) [13]; *безупречность ножа* (Ф. Искандер. Бедный демагог) [12]; *надёжность суровой деревенской нити* (Е. Маркова. Тайная вечеря) [12].

Особо значимо совпадение по развитию эпидигматических связей лексем *reliability* ‘надёжность’, *надзейнасць*, *надёжность*. При этом лексема *надёжность* в русском языке представлена во всех направлениях семантического переноса наименований моральных качеств на свойства материальных объектов.

Наиболее частотные единицы, которые именуют свойства материальных объектов в английском языке, – это лексемы *dignity* ‘достоинство’, *goodness* ‘хорошесть’, *virtue* ‘добродетель’, *morality* ‘моральность’, *justice* ‘справедливость’, *austerity* ‘строгость’, *vanity* ‘тщеславие’. В белорусском языке наиболее частотными единицами являются лексемы *шчырасць*, *добрасумленнасць*, в русском языке – лексемы *надёжность*, *старательность*, *аккуратность*, *благородство*, *деловитость*. Выявлено, что слова, для которых свойствен перенос, именуют главным образом положительные моральные качества.

Таким образом, для наименований моральных качеств в английском, белорусском и русском языках характерен семантический перенос на свойства материальных объектов: помещений и частей помещений, одежды, продуктов питания, механизмов и транспортных средств и других объектов. Наиболее частотным в английском и русском языках (при меньшей представленности в белорусском языке) является семантический перенос на

свойства помещений и частей помещений. Значимым для английского языка является семантический перенос на свойства продуктов питания, для русского языка – на свойства механизмов и транспортных средств. Эпидигматические связи развивают главным образом наименования положительных моральных качеств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маслова В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие. М. : Академия, 2001. 208 с.
2. Виноградов В. В. Основные типы лексических значений слова // Вопросы языкознания. 1953. № 5. С. 3–29.
3. Уфимцева А. А. Лексическая номинация (первичная нейтральная). М. : Либроком, 2010. 88 с.
4. Шмелёв Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М. : ЛКИ, 2008. 280 с.
5. Будагов Р. А. Сравнительно-семасиологические исследования (романские языки). М. : Добросвет, 2004. 416 с.
6. Романовская А. А. Системная организация лексики: взаимодействие дескрипции и оценки. Минск : МГЛУ, 2013. 132 с.
7. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М. : Наука, 1986. 143 с.
8. Будагов Р. А. Слово и его значение : науч.-попул. очерк. М. : Добросвет, 2003. 64 с.
9. Языковая номинация: виды наименований / отв. ред.: Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева. М. : Наука, 1977. 356 с.
10. Murdoch I. The nice and the good. St. Albans : Triad/Panthers Books, 1977. 352 p.
11. British National Corpus (BNC) [Electronic resource]. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (accessed: 17.08.2020).
12. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 15.08.2020).
13. Беларускі N-корпус [Электронны рэсурс]. URL: <https://bnkorporus.info/korporus.html> (дата обращения: 19.08.2020).
14. Murdoch I. The good apprentice. New York : Penguin Books, 1987. 522 p.
15. Wyatt A. S. The virgin in the garden. Harmondsworth : Penguin Books, 1981. 428 p.

Татьяна Александровна Козлова
преподаватель кафедры современных технологий перевода
УО «Минский государственный лингвистический университет»

Tatsiana A. Kazlova
Lecturer of the Department of Modern Translation Techniques
Minsk State Linguistic University
janushkevich-tanya@rambler.ru

О. И. Короленко

Москва, Россия

ЛИНГВОКУЛЬТУРЕМА *ACADÉMIE*: ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Статья посвящена исследованию лингвокультуемы *académie*. Данная лексема рассмотрена в диахроническом аспекте – от древности до современного состояния. В статье используется семиотический анализ лексемы *académie*. Особое внимание уделяется Французской академии как научному институту и сообществу единомышленников, которые занимались вопросами языка и литературы.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *диахрония, лингвокультурема, Французская академия, семиотика.*

O. I. Korolenko

Moscow, Russia

LINGUOCULTUREME *ACADÉMIE*: DIACHRONIC ASPECT

The article is devoted to the study of linguocultureme academy. This lexeme is considered in the diachronic aspect from antiquity to the modern state. The article uses a semiotic analysis of the lexeme *académie*. The article pays special attention to the French Academy as a scientific institute and a community of like-minded people who dealt with issues of language and literature.

Key words: *diachrony, linguocultureme, French Academy, semiometry.*

Начнем с того, что в Европе, в частности во Франции, XVII век отмечен определенными процессами. Одним из таких процессов стала легитимация научного знания. Считается, что Французская академия (*Académie Française*) положила начало данному явлению. Научное учреждение объединило в своем составе ученых, политиков и государственных деятелей, священнослужителей, адвокаты. Академики поддержали и показали важность французского языка как национального в укреплении государства [1; 2, с. 134].

Создание нового института датируется 1635 г. Рассмотрим историю данного учреждения. Интересным представляется отметить, что Французская академия родилась из небольшого кружка литераторов. Идея об организации кружка возникла у первого министра, кардинала Ришелье. Он понимал, что необходимо создать официальный орган, который занимался вопросами французского языка и литературы в рамках государства. «Такой институт был необходим королевской власти как официальный совещательный орган, что способствовало росту его престижа и легитимности» [1, с. 35].

Выбор названия являлся одним из важных этапов становления нового учреждения. Поступило несколько предложений от академиков. Например, Пьер де Буасса предложил свой вариант – *Académie de l'éloquence* ('Академия

красноречия»), сакцентрировав внимание на таких качествах французского языка как изящество, изысканность, утонченность языка. Однако в названии не отражалась роль государства. Другие ученые выдвинули иное название – *Académie des beaux esprits* ('Академия великих умов'). Недостатком в данной ситуации являлось то, что данное название подчеркивало привилегированное положение будущих академиков в обществе и выделяли себя как научную элиту [3; 1, с. 35]. В итоге, решающее название было предложено кардиналом Ришелье. 21 марта 1634 г. состоялось официальное собрание, на котором утвердилось название учреждения – «*Académie Française*». Таким образом, была выбрана ключевая форма организации учреждения – *Académie*. Важным моментов было включение определения *Française*, которое писалось с большое буквы, тем самым подчеркивая служение Франции [2, с. 134, 1, Там же].

Рассмотрим лингвокультуре *académie*. Под лингвокультуремой понимается лингвокультурный архетип, знак «языка» культуры, отражающий коллективное мировоззрение и служащий для систематизации общественного опыта [4, с. 33]. Отмечается, что наиболее глубоко раскрыть содержание лингвокультуремы позволяет семиметрия [5, с. 71]. Согласимся с мнением Е. Ф. Серебрянниковой о том, что данный метод представляет собой прием семантического анализа аксиологически ориентированной лингвистики, направленный на измерение ценностных параметров данного избранного цельного смыслового пространства в его конкретной авторизации, локализации во времени и пространстве [6, с. 48]. Примеры такого анализа находим при рассмотрении семиметрии лексемы *salon* [7], сравнительной семиметрии лексем *value* и *valeur* [8], а также ретроспективной семиметрии лексемы *valeur* [9]. Таким образом, компонентами семиметрии выступают этимологический и контекстный анализ, сравнительно-сопоставительный анализ словарных дефиниций.

Подчеркнем, что термин *Académie* изначально рассматривал не только теоретическую, но и практическую деятельность [9; 1]:

1) *Certain lieu près d'Athènes, où s'assembloient quelques Philosophes qui prirent de là leur nom.* букв. 'Некоторое место недалеко от Афин, где собираются несколько философов, которых называли академиками';

2) *Selon l'usage de la langue Française signifie Une assemblée de quelques personnes qui font profession des belles lettres, des sciences, ou des beaux arts.* букв. 'В соответствии с употреблением французского языка означает сообщество нескольких человек, занимающихся изящной словесностью, науками или изящным искусством';

3) *Se dit aussi du lieu où la Noblesse apprend à monter à cheval & les autres exercices.* букв. 'Также называет место, где дворянство учится ездить на лошади и другим упражнениям'.

Исследование показало, что второе значение можно взять за основу при анализе деятельности Французской академии, т.к. данное значение означает сообщество нескольких человек, занимающихся изящной словесностью, науками или изящным искусством.

Важным является раскрытие значения лексемы *académie*:

1) *L'Académie Française: société de quarante écrivains, savants, artistes, créée en 1636 par le Cardinal Richelieu, sous Louis XIII* ('Французская академия: сообщество, состоящее из 40 членов (писателей, ученых, художников), созданное в 1636 г. кардиналом Ришелье в период правления Людовика XIII');

2) *société d'écrivains* ('сообщество писателей');

3) *société de savants* ('сообщество ученых');

4) *région administrative d'une université française, dirigée par un recteur* ('административная единица французского университета, управляемая ректором') [10, p. 6; 1, с. 36].

Мы описаемся в нашей работе на первое значение лексемы, так как оно предполагает научное сообщество, состоящее из 40 академиков, в которое входили литераторы, священнослужители, ученые, адвокаты и другие. Перейдем к рассмотрению академии как научного и учебного учреждения. Следует отметить, что сама идея создания академии появилась еще в Античности, а лексема *академия* (греч. *akademeia*) связана с названием школы, которая была организована Платоном (ок. 395 г. до н.э.) [Ibid, p. 14–15; 1, с. 36]. В источниках дается информация о том, что около 387 г. до н.э. Платон стал владельцем оливковой рощи, в которой по легенде был похоронен герой Академ. Таким образом, появилось слово «академия». Данная лексема употреблялась в двух значениях: «место, где учил Платон» и «Философия Платона» [11, с. 267].

Следует отметить, что на протяжении Средневековья лексема *académie* использовалась как топоним. Отмечается учеными, что в XV–XVI веках академии пользовались большим успехом, например, была создана академия при Неаполитанском дворе, а также многочисленные академии, академики которых занимались различными науками [Там же, с. 268]. А. В. Голубков подчеркивает, что применительно к ранним итальянским академиям XV – начала XVI вв. еще нельзя говорить об определенном институциональном статусе.

Во Франции лексема *académie*, обозначающая «сообщество людей» впервые фигурирует в 1570 г. [12, с. 388]. Это связано с тем, что в этом значении находим данную лексему в письме-патенте Карла IX при организации «Академии поэзии и музыки». Данное учреждение позднее было переименовано в «Придворную академию Генриха III». После смерти Карла IX главенствующую роль играл Генрих III: выбирал членов академии, собрания проходили в Королевском кабинете Лувра. В академию входили юристы, чиновники-магистраты, врачи. На заседаниях обсуждали разнообразные вопросы, например, математика, искусство, в частности музыка, живопись. Английский историк культуры Возрождения Ф. Йейтс отмечает, что проблемы языка не были актуальны в это время [Там же, с. 270–274]. В итоге термин академия стал синонимом понятия Королевская академия (такой смысл вкладывал д'Аламбер в слово *Académie* в одноименной статье Энциклопедии).

Французский драматург, аббат д'Обиньяк (D'Aubignac) считает, что академия – это содружество людей, которые ничем не обязаны государству и обществу, а только академики хотели объединить свои исследования, работы для того что показать изящность речи (*des compagnies de personnes libres détachées d'obligation d'instruire le public qui voulussent joindre leur étude et leur travail pour restauration des belles-lettres*) [13; 1, с. 37].

Итак, словарь Ришле (Richelet) (1680) отмечает, что академия – это сообщество «литераторов или лиц, занимающихся каким-либо из свободных искусств», которые собираются, чтобы «порассуждать об изящной словесности или о предметах своего интереса» (*endroit où s'assemblent des personnes de lettres ou de quelque art pour y parler des belles-lettres ou de leur art*) [14; 1, с. 37–38].

Таким образом, в статье рассмотрена лингвокультурема *académie* с позиций диахронического анализа. Показано, что при помощи семиметрического подхода значительно расширяется лексический анализ данной лексемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Короленко О. И. Легитимация филологической науки в дискурсивных практиках XVII–XVIII веков: Французская академия : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. М., 2018. 194 л.
2. Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия : коллектив. моногр. М. : ЛЕНАНД, 2018. 320 с.
3. Pellisson-Fontanier P., Olivet P.-J. Histoire de l'Académie française: depuis l'établissement de l'Académie jusqu'à 1652 [Electronic resource]. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k737033/f6.image.r=pellisson%20%20histoire%20de%20%27acad%C3%A9mie%20fran%C3%A7oise.langEN> (accessed: 29.10.2021).
4. Ковшова М. Л. Словарь лингвокультурологических терминов. М. : Гнозис, 2017. 192 с.
5. Райскина В. А. Лингвокультурема *Chevalier* в средневековом художественном дискурсе // Научный старт-2018 : сб. ст. магистрантов и аспирантов / отв. ред.: Л. Г. Викулова, И. В. Макарова. М., 2018. С. 71–74.
6. Серебренникова Е. Ф. Семиметрия как способ аксиологического анализа // Лингвистика и аксиология. Этносемиметрия ценностных смыслов : коллектив. моногр. М., 2011. С. 41–48.
7. Викулова Л. Г., Серебренникова Е. Ф., Михайлова С. В. Диахроническая этносемиметрия лексемы *salon* // Фундаментальное и актуальное в развитии языка: категории, факторы, механизмы : XVIII Междунар. конф. Школы-Семинара им. Л. М. Скрябиной : сб. ст. М., 2017. С. 47–52.
8. Лингвистический аксиологический анализ лексем *valeur / value*: сравнительно-сопоставительный подход / Л. Г. Викулова, Е. Ф. Серебренникова, О. В. Вострикова, С. А. Герасимова // Филологические науки. 2018. № 1. С. 3–13.

9. Retrospective semiometrics of the sign valeur / L. G. Vikulova, E. G. Tareva, S. A. Gerasimova, V. A. Rayskina, E. F. Serebrennikova // XLinguae. 2020. Vol. 13, № 1. P. 169–183.
10. Dictionnaire de l'Académie Française [Electronic resource]. URL: https://fr.wikisource.org/wiki/Dictionnaire_de_l'Académie_française/1re_éd.,_1694 (accessed: 29.10.2021).
11. Dictionnaire historique de la langue française: en trois volumes. Paris : le Robert, 2006. 4304 p.
12. Голубков А. В. Между университетом и светским салоном: специфика доинституционального существования французского академического дискурса // Многоликая софистика: нелегитимная аргументация в интеллектуальной культуре Европы Средних веков и раннего Нового времени. М., 2014. С. 266–288.
13. Yates F. Les académies en France au XVIe siècle. Paris : PUF, 1996. 511 p.
14. D'Aubignac F. Discours au Roy sur l'établissement d'une seconde académie dans la ville de Paris [Electronic resource]. URL: <http://gallica2.bnf.fr/ark:/12-148/bpt6k49802> (accessed: 29.10.2021).
15. Richelet P. Dictionnaire de la langue française ancienne et moderne [Electronic resource]. URL: <http://gallica2.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k50933f> (accessed: 29.10.2021).

Ольга Игоревна Короленко

кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры французского языка и лингводидактики Института иностранных языков
ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет»

Olga I. Korolenko

PhD in Philology, Senior Lecturer of the Department of French and Linguodidactics
of the Institute of Foreign Languages of the Moscow City University
olgakfr@mail.ru

УДК 811.133.1'373

М. Н. Романкевич

Минск, Беларусь

ЭМОТИВНО-ОЦЕНОЧНЫЕ КОННОТАЦИИ АССОЦИАТИВНЫХ РЯДОВ ЗООНИМОВ

В статье рассматриваются эмотивно-оценочные коннотации зоонимов русского и французского языков, называющих часто встречаемых представителей животного мира. Наблюдая внешние черты или приписывая различные свойства животному, человек оценивает его и испытывает определенные эмоции по отношению к нему. Соответственно, зоонимы, использованные в переносном значении или в функции апеллятива, становятся средством эмоционального воздействия на собеседника.

К л ю ч е в ы е с л о в а : зооним, коннотация, эмотивная функция, ассоциативный ряд, образность, оценка.

M. N. Romankevich
Minsk, Belarus

EVALUATIVE CONNOTATIONS OF THE ASSOCIATIVE SERIES OF ZOONYMS

The article discusses the emotive-evaluative connotations of zoonyms of the Russian and French languages, naming frequently encountered representatives of the animal world. Observing external features or attributing properties of this animal, a native speaker evaluates him and experiences certain emotions in relation to the so-called animal. Accordingly, zoonyms become a means of emotional influence on the interlocutor.

Key words: zoonym, connotation, emotive function, associative series, imagery, evaluation.

В речевой деятельности человека находит свое отражение его оценочное отношение к объектам окружающего мира, в том числе его эмоциональное состояние. Эмоциональность может закрепляться в семантике слова по-разному: встречаются номинации эмоциональных состояний человека (*печаль, радость, tristesse* ‘грусть’, *mépris* ‘презрение’ и др.), слова с эмотивно-оценочным коннотативным компонентом (*крикун, злодей, mon chou chou* ‘любимчик’ и др.). С одной стороны, эмоциональное отношение человека к миру является субъективным, с другой – языковое отражение эмоций является в определенной степени типизированным (социализированным). Будучи семантической ассоциацией, эмотивно-оценочные коннотации отражают связанные со словом культурные представления и традиции [1, с. 74, с. 115] и факт эмоционального переживания говорящим субъектом данного явления [2, с. 112].

Вопрос эмоционального воздействия и эмотивной функции языковых единиц рассматривался В. И. Шаховским, С. Г. Бархударовым, В. А. Масловой, М. М. Бахтиным, В. Н. Телия и др. как в теоретическом аспекте, так и в ходе анализа разноуровневых средств языка. Остановимся на эмотивно-оценочном аспекте зоонимов русского и французского языков, который вербализуется при ассоциировании названий животных, используемых в прямом и переносных значениях.

Вначале отметим, что в семантике зоонима – названия животного, используемого в прямом значении – оценочный компонент как вербализация отношения к данному животному строится в результате осмысления внешности последнего (нравится / не нравится), его значимости для человека (полезное / наносит вред), что изредка и отмечается в дефиниции слова: *таракан* – ‘вредитель в хозяйстве’; *клоп* – ‘с колющим хоботком, питающийся кровью людей, животных’ [3]; *puce* ‘блоха’ – ‘insecte ... parasite de l’homme et des mammifères’ ‘насекомое ... паразит человека и млекопитающих’ [4] и др. Другими словами, в данном случае речь скорее будет идти об эмотивных семах как периферийных компонентах семантики зоонима,

поскольку «эмоциональное сопровождение» номинации животного, передающее эмоциональное отношение говорящего субъекта к объекту наименования, возникает далеко не во всех контекстах и коммуникативных ситуациях.

Наиболее часто вербализуемым считается негативный вектор. В качестве примеров приведем следующие ассоциативные ряды зоонимов: муха <противная (2), брезгливость (1); кошка <злость (1); свинья <противно (1), противный запах (1); таракан <противный (4), гадость (2), мерзкий (2), мерзость (2) [5] и др. В частности, паук вызывает большой спектр отрицательных эмоций: <страшный (44), противный (15), мерзкий (6), гадкий (5), гадость (4), мерзость (3), брезгливость (2), ужасный (2) [Там же], что составляет 15,2 % реакций и говорит о значимости данного коннотативного компонента. Причина негативного отношения кроется во внешних чертах данного животного: мохнатый, большой, шестипалый и др. Так, во многих научно-популярных изданиях отмечается, что пауки вызывают страх и отвращение на подсознательном уровне: «Les araignées et les serpents évoquent le dégoût et la peur chez de nombreuses personnes, même dans les pays développés où le risque d'entrer en contact avec des espèces dangereuses est peu élevé» 'Пауки и змеи вызывают отвращение и страх у многих людей, даже в развитых странах, где риск контакта с опасными видами невелик' [6]. Анализ ассоциативных полей и вторичной семантики показал, что насекомые чаще всего воспринимаются негативно.

Примером животного, которое вызывает положительные эмоции, является котенок: ср. ассоциативный ряд <ласка (1), ласкать (1), любимый (1), любимый зверек (1), люблю (1), радость (1), смешной (1) [5].

Во французской лингвокультуре встречается меньшее количество реакций эмотивного типа при ассоциировании с зоонимом-стимулом (по сравнению с русской): например, cheval 'лошадь' <fierté 'гордость' (1), humilité 'унижение' (1), peur 'страх' (1), plaisir 'удовольствие' (1); chien 'собака' <adoré 'обожаемая' (1), amour 'любовь' (1), dangereux 'опасный' (1), joie 'радость' (1) [7, p. 59].

Как уже отмечалось выше, зооним в ходе семантического развития может приобретать переносные, метафорические значения и использоваться как вторичная номинация человека, обладающего некоторым ярким – положительно или отрицательно воспринимаемым – качеством. Данная номинация терминологически обозначается как зооморфизм. Так, например, requin 'акула' означает 1. 'Poisson ... au corps fuselé terminé par un rostre pointu et aux fentes branchiales situées sur les côtés du corps' 'Рыба ... с коническим телом, завершенным заостренной росткой, с жаберными щелями по бокам тела' и 2. 'Homme d'affaires impitoyable et sans scrupule' 'безжалостный и беспринципный бизнесмен'; обезьяна – 1. 'Млекопитающее отряда приматов' и 2. перен. 'человек, склонный к подражанию другим, гримасник, кривляка (разг. неодобр.)'. В случае употребления зоонима во вторичном значении его эмотивный макрокомпонент становится более значимым, поскольку последний характеризует человека по какому-либо

качеству, которое оценивается положительно или отрицательно (оценка может быть нейтральной типа *рыба*).

К числу положительно оцениваемых и вызывающих положительные эмоции относятся следующие номинации: *coq* ‘петух’ – ‘homme ardent en amour’ ‘пылкий в любви человек’, *lionne* ‘львица’ – ‘femme fougueuse, courageuse’ ‘энергичная, смелая женщина’ и др. Примерами отрицательно оцениваемых номинаций являются: *singe* ‘обезьяна’ – ‘Personne qui contrefait, imite quelqu’un’ ‘Человек, который кривляется, подражает к-либо’, *vache* ‘корова’ – ‘Personne dure, sans pitié, très sévère’ ‘Безжалостный, очень злой человек’; *медведь* – 2. перен. ‘О неуклюжем, неповоротливом человеке’ (разг.).

Следует отметить, что эмоциональная и эмотивная составляющие наряду с оценочной, культурной, стилистической и экспрессивной включены в коннотативный аспект значения зооморфизма, который, таким образом, является многослойным. В. Н. Телия отмечает, что данное многообразие коннотаций просматривается в модальной рамке, пример которой предложил позже В. И. Шаховский при анализе коннотаций метафорического значения зоонима *свинья*: ««грязный, подлый, неблагодарный, бесчестный» (и это плохо – оценка) + «как если бы был свиньей» – интенсификация (образность, экспрессивность) + «и это мне неприятно, и я хочу, чтобы ты об этом знал(а)» (эмоция, эмотивность) + «сниж., неодоб., презрит., уничиж.» (стилистический маркер)» [8]. Таким образом, можно предположить, что положительное или отрицательное качество, ассоциируемое с названием того или иного животного, вызывает определенные эмоции, создающие оценочный и эмотивный фон зоонима, который можно проследить на материале ассоциативных полей. В качестве примера приведем следующие реакции, показывающие вектор оценки:

Отрицательная оценка:

осел < *глупый* (8), *дурак* (8), *безмозглый* (6), *тупой* (6), *глуп* (1), *глупый человек* (1);

баран < *тупой* (31), *глупый* (24), *дурак* (15), *бестолковый* (6), *безмозглый* (4), *тупоголовый* (2), *тупость* (2), *глупость* (2); < *упрямый* (22);

лиса < *хитрая* (21), *плутовка* (2), *хитра* (2), *хитрость* (2), *хитрый* (1);

свинья < *грязная* (9), *грязь* (8), *в грязи* (1); < *жирная* (5), *толстая* (3), *жирняк* (1);

волк < *злой* (29), *голодный* (3), *хищник* (3).

Положительная оценка:

лев < *сила* (10), *сильный* (8), *могучий* (2), *силен* (2), *смелый* (2), *храбрый* (2);

собака < *друг* (5), *умная* (5), *друг человека* (3) [5].

Таким образом, ассоциации позволяют в некоторой мере определить, на какое значение наслаивается эмотивная и/или оценочная коннотация. Вместе с тем ассоциации, возникающие в отрыве от ситуации (например, при

проведении ассоциативных экспериментов), не дают четкого ответа на вопрос о том, на какое конкретно значение наслаивается эмотивная коннотация. Во вторичном значении, основанном на имплицитном сравнении «как если бы я был обезьяной» или «как если бы я был акулой», интенсифицируется оценка и формируется определенный образ человека (ср. реакции: осел < *глупый, дурак* или баран < *тупой, глупый, дурак*). Использование зоонима в первичном значении (понимаемом как набор определенных существенных или приписываемых признаков животного) также сопровождается определенными ассоциациями (ср. реакции: свинья < *грязная, грязь*). Вместе с тем считаем, что вторичное значение, часто актуализируемое при узуальном использовании зоонима, в первую очередь создает его оценочный и эмотивный фон.

В заключение отметим, что употребление номинации животного способно «подключить» сформированную систему оценки качеств (если речь идет о зооморфизме), а также знания о переживаниях, эмоциональном состоянии и способах выражения этого состояния. Будучи видом коннотативного созначения зоонима, эмотивный компонент уточняется благодаря семным конкретизаторам типа *презрение, умиление* и др., которые варьируют семантический эмотивный компонент.

ЛИТЕРАТУРА

1. Токарев Г. В. Концепт как объект лингвокультурологии (на материале репрезентаций концепта «Труд» в русском языке) : монография. Волгоград : Перемена, 2003. 213 с.
2. Бодалев А. А., Васина Н. В. Познание человека человеком : возрастной, гендерный, этнический и профессиональный аспекты. СПб. : Речь, 2005. 322 с.
3. Ожегов С. И. Словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://slovarozhegova.ru> (дата обращения: 03.01.2022).
4. Larousse : dictionnaire de la langue française [Electronic resource]. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/vache/80870> (accessed: 03.01.2022).
5. Русский ассоциативный словарь / под ред. Ю. Н. Караулова [Электронный ресурс]. URL: <http://www.thesaurus.ru/dict> (дата обращения: 03.01.2022).
6. Labelle A. La peur des serpents et des araignées bien ancrée en nous [Electronic resource]. URL: <https://ici.radio-canada.ca/nouvelle/1063234/peur-serpents-araignees-innee-acquis-arachnophobie-biologie-cerveau-bebe> (accessed: 03.01.2022).
7. Debrenne M. Le dictionnaire des associations verbales du français et ses applications [Electronic resource] // Variétés, variations et forme. École Polytechnique. 2011. URL: <http://dictaverf.nsu.ru> (accessed: 03.04.2020).
8. Шаховский В. И. Путь теоретика сквозь амфилады научных парадигм современного языкознания (открытие В. Н. Телия кода русской культуры) // Мир русского слова. 2016. № 3. С. 80–84.

Марина Николаевна Романкевич
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры лексикологии французского языка
УО «Минский государственный лингвистический университет».

Maryna N. Romankevich
PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of French Lexicology
Minsk State Linguistic University
romankevich_marina@mail.ru

УДК 81'373

И. Г. Урбанович
Минск, Беларусь

ОККАЗИОНАЛЬНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается явление фразеологической трансформации, причиной которой могут быть как решение определенных стилистических задач, так и создание авторской оценочности значения узуального фразеологизма. Выделяются способы трансформации окказиональных фразеологизмов.

Ключевые слова: фразеологическая единица, узуальность, трансформация, окказионализм.

I. G. Urbanovich
Minsk, Belarus

OCCASIONAL MODELING OF PHRASEOLOGISTS IN A LANGUAGE

The article considers the phenomenon of phraseological transformation the reason of which can be the solution of specific stylistic tasks as well as the creation of authorial evaluation of usual phraseological units. The ways of transformation of occasional phraseological units are singled out.

Key words: phraseological unit, usability, transformation, occasionalism.

Окказиональное словотворчество является распространенным языковым явлением, проявляющимся не только в художественных произведениях, но и в публицистическом тексте. Индивидуально-авторское творчество направлено в первую очередь на создание экспрессии слова, определяется потребностью автора либо назвать что-либо новое, либо придать новое значение узуальному слову. Кроме того, появление окказионализма преследует определенные стилистические задачи.

Помимо известных способов создания окказиональности, выработанных рядом лингвистов, существует и возможность намеренного несомещения слов, которая позволяет создателю неординарно экспрессивнее передать оценку тем или иным явлениям, фактам или действиям, внутренним ощущениям и состояниям героев в определенные моменты повествования.

Такое творчество находит свое отражение и на фразеологическом уровне. Пополнению фразеологического фонда языка способствуют калькирование фразеологизмов из других языков, переход крылатых выражений, различных изречений из Библии, авторских афоризмов, мифологии и т.д. Согласно утверждению В. Г. Дидковской, основой фразеобразования могут становиться словосочетания на основе образов из библейских текстов, в результате чего они моносемантизируются и переходят «в разряд устойчивых комбинаций слов, находящихся в определенных словоформах» [1, с. 52].

Намеренное нарушение формы фразеологизма – замена компонента, их перестановка, введение новых компонентов, грамматическая трансформация – ведут к образованию фразеологического неогеривата, функционирование которого ограничивается рамками определенного контекста [2]. Возникает новая коннотация фразеологизма с «семантической переориентацией», возникающей, по мнению Ю. П. Солодуба, при одновременном совмещении в одном языковом знаке его старых и новых гносеологических связей» [3, с. 4].

Воспроизводимая во фразеологизме языковая картина мира сама по себе вторична и является «кусочком действительности», освоенным носителями языка (Н. Ф. Алефиренко). Ассоциативные механизмы формируют новую коннотацию, которая «не указывает на мир, а как бы отсылает к ассоциации, создавая «невидимый» мир, но сама она не есть ассоциация» [4, с. 112].

Определяя коннотацию как семантическую сущность, В. Н. Телия утверждает, что она «узуально или окказионально входит в семантику языковых единиц и выражает эмотивно-оценочное и стилистически маркированное отношение субъекта речи к действительности при ее обозначении» [5, с. 3].

Коннотативный компонент семантики выполняет функцию оценочного характера. По мнению Т. Л. Павленко, возникающие ассоциации могут быть сведены к двум типам:

1) синонимические, гипонимические, деривационные, антонимические соотношения фразеологических единиц в полном составе (как неделимой по функции) со словами сходной семантики;

2) ассоциативные связи компонентов фразеологизма с лексемами [6, с. 37].

При всем разнообразии работ, посвященных исследованию окказиональной природы фразеологизмов, разграничение понятий узуальности и окказиональности является спорным, кроме того, границы окказионального и потенциального слова оказываются также размытыми. Различны точки зрения и по причинам появления такого явления: считается, что они могут быть обусловлены решением стилистических задач (А. И. Молотков), развитием системы языка (Л. И. Ройзензон, А. Е. Малиновский) и др. Также нет единой систематизации способов трансформации фразеологизмов.

Исследуя специфику трансформационных процессов фразеологизмов, А. М. Мелерович выделяет такие их типы, как: «1) окказиональные изменения семантики и/или структуры, не приводящие к нарушению тождества

ФЕ; 2) структурно-семантические преобразования, в результате которых возникают словесные комплексы, обладающие статусом окказиональных фразеологизмов» [7, с. 123].

В исследованиях И. С. Алипулатова выделяются следующие аспекты фразеологической трансформации:

- опрощение фразеологических оборотов – превращение того или иного фразеологизма с мотивированным значением в семантически неразложимое фразеологическое сращение с немотивированным значением;

- переразложение фразеологических оборотов – изменение связей и соотношений между значением фразеологизма в целом и значением соответствующих его компонентов, не ведущее к потере мотивированности общего значения;

- усложнение фразеологических оборотов – переход фразеологического сращения во фразеологизм с мотивированным значением [8, с. 62].

По нашему мнению, к числу процессов, способствующих созданию фразеологического неодеривата, также можно отнести процессы синонимической замены лексического компонента/ов фразеологизма; варьирование грамматических особенностей фразеологизма; инверсию фразеологизма; эллипсис; полное разрушение конструкции фразеологизма и выделение его отдельных компонентов. Следует отнести к процессам трансформации и такое явление, когда автор, намеренно не нарушая внутреннюю форму фразеологизма, придает ему новое значение: наращивает смысл.

Зачастую фразеологическая трансформация может происходить при включении во фразеологическую единицу добавочного компонента или его «расщеплении». Одновременно с этим процессом отмечается сохранение внутренней структуры трансформированного фразеологизма, так как «замещенный член фразеологизма остается в подтексте в виде культурного языкового фона и неизбежно включается поэтому в смысл заменившего компонента, а фоновый узуальный фразеологизм – в смысл окказионального» [9, с. 103].

Интересным способом трансформации является авторское толкование фразеологизма, возможное в определенной контекстной ситуации. Встречаются случаи намеренного изменения звуковой оболочки фразеологизма. Трансформация нередко создает фразеологические варианты и контекстуальные синонимы, имеющие значение близкое к узуальному фразеологизму, но тем не менее представляющие новый образ. В этом их принципиальное отличие от фразеологических вариантов, создающих единый образ и имеющих при одном строении возможность замены компонентов.

Таким образом, в качестве частотных способов трансформации фразеологизмов можно выделить следующие: а) замена одного из лексических компонентов; б) «расщепление» фразеологизма; в) полное разрушение грамматической структуры фразеологизма и использование его отдельных лексических компонентов; г) расширение состава фразеологизма; д) дополнитель-

ная семантизация; е) расфразеологизация; ж) эллипсис; з) варьирование грамматических особенностей; и) изменение звуковой оболочки одного из слов; к) инверсия [2].

Намеренное нарушение сочетания сем фразеологических единиц и их морфолого-грамматическая трансформация создают окказиональную коннотативную семантику, выполняющую оценочную функцию, нередко приводящую к появлению комического эффекта. Ареал существования окказионального фразеологизма определяется микроконтекстом, функционируя в речи, он не входит в национальный лексикон. Однако преобразовательный потенциал фразеологизмов говорит о динамике развития фразеологической системы русского языка в целом.

Возникающие фразеологические инновации – морфолого-грамматические, семантические – обладают потенциальной возможностью вхождения в языковую систему при условии частого употребления, создают многообразные смысловые оттенки и являются продуктом творческой деятельности автора. Процесс окказионального образования динамичен и требует разностороннего описания, что делает данный вопрос актуальным в современном языкознании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Попов Р. Н. Фразеологизмы современного русского языка с архаическими значениями и формами слов : учеб. пособие. М. : Высш. шк., 1976. 200 с.
2. Урбанович И. Г. Индивидуально-авторские лексические и фразеологические единицы в художественной прозе Фазиля Искандера: структурно-семантический и функциональный аспекты : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02. Минск, 2009. 275 л.
3. Солодуб Ю. П. Образность фразеологизмов и фразеологическая номинация // Фразеологическая номинация. Особенности семантики фразеологизмов : межвуз. сб. науч. тр. / Рост. гос. пед. ин-т. Ростов н/Д, 1989. С. 4–12.
4. Маслова В. А. К построению психолингвистической модели коннотации // Вопросы языкознания. 1989. № 1. С. 108–120.
5. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М. : Наука, 1986. 141 с.
6. Павленко Т. Л. Семантические соотношения компонентов фразеологической единицы со словами // Фразеологическая номинация. Особенности семантики фразеологизмов : межвуз. сб. науч. тр. / Рост. гос. пед. ин-т. Ростов н/Д, 1989. С. 37–46.
7. Мелерович А. М. Окказиональная фразеологическая деривация в текстах литературных произведений // Языковые и речевые единицы в лексике и фразеологии русского языка : сб. науч. тр. / Курск. гос. пед. ин-т. Курск, 1986. С. 122–132.

8. Алипулатов И. С. Оказиональное использование фразеологических единиц в средствах массовой информации (на материале теле- и газетных текстов 90-х гг. XX в.) [Электронный ресурс] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Махачкала, 1998. 169 л. URL: <http://sigla.rsl.ru/table> (дата обращения: 10.09.2021).

9. Зубова Л. В. Поэзия Марины Цветаевой : лингвист. аспект. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1989. 262 с.

Урбанович Ия Георгиевна

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры славянских языков
УО «Минский государственный лингвистический университет»

Iya G. Urbanovich

PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor
of the Department of Slavic Languages
Minsk State Linguistic University
urbanovich2@tut.by

УДК 811.133.1'28

I. Y. Filimonova

Université d'Etat A.A.Kouléchov de Moguilev

LA CONSCIENCE LINGUISTIQUE DES HABITANTS DU NORD DE LA FRANCE À TRAVERS LA CRÉATION PHRASÉOLOGIQUE

L'article présente l'analyse de la conscience ethnique sous sa forme linguistique. L'étude des substrats linguistiques locaux permet de percevoir l'originalité des groupes ethniques faisant partie d'une nation, et d'apprécier les particularismes de la culture ethnolinguistique. L'étude des marqueurs linguoculturologiques permet de minimiser les conflits cognitifs et communicatifs potentiels, d'acquérir l'art d'interpréter le comportement discursif de l'interlocuteur, de décoder les messages verbaux de l'allophone.

Mots-clés: la langue picarde, les patois, les expressions phraséologiques, la conscience linguistique, l'(auto)identification ethnolinguoculturelle.

I. Yu. Filimonova

Mogilev, Belarus

THE LINGUISTIC AWARENESS OF INHABITANTS FROM NORTH OF FRANCE THROUGH PHRASEOLOGICAL CREATION

The article deals with the study of ethnic awareness in its linguistic form. Studies of local linguistic substrates allow one to see the originality of the ethnic groups that make up the nation, and to judge the national-cultural color of the ethnolinguoculture. The study of linguoculturological markers allows you to minimize potential cognitive and communicative conflicts, learn the art of interpreting the linguistic behavior of the interlocutor, decoding the speech messages of a foreign language communicant.

Key words: Picard language, patois, phraseological expressions, linguistic awareness, ethnolinguocultural (self)identification.

Les objectifs de la didactique des langues pourvue d'envergure interculturelle visent "à faire des apprenants des [...] médiateurs interculturels" [1, p. 9]. En d'autres termes, l'espace éducatif devrait inciter les apprenants à faire usage des pratiques à dimension interculturelle conduisant à la maîtrise des compétences linguistiques et ethnoculturelles. L'idéal serait donc de mettre le signe d'égalité entre l'enseignement (l'apprentissage) de la langue et l'enseignement (l'apprentissage) de la culture.

Qui plus est, le Cadre européen commun de référence pour les langues (CECR) fait évoluer cette idée en optant pour les compétences plurilingues et pluriculturelles [2, p. 129].

Les concepts de "lexiculture" et "langue-culture" introduits par R. Galisson [3] poussent à mener la réflexion autour des critères du choix des supports à exploiter en classe de FLE. La tâche qui n'est pas évidente vu qu'on recourt souvent aux images stéréotypées, "inévitables réductrices" [4, p. 51].

Afin de surmonter les images conventionnelles, il serait utile de faire appel aux documents alliant les représentations du patrimoine historique et culturel, national/identitaire, ainsi que les images du vécu communautaire [4, p. 50]. Autrement dit, les niveaux avancés des apprenants les rendent capables de s'approprier des savoir-être et savoir-faire conduisant à la construction des compétences communicatives dépassant le cadre de la langue standard. Si l'on accepte cette maxime, cela signifiera que le particularisme des dialectes et des patois mériterait d'être enseigné/appris. En est la preuve la signature par la France de la Charte européenne des langues régionales et minoritaires préconisant le statut légal à d'autres langues que le français sans méconnaître les normes constitutionnelles françaises [5, p. 64].

D'ici, le passage de la culture linguistique aux cultures linguistiques portant les dimensions socio-, ethnolinguistiques, et donc, ethnolinguoculturelles dans le contexte pragmatique de la didactique des langues.

En effet, les locutions phraséologiques des langues différentes peuvent porter une empreinte particulière dont la présence s'explique par la spécificité des substrats indigènes qui avaient pénétré dans le superstrat. La multitude des modèles des locutions crée beaucoup de difficultés pour les apprenants qui, afin de réussir à comprendre une locution dans l'énoncé, doivent mémoriser des algorithmes divers et comparer cette même locution à des modèles appris [6]. Dans ces conditions, l'étude des substrats linguistiques locaux permettrait d'élucider la nature des particularités ethnoculturelles d'où résulte l'entité nationale.

L'exploration de la conscience ethnolinguistique présente un intérêt particulier, puisque tout locuteur natif fait preuve de sa perception du monde à partir des images psychiques et des habitudes propres à sa culture. Donc, l'observation du domaine des marqueurs ethno-, socio- et linguoculturologiques

contribue à minimiser le risque des conflits cognitifs, à s'attribuer les savoirs d'interprétation du comportement linguistique de l'interlocuteur et du décodage des messages verbaux.

Le picard aurait possédé sa forme littéraire à partir du IX-e s. Ses variantes du Nord de la France appelées 'ch'ti' ('ch'timi') et 'rouchi' (Lille) suscitent un vif intérêt en raison de ce qu'elles n'avaient jamais été les patois "insulaires", isolés du superstrat. D'ailleurs, les patois du Nord gardent les points de repère évoquant *Siglo de Oro* espagnol (*Comme ej te kère, min viux Arrou!* 'A quel point je t'aime, mon vieux Arras!' 'Как я тебя люблю, мой старый Arras!'), ou encore la domination néerlandaise (*wassingue, f*, 'serpillière, f', 'швабра', *estaminet, m*, 'petit café, m', 'таверна').

Le fond phraséologique est une partie indissociable du ch'ti, ce qui permet d'apprécier le niveau d'imagination et la vision du monde propres aux habitants des Hauts-de-France.

Un ensemble de phrasèmes qui a attiré notre attention porte sur le thème du travail et garde les traces des métiers pratiqués dans cette région. Les adages illustrant les difficultés du travail évoquent les métiers de dentellières et fileuses (*Braire et filer, ch'est deux mèves métiers*. 'Pleurer et filer, ce sont deux mauvais métiers', 'Слезы, как и труд ткачихи, денег не приносят.'). Nombreux sont les proverbes renvoyant:

a. au travail dans les mines:

Ch'est l'métier qui rinte dins t'piau. 'C'est le métier qui rentre dans ta peau.' 'Эта работа въедается в кожу (угольная пыль, попадая в рану, оставляя рубцы на всю жизнь)';

Ch'n'est point tout d'monter, l'tout ch'est d'déquinte. 'Ce n'est pas tout de monter, le tout c'est de descendre.' 'Подняться – полдела, труднее спуститься' (крошащийся сланец делал спуск с террикона опасным);

Il a pus d'misière que d'brouter del rouche tierre. 'Il a plus de misère que de charrier de la terre rouge (argile).' 'Перевозить глину на тачке проще, чем работать, как он.;

b. au mauvais travail:

Ch'est d'l'ouvrache ed ducasse. 'C'est l'ouvrage de foire du village.', 'Эта работа выполнена быстро, но плохо.;

Ch'est du veux-je-n'peux. 'C'est le travail mal fait.' 'Эта работа сделана плохо.;

Ch'est fait d'six-quat'-deux! 'C'est le travail fait à la six-quatre-deux!' 'Эта работа сделана непоследовательно';

c. à la vie de tous les jours:

I a aussi long ed ch'est mi ch'est ti, qu'ed ch'est ti ch'est mi. 'C'est bonnet blanc et blanc bonnet.', 'Что в лоб, что по лбу';

Faut point mett' l'z'infants d'sus l'carbon pou l'z'avoir blincs. 'Il ne faut pas mettre les enfants sur le tas de charbon si on veut qu'ils soient propres.', 'Хочешь, чтобы дети были чистыми – не сажай их на угольную кучу';

Il est ernardé. I paie in argent d’coton qui n’a pas d’son. ‘Il est rusé. Il paie avec de la monnaie de coton qui n’est pas sonnante.’, ‘Он слишком хитер, чтобы платить звонкой монетой’ [7].

Les recherches d’une plus grande indépendance par rapport au “dirigisme” linguistique ont ramené à la vie les pièces de théâtre (J. Ambre, E. Battista), les films (“Bienvenue chez les Ch’ti”), de nombreux ouvrages littéraires et lexicographiques des auteurs patoisants (G. Dubois, P. Dieux, J. Cabre, B. Baralle, A. Desrousseaux, et al.), ainsi que l’enseignement du picard dans l’université Picardie-Jules Verne.

Si, géographiquement, le français se met à la portée des allophones résidant loin de la France, ne peut-on pas supposer que le même principe géographique établit une énorme distance dans l’Hexagone en faisant éloigner le français du terrain et le français standard? Facteur d’évolution sociale, l’hétérogénéité de la communication est aujourd’hui un marché séduisant où l’on plaide pour le multiculturalisme et le multilinguisme au sein de la nation unie.

ЛИТЕРАТУРА

1. Développer la dimension interculturelle de l’enseignement des langues: une introduction pratique à l’usage des enseignants [Electronic resource] / Division des politiques linguistiques, Direction de l’éducation scolaire, extra-scolaire et de l’enseignement supérieur. Strasbourg : Conseil de l’Europe, 2002. URL: <https://rm.coe.int/16802fc3aa#:~:text=En%20r%C3%A9sum%C3%A9%2C%20d%C3%A9velopper%20la%20dimension,cultures%20%3B%20permettre%20%C3%A0%20l’apprenant> (accessed: 04.01.2022).
2. Cadre européen commun de référence pour les langues. Paris : Les éditions Didier, 2014. 192 p.
3. Galisson R. D’hier à aujourd’hui la didactique générale des langues étrangères : du structuralisme au fonctionnalisme. Paris : CLE International, 1980. 160 p.
4. Kalinowska E. La diversité culturelle dans l’enseignement du FLE: état actuel et propositions pour l’avenir. Bruxelles, 2004. 241 p. (Dialogues et cultures. Textes littéraires et enseignement du français ; № 49).
5. Les politiques des langues en Europe / Ministère des Aff. étr. et europ. ; Ministère de la Cult. et de la Communic. Paris : Délégation gén. à la langue fr. et aux langues de France, 2007. 191 p.
6. Filimonova I. Impact des stratégies métacognitives sur l’étude des locutions françaises // Даследаванні па германскай і славянскай філалогіі = Acta Germano-Slavica : зб. навук. арт. Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2011. Вып. 4. С. 243–248.
7. Baraille B. Proverbes et expressions du Nord Pas-de-Calais en Patois: Anthologie de 2500 proverbes, dictons, locutions, formules. Bouvignies : Les Éditions Nord avril, 2004. 400 p.

Ирина Юрьевна Филимонова
доцент кафедры романо-германской филологии
УО «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова»

Irina Yu. Filimonova
Associate Professor of the Department of Romance and Germanic Philology
Mogilev State A. A. Kuleshov University
filimonova-mgu@mail.ru

УДК 811.111'373

Ю. Б. Цверкун
Одинцово, Россия

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПАНДЕМИИ *COVID-19*

Предлагаемая работа посвящена исследованию лексико-семантической специфики англоязычной терминологии образования в условиях пандемии COVID-19. В данной статье показано, что одновременно с появлением и разработкой новых методов и средств обучения в условиях пандемии COVID-19 в терминологии образования, в частности англоязычной, возникают новые термины и уточняются значения ранее используемых терминологических единиц. Приводятся определения новых терминов, анализируются некоторые англоязычные термины области образования и выявляются их лексико-семантические особенности.

Ключевые слова: термин, пандемия *COVID-19*, англоязычная терминология образования, лексико-семантический аспект.

Y. B. Tsverkun
Odintsovo, Russia

LEXICO-SEMANTIC SPECIFICS OF THE ENGLISH EDUCATION TERMINOLOGY IN THE CONTEXT OF THE COVID-19 PANDEMIC

The article reports on a study of the lexico-semantic peculiarities of the English education terminology in the context of the coronavirus pandemic. It is shown that the COVID-19 pandemic has changed national education systems worldwide and has caused the emergence of new education terms and reconsidering the meaning and / or usage peculiarities of the existing units. The author brings definitions of new education terminological units and reveals lexico-semantic specifics of such units in the context of the new normal.

Key words: term, *COVID-19 pandemic*, *English education terminology*, *lexico-semantic aspect*.

Область образования представляет собой одну из важнейших областей межнационального сотрудничества. Пандемия коронавируса кардинально повлияла на все сферы человеческой деятельности, и образование не

является исключением. Изменения, происходящие в данной сфере в контексте пандемии *COVID-19*, неизбежно привели к трансформации соответствующей терминологии.

Отметим, что в докладе ООН (август 2020) подчеркивается, что пандемия коронавируса стала причиной сильнейшего сбоя в учебном процессе большинства национальных систем образования, затронув более 1,6 миллиарда учащихся в 190 странах. Закрытие школ и других образовательных учреждений не прошло бесследно для 94 % учащихся во всем мире [1]. Ввиду пандемии *COVID-19* мировое академическое сообщество было вынуждено обратиться к поиску, разработке и использованию новых и трансформации многих имеющихся форм обучения.

Не вызывает сомнений тот факт, что одновременно с переменами в системах образования большинства стран соответствующая терминология (в частности, англоязычная) подверглась большим изменениям, что объясняет необходимость подробного рассмотрения и многоаспектного анализа англоязычных терминологических единиц области образования в контексте пандемии коронавируса.

Подобно тому, как современное общество постепенно переходит в *New Normal* ('новая нормальность'), пандемия привела к появлению новых лексических единиц и пересмотру уже имеющихся значений. Изменения, происходящие в английском языке в контексте пандемии, вызвали большой интерес среди ученых-лингвистов. Так, Тони Торн, британский писатель, лингвист и лексикограф, отмечает, что в условиях пандемии коронавируса некоторые научные и медицинские термины подверглись процессу детерминологизации и стали использоваться для обозначения понятий повседневной жизни [2]. Разным аспектам данного явления посвящены работы В. В. Катерминой и С. Х. Липириди [3], Ш. Р. Басырова [4], Ю. Д. Гавроновой [5]. В сфере образования тоже появилась необходимость уточнения семантики имеющихся терминов: работники данной области ищут новые методы *synchronous* ('синхронное') и *asynchronous* ('асинхронное') обучения, учатся применять *EdTech tools* ('новейшие инструменты в обучении'), борются с *zoom-bombing* ('зумбомбинг'), *digital divide* ('цифровой барьер') и др. [5].

Анализ ежеквартальных обновлений Оксфордского словаря английского языка [6] позволил сделать вывод о существовании четырех групп лексических единиц, подвергшихся определенным семантическим изменениям в результате воздействия пандемии коронавируса:

1) *new words* ('новые слова') – абсолютно новые заглавные слова, появившиеся в Оксфордском словаре английского языка: *Covid-19* ('коронавирусная инфекция 2019 года'); *self-isolating* ('самоизоляция') и др.;

2) *new sub-entries* ('новые значения слов') – новые значения, добавленные в словарную статью: *to flatten the curve* ('сгладить кривую') и др.;

3) *updated sub-entries* ('обновленные значения слов') – значения заглавных слов, в которые были внесены правки и другие обновления: *personal protective equipment* ('средства индивидуальной защиты') и др.;

4) *additions to unrevised entries* ('добавления к неотредактированным словарным статьям') – значения, примеры и другие уточнения, добавленные к уже существующей словарной статье заглавного слова, которая еще не была отредактирована: *elbow bump* ('удар локтя (неофициальное приветствие)').

Анализ ряда публикаций, посвященных специфике употребления терминологических единиц сферы образования [7–10], показал, что данная классификация может быть использована и для терминов образования. Так, например, к новым словам относится *coronaviva* ('экзамен, который сдается удаленно в условиях пандемии коронавируса'). Примером новых значений слов служит единица *remote* ('дистанционный, удаленный').

В заключение отметим, что пандемия коронавируса оказала большое влияние на сферу образования в целом и на применение новых инструментов, стратегий, форм обучения, в частности. Перемены в глобальной системе образования отразились на терминологии этой сферы: возникновение новых терминов и пересмотр значений существующих. В дальнейшем представляется целесообразным исследование последующих обновлений словарей современного английского языка с целью выявления новых единиц сферы образования, уточнения значения ранее используемых единиц для точного обозначения актуальных понятий в данной области.

ЛИТЕРАТУРА

1. Policy Brief: Education during COVID-19 and beyond [Electronic resource]. URL: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/sg_policy_brief_covid-19_and_education_august_2020.pdf (accessed: 01.12.2021).
2. Катермина В. В., Липириди С. Х. Лингвокультурный аспект новой лексики пандемии коронавируса // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. № 2. С. 49–59.
3. Басыров Ш. Р. Структурно-семантические особенности лексики периода пандемии коронавируса // Studia Germanica, Romanica et Comparatistica. 2020. Т. 16, № 4 (50). С. 79–85.
4. Гавронова Ю. Д. Особенности отображения лексики коронавируса в английском языке // Человек и язык в коммуникативном пространстве : сб. науч. ст. Красноярск, 2021. № 12 (21). С. 204–207.
5. A Guide to Remote Learning Terminology During COVID-19 [Electronic resource] // Curriculum Development, Remote Learning, Professional Development. 2020. URL: <https://www.managebac.com/blog/guide-remote-learning-terminology-covid-19/> (accessed: 01.12.2021).
6. Updates to the OED [Electronic resource] // Oxford English Dictionary. URL: <https://public.oed.com/updates/> (accessed: 01.12.2021).
7. Are Online Learning, Virtual Learning, E-Learning, Distance Learning, and Blended Learning the Same? [Electronic resource]. URL: <https://www.connected.com/are-online-learning-virtual-learning-e-learning-distance-learning-and-blended-learning-the-same> (accessed: 01.12.2021).

8. COVID-19 response – Remote learning strategy: remote learning strategy as a key element in ensuring continued learning [Electronic resource]. 2020. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000373764?posInSet=1&queryId=59158b28-f778-4854-ae6d-eec529e7e651/> (accessed: 01.12.2021).
9. Remote Study [Electronic resource] // University of Oxford. URL: <https://www.ox.ac.uk/students/academic/guidance/remote> (accessed: 01.12.2021).
10. The Online Learning Glossary: Distance, Blended, Remote, and Hybrid Learning [Electronic resource]. 2020. URL: <https://www.instructure.com/canvas/blog/online-learning-glossary-distance-blended-remote-and-hybrid-learning/> (accessed: 01.12.2021).

Юлия Борисовна Цверкун

кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и переводоведения
ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений
(университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»
(Одинцовский филиал)

Yulia B. Tsverkun

PhD in Philology,, Associate Professor of the Department of Linguistics and
Translation & Interpreting Studies Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Odintsovo Branch)
y.cverkun@odin.mgimo.ru

УДК 811.133.1'366:070

Н. М. Щенникова

Минск, Беларусь

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ИНИЦИАЛЬНЫХ СОКРАЩЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЕ

В современных французских СМИ наблюдается активное употребление различных типов аббревиаций, что позволяет обеспечить не только краткость изложения материала и экономию печатного пространства, но также высокую информативность и экспрессивность.

К л ю ч е в ы е с л о в а: инициальные сокращения, средства массовой информации, общественно-политическая лексика, языковая экономия, структурные типы сокращений.

N. M. Shchennikava

Minsk, Belarus

FUNCTIONING OF INITIAL ABBREVIATIONS IN MODERN FRENCH PRESS

The active use of different types of abbreviations is being observed in modern French newspaper editions. It provides not only the brevity of the material presented and economy of the printing space but also high informativeness and expressiveness.

Key words: Initial Abbreviations, mass media, public and political vocabulary, language economy, structural types of abbreviations.

Средства массовой информации играют важную роль в жизни современного человека. Если изначально их основными функциями были информационная и развлекательная, то сейчас одной из важнейших функций СМИ является формирование общественного мнения о каком-либо событии, ситуации и т.д. Формируя общественное мнение, СМИ осуществляют ценностное ориентирование массового адресата, подвергают медиатизации его мышление, транслируют заданное адресантом оценочное отношение к субъектам и объектам действительности. Современные медиатексты имеют регулятивный характер, т.е. мотивируют целевую публику к действию любого типа: от порождения нужных ассоциаций и смыслов до конкретных действий, что стало возможно в эпоху информационных технологий, позволяющих охватить самые широкие массы, вовлечь их в общее информационное пространство, в котором действуют особые языковые средства, в первую очередь лексические.

Язык СМИ характеризуется оперативностью излагаемого материала, логичностью, объективностью, динамичностью, восприимчивостью к языковым инновациям, поскольку нужно четко реагировать на изменения, вызванные различными преобразованиями социально-политического устройства и экономики. Чтобы адекватно объективировать происходящие в мире события, современные СМИ активно используют общественно-политическую лексику, клише, оценочные лексические единицы, узкоспециальные слова и выражения, неологизмы и окказионализмы [1].

Именно в медиатекстах наиболее ярко проявляется тенденция наименьшего усилия, вытекающая из постоянного противоречия между присущими человеку потребностями общения и выражения и его стремлением свести к минимуму свою умственную и физическую деятельность [2, с. 532].

В наше время аббревиация как один из способов словообразования получила свое бурное развитие в средствах массовой информации, так как она способствует краткости передачи информации, экономии площади печатного пространства и времени читателя. Использование аббревиатур в современной прессе обусловлено «законом экономии речевых средств», одним из важнейших прагматических принципов порождения сокращения, вызванным необходимостью рационализировать его материальную оболочку [3, с. 177].

При проведении анализа употребления сокращений в текстах современной французской прессы наше внимание было сосредоточено, в первую очередь, на сфере политики, которая является многогранной и состоит из различных тематических групп (экономика, наука, технологии, здоровье и др.). В связи с этим в материалах исследований можно встретить сокращения, относящиеся не только к сфере политики, но и к вышеупомянутым тематическим группам.

Объединяя в себе основные принципы газетно-публицистического стиля, стремление к стандарту и экспрессии, аббревиация является одной из наиболее характерных особенностей языка современной прессы: практически ни одна печатная или электронная статья не обходится без различного рода сокращенных лексических номинаций.

Анализ подтверждает, что характерной особенностью современной французской прессы является использование инициальных сокращений, среди которых мы выявили следующие.

1) Сокращения с расшифровкой, если используемое сокращение представляется малоизвестным, например:

L'observatoire français des conjonctures économiques (OFCE) 'Французская обсерватория экономических связей'; *le revenu disponible brut (RDB)* 'валовой располагаемый доход'; *la procréation médicalement assistée (PMA)* 'искусственное оплодотворение; зачатие и выращивание плода с помощью медицинских средств'.

2) Сокращения без расшифровки, в тех случаях, когда речь идет об известных для читателя номинациях:

RN 'Национальное объединение' / *Rassemblement national*; *LREM* 'Социал-либеральная политическая партия Франции' / *La République en marche*); *EELV* 'левоцентристская зелёная французская политическая партия «Европа Экология Зелёные»' / *Europe Écologie Les Verts*; *LFI* 'французская левая политическая партия «Непокорённая Франция»' / *La France insoumise*; *BFM TV* (французский телевизионный канал); *CNews* (Российское издание, интернет-портал и одноименный ежемесячный журнал). Среди таких инициальных сокращений встречаются имена известных политических деятелей, например: *NS* – бывший Президент Франции Николя Саркози / *Nicolas Sarkozy*; *MLP* – Глава Национального фронта Франции Марин Ле Пен / *Marine Le Pen*; *EM* – Президент Франции Эммануэль Макрон / *Emmanuel Macron* и др.

Анализ структурных типов сокращений указывает на то, что характерным для французского языка является образование большого количества инициальных сокращений и различного рода усечений. В текстах СМИ можно встретить такие типы сокращений, как, например:

- алфаветизмы: *PS (Parti Socialiste* 'социалистическая партия');
- усечения: *MoDem (Mouvement Démocrate* 'демократическое движение');
- смешанные: *PwC (Pricewaterhouse Coopers* – международная сеть компаний, предлагающих услуги в области консалтинга и аудита);
- телескопические: *Brexit (Britain (Британия) + exit (выход)* 'Брек-сит');
- инициально-цифровая аббревиация: *G20* («Большая двадцатка» – клуб правительств и глав центральных банков государств с наиболее развитой и развивающейся экономикой) и др. типы. Однако их значительно меньше по сравнению с инициальными сокращениями.

Следует обратить внимание на то, что во французском языке между усечением и образованием инициальных слов наблюдается одно принципиальное различие: усечение возникает прежде всего в устной речи, это упрощение трудного или долго произносимого слова, в то время как для инициальных слов первична письменная.

В последнее время в языке французской прессы увеличивается количество заимствованных аббревиатур, среди которых чаще всего встречаются наименования политических и общественных организаций, названия банков, экономических союзов и концернов, техническая и научная терминология и т.д.: *BCG* (*Boston Consulting Group* 'международная компания, специализирующаяся на управленческом консалтинге'), *WLN* (*Western Library Network* 'западная библиотечная сеть') и др. Заимствованные аббревиатуры указывают на то, что их появление в одном языке не всегда приводит к образованию аббревиатурной формы в другом.

Особенной чертой французских СМИ является то, что аббревиатуры в них, будучи стилистически нейтральными, выполняют одновременно, номинативную и компрессионную функции и выступают в газетных статьях в качестве удобных знаков-заменителей. Вместе с тем, несмотря на экономичность аббревиации, так необходимую для СМИ, многие лингвисты обращают внимание на то, что аббревиация может рассматриваться и с другой стороны – отрицательной, так как в случае расшифровки сокращенной единицы возникает другое явление – избыточность, поскольку для раскрытия актуального смысла автор наряду с аббревиатурой использует исходное словосочетание. Проанализированные нами примеры из газетных статей (*Le Figaro*, сентябрь-октябрь 2021 г.) указывают на то, что таких случаев достаточно много, например:

L'observatoire français des conjonctures économiques (OFCE) accorde un satisfecit à Emmanuel Macron sur le sujet du pouvoir d'achat. 'Французская обсерватория экономических связей (OFCE) дает Эммануэлю Макрону удовлетворительную оценку по вопросу о покупательной способности'.

Отмечаем также, что в текстах французских СМИ в пределах одного предложения можно встретить несколько таких аббревиатур с расшифровкой, что делается намеренно, хотя автор текста уверен, что аудитория уже знакома с содержанием формы сокращенного слова.

... la suppression de l'impôt sur la fortune (ISF), remplacé par un impôt sur la fortune immobilière (IFI) en 2018 '... упразднение налога солидарности на богатство, замененного на налог на недвижимое имущество в 2018 г.'

Не вызывает сомнения тот факт, что использование аббревиатур в СМИ является целенаправленным, поскольку при написании статьи одной из задач автора является привлечение внимания читателя или слушателя к выбранной теме. Аббревиатура же, благодаря своей оригинальности, выделяется среди других слов, бросается в глаза. Само создание и использование аббревиатур уже свидетельствует о наличии некоторой эмоциональной и оценочной характеристики сокращенных единиц, которая передается также за счет необычных путей образования сокращений или нестандартной расшифровки аббревиатуры [4].

В определенных контекстах инициальные аббревиатуры именных формул также могут приобретать дополнительные коннотации, выполнять эмоциональную нагрузку, участвовать в создании различных стилистических фигур [5], как, например, *Sarko* от *Sarkozy* (Николя Саркози).

Выполняя экспрессивную функцию, аббревиатурные конструкции сближаются с обычным словом в различного рода приемах языковой игры, в образовании апокопы, аферезы, омоакронимов и т.д. В качестве примера можно привести сокращение *FIACRE* (*Fonds d'Incitation à la Création* 'Фонд поощрения творчества'): слово «фиакр» произошло от названия гостиницы «Hôtel de Saint Fiacre» 'Отель святого Фиакра', напротив которой в 1640 году было открыто заведение для найма карет, а в настоящее время фиакры используются для проведения экскурсий для туристов.

Как подтверждает проанализированный материал, аббревиация является одним из самых эффективных способов обогащения языка массмедиа и наиболее распространенным способом образования лексических единиц. Рост числа аббревиатур, употребляемых в текстах современной французской прессы и электронных СМИ, свидетельствует о восприимчивости языка СМИ к различного рода лексическим нововведениям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сергеева Т. С. Аббревиатуры в современных англоязычных текстах массовой информации [Электронный ресурс] // Вестник ВятГУ. 2015. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/abbreviatury-v-sovremennyh-angloyazychnyh-tekstah-massovoy-informatsii> (дата обращения: 03.12.2018).
2. Мартине А. Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике. М., 2009. Вып. 3. С. 532–533.
3. Сергеева Т. С. Аббревиатура в системе лексических сокращений // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 6–2 (24). С. 174–179.
4. Косарева О. Г. Аббревиация в языке современной прессы : на материале французского, английского и русского языков [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. Тверь, 2003. 16 с. URL: <http://cheloveknauka.com/abbreviatsiya-v-yazyke-sovremennoy-pressy> (дата обращения: 03.12.2018).
5. Хажокова Р. А., Хажокова Э. А. Структурно-семантические и культурологические аспекты функционирования аббревиатур во французских СМИ [Электронный ресурс] // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 8–2 (74). С. 167–169. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strukturno-semanticheskie-i-kulturologicheskie-aspekty-funktsionirovaniya-abbreviatur-vo-frantsuzskih-smi> (дата обращения: 05.12.2018).

Наталья Михайловна Щенникова

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры фонетики и грамматики
французского языка
УО «Минский государственный лингвистический университет».

Natallia M. Shchennikava

PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of French
Phonetics and Grammar
Minsk State Linguistic University
n.schennikova@gmail.com

ГРАММАТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА ЯЗЫКА: НОРМА VS. «НАРУШЕНИЕ»

УДК 811.133.1'367'37

Е. А. Гапанович
Минск, Беларусь

СЕМАНТИЧЕСКАЯ АНОМАЛЬНОСТЬ СУЩНОСТЕЙ СО ЗНАЧЕНИЕМ МНОЖЕСТВА И ОБОБЩЕННОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)

Исследуется механизм актуализации прагматического значения уступки, формирующего объективную (очевидную, коллективную) и субъективную (индивидуальную) оценку, в семантической структуре языковых средств со значением обобщенного множества, и возможность усиления признака всеобщности. В контексте многозначности репрезентантов квантора всеобщности во французском языке *tout, nul* возникает семантической конфликт между признаками исключительности и полноты охвата элементов множества. Семантическая аномальность устраняется на уровне высказывания, в предикативную основу которого входит сказуемое в форме сослагательного наклонения.

К л ю ч е в ы е с л о в а : *значение уступки, квантор всеобщности, семантический конфликт.*

Y. A. Hapanovich
Minsk, Belarus

SEMANTIC ANOMALY OF ENTITIES WITH THE MEANING OF PLURALITY AND UNIVERSALITY IN THE FRENCH LANGUAGE

The article focuses on the study of the mechanism of actualization of the pragmatic meaning of concession, expressed by linguistic entities with the meaning of universality. The possibility of its strengthening in case of conveying objective (obvious, collective) and subjective (individual) evaluation is also investigated.

К e y w o r d s : *meaning of concession, universal quantifier, semantic conflict.*

Во французском языке к числу языковых единиц, выражающих идею всеобщности, традиционно относят артикли всеобщности (обобщенности) *le, la, les / un, une*, а также неопределенные местоимения и прилагательные *tout, nul, aucun*. На сегодняшний момент имеются многочисленные подробные описания семантики определенного и неопределенного артикля со значением обобщенности, в то время как невыясненными остаются вопросы, касающиеся специфичности внешней и внутренней форм местоимений и прилагательных, их сочетаемостных и дистрибутивных характеристик как репрезентантов квантора всеобщности.

Отметим, что номинальная идея всеобщности формализуется не только как предметная сущность, понимаемая как *ensemble, objet divisible pris en son entier* 'единое целое' [1], но чаще всего имеет и признаковый характер,

объективируемый с помощью признакового имени всеобщности – неопределенного прилагательного. Таковым также считается и неопределенное местоимение, прилагательное и наречие *tout*, для которого значение «l'intégrité, l'entièreté, la totalité d'une chose **considérée par rapport** au nombre» 'целостность, целокупность, всеобщность рассматриваемого объекта в сопоставлении с количеством его частей'[2] является основным и доминирующим. При этом сама идея всеобщности превалирует над количественностью (*considérée par rapport*), акцентируя протяженность реализации и полноту охвата объектов заданного типа/рода с заданным признаком, т.е. их континуум.

Сам факт выделенности всеобщности подтверждается и порядком очередности значений *tout* в словарных дефинициях. Примечательно, что в определенных специализированных употреблениях оно допускает обозначение исключительности (*comme tout* 'абсолютно'; *le tout électrique* 'использование исключительно электричества'), что весьма противоречит профилирующей сигнификативной составляющей семантики всеобщности: всеобщий значит без исключения.

Вместе с тем значение всеобщности обнаруживается в семантической структуре отрицательных местоимений и прилагательных, например, «*nul dans une phrase négative (avec ne), indique l'absence totale*» [1] 'nul в отрицательном предложении (с *ne*) указывает на полное отсутствие'.

На основании вышесказанного, правомерным является интерес к систематизации и профилизации значений, закрепленных за языковыми единицами, выражающими разные типы множества, в том числе всеобщность.

Более того признак, рассматриваемый как ограниченная целостность, может сообщаться как основание уступки, указывая на отказ от чего-л. В пользу чего-н., и объективироваться с помощью конструкции *tout ... que*, которая «*marque le degré absolu dans une subordination concessive*» 'указывает на абсолютную степень в придаточных уступки' [1]. Признаковое имя всеобщности допускает как вхождение в атрибутивные сочетания, так и в предикативную основу с употреблением в составе именной синтагмы подлежащего, так и группы сказуемого соответственно, например: *Cette somme est toute où vous l'avez laissée* 'Эта вся сумма, какой вы ее оставили'.

Применение квантора всеобщности для выражения отношения уступки, понимаемой традиционно как отказ от ситуации, позволяет избежать отрицания самой ситуации: онтологически всеобщность трактуется как данность, т.е. характеризуется презумптивностью. Последняя не подлежит отрицанию, поскольку указывает на то, что «само собой разумеется» [3, с. 24]. Выражение объективной оценки реальной ситуации посредством прилагательного *tout* коррелирует с формой сказуемого в изъявительном наклонении: *Tout vieux qu'il est, j'aime bien ce chien*.

В зависимости от того, является ли признак, эксплицируемый *tout ... que*, достоверным, иначе говоря, объективным или, наоборот, субъективным, отражающим мнение и чувства только одного субъекта, меняется и форма

сказуемого предикативной основы. Поэтому в высказывании: «*Tout riche que je suis, je ne vis pas luxueusement*» ‘Каким бы я богатым ни был, я не живу в роскоши’, т.е. я богат, но я не живу в роскоши, и это очевидно; в то время как «*Tout riche que je sois je ne pourrais m’offrir le château de Versailles*» трактуется как оценка типа ‘да будь я неизмеримо богат, я все равно не смог бы позволить себе купить замок в Версале’, т.е., на мой взгляд, я не смог бы себе позволить такой роскоши, как купить замок в Версале.

Как видим, субъективность должна была бы быть исключена из семантической структуры единиц обобщенного множества, а выражение объективной оценки посредством данной конструкции с глагольным сказуемым в форме *Subjonctif* считается французскими лингвистами ошибочным. Подобная аномальность обусловлена семантическим конфликтом между субъективностью мнения и идеей всеобщности, коррелирующей с объективностью, рациональностью в отношении предизируемого признака. По мнению М. Гревисса, «*Tout ... que se construit aussi bien avec l’indicatif qu’avec le subjonctif. L’indicatif était normal puisqu’il s’agissait primitivement de marquer la réalité d’un fait, mais même dans le cas d’un fait réel le subjonctif est fréquent en fr. contemporain*». [4, p. 918]. ‘*Tout ... que* употребляется с формой сказуемого, как в изъявительном, так и в сослагательном наклонении. Изначально форма индикатива считалась бы даже более правильной, так как имело бы место обозначение реального факта. Но даже с этой целью в современном французском языке для обозначения реального факта форма сослагательного наклонения встречается чаще, чем изъявительного’.

Включенность объекта с признаком всеобщности в объективную реальность и его онтологическая соотнесенность может быть эксплицирована формой женского рода для подлежащего: Например,

Les chances du boston, toutes variées qu’elles soient (Gautier, Mlle de Maupin) ‘Шансы на успех в карточной игре бостон, несмотря на все разнообразие возможностей...’.

Однако наблюдается чередование форм *toutes / tout*, если имеет место нейтрализация родовой идентификации объекта с признаком всеобщности, для обозначения которого используется имя мужского рода.

Следует отметить, что всеобщность предполагает не только положительное присутствие/наличие множества, но и отсутствие такого, что приводит к альтернативной интерпретации идеи всеобщности, а именно как пустого множества субъектов или объектов. Данное понятие, о релевантности которого прежде говорили в отношении математических сущностей, отсылает к положению вещей/ситуации, когда ни один элемент какого-либо множества не совпадает с элементами другого. Классическими примерами являются множество людей или объектов с несвойственными, невозможными для них признаками: «Король Франции – лыс».

Традиционно для репрезентации пустого множества предлагается предикативная основа с отрицательной формой сказуемого в единственном числе в сочетании с другими показателями отрицания.

Примером объективации пустого множества как реально возможной ситуации является высказывание *À l'impossible nul n'est tenu* 'на нет и суда нет', которое выражает отсутствие претензий в случае отсутствия чего-нибудь или отказа в чем-нибудь, или синонимичное ему *À l'impossible tous sont tenus* 'от каждого может потребоваться сделать и невозможное; обстоятельства сильнее нас'.

При этом положительная форма предикативной основы не является столь категоричной, как ее отрицательный коррелят. И, наоборот, усиленная отрицанием всеобщность становится более категоричной и достигает максимальной степени субъективности. Взаимопроникновение онтологической категории отсутствия и модуса отрицания усиливает субъективность.

Топикализация всеобщности с одновременной фокализацией категорично выраженной уступки сохраняется и в маркированных формах пустого множества, например, *Ce n'était pas le tout que de découvrir la fraude, il fallait partir: c'est à quoi Géronimo et son ami ne purent réussir.* (Stendhal, *Le Rouge et le Noir.*) 'Мало было раскрыть обман, надо было уехать: именно этого и не удалось сделать Жеронимо и его другу'.

Таким образом, выявленная аномальность семантической структуры единиц со значением обобщенного множества, в состав которой включен квантор положительной (*tout*) или отрицательной (*nul*) всеобщности, устраняется посредством выбора соответствующей формы глагольного сказуемого. Форма изъявительного наклонения реализует презумптивность сложноструктурированных сущностей со значением множества разных типов, в то время как сослагательное наклонение указывает на максимальную степень субъективности оценки.

Используя конструкцию *tout ... que* как экспликатор уступки, говорящий субъект может перевести объективную всеобщность в измерение с субъективным началом в качестве точки отсчета.

ЛИТЕРАТУРА

1. Dictionnaires français Larousse : monolingue français, bilingue français/anglais et anglais/français, bilingue français/espagnol et espagnol/français [Electronic resource]. URL : <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/tout/78772> (accessed: 11.11.2021).
2. Dictionnaire de l'Académie française, huitième édition, 1932–1935 [Electronic resource]. URL : <https://www.cnrtl.fr/definition/academie8/tout> (accessed: 11.11.2021).
3. Падучева Е. В. Русское отрицательное предложение. М. : Яз. славян. культуры, 2013. 304 с.
4. Grevisse M. *Le bon usage*. Paris : Duculot, 2008. 1545 p.
5. Новый большой французско-русский фразеологический словарь / В. Г. Гак, Л. А. Мурадова, И. А. Будницкая, И. П. Лалаев, Л. С. Ковшова. М. : Рус. яз., 2005. 1625 с.

Евгения Александровна Гапанович
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры лексикологии французского языка
УО «Минский государственный лингвистический университет».

Yauheniya A. Hapanovich
PhD in Philology, Associate Professor of of the Department
of French Lexicology Minsk State Linguistic University
gapanovich_74@tut.by

УДК 811.581.11'36

П. В. Гибкий
Минск, Беларусь

СОЗДАНИЕ ЭФФЕКТА ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ КОМБИНАЦИЕЙ ПОЛУСУФФИКСОВ 过 (GUO)

Статья посвящена исследованию создания эффекта прошедшего времени в китайском языке комбинацией полусуффиксов 过 (guo). Рассмотрено понятие времени как философской и грамматической категории, изучены подходы русскоязычных, китайских и европейских ученых к рассмотрению полусуффикса 过 (guo), проанализированы случаи создания эффекта прошедшего времени посредством комбинации данных формантов.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *категория времени, эффект прошедшего времени, синтаксис, комбинация полусуффиксов 过 (guo).*

P. V. Gibkij
Minsk, Belarus

PAST TENSE EFFECT CREATION BY THE SEMI-SUFFIX 过 (GUO) COMBINATION

The article is devoted to the study of the past tense effect creation in the Chinese language by a combination of semi-suffixes 过 (guo). In particular, the concept of time as a philosophical and grammatical category is considered, the approaches of Russian-speaking, Chinese and European scientists to the semi-suffixes 过 (guo) study are examined, cases of the past tense effect creation by the combination of these formants are analyzed.

Key words: *tense category, past tense effect, syntax, semi-suffix 过 (guo) combination.*

Понятие времени имеет двойственный характер: это фундаментальная философская и грамматическая категория, которая имеет различные средства реализации практически во всех языках мира. Согласно Г. Рейхенбаху, без времени невозможен «порядок пространства» [1, с. 292]. Под временем как грамматической категорией понимают совокупность синтаксических и морфологических форм, противопоставленных друг другу. Как считал П. П. Гайденко, «в содержание общего понятия времени входят аспекты, отображае-

мые более специальными понятиями: одновременности, временной последовательности, длительности и направленности, включающей в себя представление о прошлом, настоящем и будущем» [2].

В китайском языке отсутствуют словоизменения [3, с. 20], поэтому нет никаких морфологических форм, которые указывали бы на время. По этой причине в данной статье используется теория частей языка, учитывающая и форму, и семантику слов. Части языка (*тайгены* и *ёгены*) – это «подмножества языковой системы, элементами которых являются знаки с общим предельно абстрактным значением» [4, с. 35]. Тайгены обозначают индивидов; ёгены – их признаки, причем ёгенами считаются языковые единицы, указывающие не только на такие значения, как цвет (红 – ‘красный’), размер (小 – ‘маленький’), закрепленные за прилагательными в русском языке, но и на действия и процессы (游泳 – ‘плавать’, 活 – ‘жить’) и т. д.

Детальное рассмотрение временных отношений китайскими лингвистами относится к 1980-ым годам: в это время Кун Инда начала изучение комплекса значений, выражаемых 了 (le), 过 (guo), 着 (zhe) [5]. Лю Сюньнин [6, с. 3–6] был одним из первых исследователей категориального значения данных формантов. В нашей статье рассматриваются полусуффиксы 过 (guo). До сих пор нет единого понимания данных формантов среди русских, английских и китайских лингвистов. Ряд русскоязычных ученых, в том числе Н. В. Солнцева и В. М. Солнцев считали, что 过 (guo) является суффиксом, который обозначает «только многократность» [7, с. 76]. Европейские ученые Р. Сяо и Т. Макэнери полагали, что 过 (guo) – это показатель совершенного вида глагола, который указывает на то, что «в результате действия был получен некий опыт: 我看过 ‘Я имел опыт наблюдения’» [8]. Что касается китайскоязычных лингвистов, Самуэль Чунг, например, утверждал, что 过 (guo) указывает на завершенность действия или состояния [9]. По мнению Тань Аошуня, 过 (guo) отвергает возможность положительного исхода: 我申请过, 还没批准 «Wo shenqing guo, hai mei pizhun» (‘Я подавал заявление, но пока еще нет положительного ответа’) [10]. Таким образом, советские, российские и европейские ученые называли 过 (guo) временным или видовременным формантом (суффиксом), большинство же китайских ученых определяли его как видовой показатель – частицу совершенного вида. Мы считаем, что 过 (guo) является полусуффиксом, потому что лексическое значение у него полностью не стёрто. Согласно А. Н. Гордею, «манифестуя процесс через взаимоотношения субъекта и объекта, китайский ёген, благодаря наличию или отсутствию полусуффикса 过 (guo), содержит дополнительную информацию о краткости / длительности или завершенности процессов, а иногда и об их результативности или нерезультативности» [3, с. 39].

В статье исследуется создание эффекта прошедшего времени комбинацией полусуффиксов 过 (guo). При этом следует отметить, что данный временной эффект может также создаваться комбинацией полусуффиксов 了 (le) / модальных частиц 了 (la) [11, с. 692] и другими синтаксическими сред-

ствами. Анализируя обозначения временных отношений в китайском языке, мы используем следующие термины: «темпоральная конъюнкция «и затем» (один процесс предшествует другому) и «темпоральная конъюнкция «и одновременно» (один процесс начался раньше другого, но в какой-то момент оба стали одновременными) [3, с. 49]. Эффектом прошедшего времени мы называем временной промежуток, возникающий между двумя завершёнными процессами в прошлом. В ходе исследования было проанализировано 1 200 фрагментов текстов корпуса китайского языка Пекинского университета языка и культуры [12] и электронной версии Большого китайско-русского словаря [13]. Выявлено 10 случаев создания эффекта прошедшего времени комбинацией полусуффиксов 过 (guo). В представленных ниже фрагментах ёгены 见 (‘видеть’), 跑 (‘бежать’), 宫外孕 (‘переносить внематочную беременность’), 做 (‘делать’), 治疗 (‘лечиться’), благодаря наличию полусуффиксов 过 (guo), содержат информацию о завершённости первого и второго процессов, которые происходили в прошлом. Ср.:

1) 我宫外孕过, 做过手术 (‘Я перенесла внематочную беременность, сделала операцию’) [12]. Один процесс в прошлом следует за другим (‘говорящая сперва перенесла внематочную беременность, потом сделала операцию’), тем самым указывая на темпоральную конъюнкцию «и затем».

2) 大部分神经症患者在医院治疗过, 做过药物治疗 (‘Большая часть пациентов-невротиков лечилась в больнице, проходила медикаментозное лечение’) [12]. Один процесс предшествует другому (‘сначала пациенты-невротики были госпитализированы, потом началось медикаментозное лечение’), но в какой-то момент оба процесса стали одновременными (‘пациенты лечились в больнице и проходили медикаментозное лечение’) – темпоральная конъюнкция «и одновременно».

3) 见过, 她从我面前跑过 (‘Я увидел, как она пробежала мимо’) [13]. Один процесс (‘я увидел’) следует за вторым (‘она пробежала мимо’) в прошлом: прежде, чем говорящий увидел ее, она уже бежала в течение некоторого времени, что демонстрирует темпоральную конъюнкцию «и затем».

Таким образом, в китайском языке комбинация полусуффиксов 过 (guo) является синтаксическим средством создания эффекта прошедшего времени. Сравнительно малое количество выявленных примеров объясняется тем, что наиболее часто используемыми средствами создания данного временного эффекта являются следующие: комбинация полусуффиксов 了 (le) и комбинация модальных частиц 了 (la).

ЛИТЕРАТУРА

1. Рейхенбах Г. Философия пространства и времени. М. : Прогресс, 1985. 344 с.
2. Гайденко П. П., Смирнов А. В., Лысенко В. Г. Время [Электронный ресурс]. URL: <https://gtmarket.ru/concepts/6947> (дата обращения: 14.11.2021).

3. Гордей А. Н. Принципы исчисления семантики предметных областей. Минск : БГУ, 1998. 156 с.
4. Гордей А. Н. Основания комбинаторной семантики // Слово и словарь : сб. науч. тр. по лексикографии / Гродн. гос. ун-т. Гродно, 2005. С. 32–35.
5. 孔颖达.毛诗正义. 卷一. 文档存取方式: <http://www.vipreading.com/novel-read-1016-10106.html>. 文档存取日: 14. 11. 2021.
6. Xunning Liu. 现代汉语词尾“了”的语法意义 / Liu Xunning. 1988. С. 3–6.
7. Солнцев В. М., Солнцева Н. В. Теоретическая грамматика китайского языка (проблемы морфологии). М. : Воен. ин-т, 1978. 150 с.
8. Xiao R., McEney R. Aspect in Mandarin Chinese: A Corpus-based Study. Amsterdam : J. Benjamins Publ., 2004. 305 с.
9. Hung-nin S. Ch. Practical Chinese grammar by Sze-Yun Liu and Li-lin Shihs. Hong Kong : The Chinese Univ. Press, 1976. 503 p.
10. Аошуан Тань. Проблемы скрытой грамматики. Синтаксис, семантика и прагматика языка изолирующего строя (на примере китайского языка) / Тань Аошуан. М. : Яз. славян. культуры, 2002. 896 с.
11. Гибкий П. В. Эффект временных отношений в китайском языке [Электронный ресурс] // Студент и наука (гуманитарный цикл) – 2022 : материалы междунар. студ. науч.-практ. конф. / Магнитогор. гос. техн. ун-т им. Г. И. Носова ; отв. ред. Е. А. Макаренко. Магнитогорск, 2022. С. 690–694. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48517640> (дата обращения: 24.04.2022).
12. BCC 语料库. 文档存取方式: <http://bcc.blcu.edu.cn/>. – 文档存取日: 14.11.2021.
13. БКРС [Электронный ресурс]. URL: <https://bkrs.info/> (дата обращения: 06.04.2022).

Гибкий Павел Валерьевич
магистрант, УО «Минский государственный лингвистический университет»

Pavel. V. Gibkij
MA student, Minsk State Linguistic University
pavel.gibkiy@bk.ru

УДК 811.133.1'36

Л. П. Казловская, Н. Н. Бартош
Минск, Беларусь

О ГРАММАТИЧЕСКИХ АНОМАЛИЯХ В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются особенности функционирования некоторых грамматических аномалий в современном французском языке. Описываются причины их возникновения, роль и место в системе языка, а также их коммуникативно-прагматическая специфика.

Ключевые слова: языковые аномалии, грамматические аномалии, морфология, синтаксис, языковая норма, нарушение, говорящий.

L. P. Kazlovskaya, N. N. Bartosh

Minsk, Belarus

ABOUT GRAMMATICAL ANOMALIES IN MODERN FRENCH

The article analyzes (considers) the peculiarities of functioning of some grammatical anomalies in the modern French language. The causes of their appearance, their role and place in the language system, as well as their communicative and pragmatic specificity are described.

Key words: *language anomalies, grammatical anomalies, morphology, syntax, language norm, violation of the norm, speaker.*

В последние десятилетия предметом многочисленных лингвистических исследований становятся различного рода нарушения языковой нормы, получившие название языковых аномалий. Внимание ученых привлекают, в первую очередь, намеренно допускаемые «некорректные» употребления языковых единиц в устной и письменной речи, которые оказываются функционально значимыми в определенной коммуникативной ситуации. Далеко не всегда ненормативное использование и сочетание языковых средств, приводящее к разрыву структурно-семантических связей между элементами высказывания, влечет за собой риски коммуникативных сбоев и неудач. Напротив, осознанное применение разнообразных отклонений от системных правил и закономерностей способно привести к «контекстуальному переосмыслению» отдельных компонентов высказывания и даже его полной «перекодировке», в результате чего сообщаемое приобретает дополнительные смыслы [1, с. 6].

Современные лингвисты не усматривают в аномалиях угрозу разрушения («деструкции») языковой системы. Более того, квалифицируя аномалии как «системообразующий фактор», их представляют скорее как созидательный и конструктивный феномен. Будучи семантически и прагматически насыщенными, авторские аномалии нередко становятся источником обогащения языковой системы, расширения ее границ и повышения ее «адаптивного потенциала» [2, с. 3, 296]. В этой связи языковые аномалии все чаще рассматриваются в русле лингвокреативности с точки зрения их эстетических, экспрессивных и выразительных возможностей. Исследователями отмечается, что аномалиям, как правило, свойственен развлекательный и игровой характер, благодаря чему они способны имплицитно доносить скрытую (порой сложную и нестандартную) информацию до адресата, обладающего достаточными языковыми компетенциями, чтобы понять, что это «нарочно так сказано» и имеет особый смысл.

В настоящее время предлагаются самые разнообразные классификации аномалий: намеренные и ненамеренные; авторские и экспериментальные; относительные и абсолютные; переосмысляемые и непереосмысляемые; индивидуальные и типичные; аномалии степени и аномалии тавтологии и др.

[3, 1]. Аномалии наблюдаются на всех уровнях языка – фонетическом, лексическом, грамматическом. Последние – предмет настоящего исследования – представляют собой «разного рода отклонения, связанные с аномальной вербализацией грамматических категорий, аномальным заполнением синтаксических позиций или нарушением синтаксических моделей и пр.» [2, с. 49].

Следует отметить, что во французском языке термин «аномалия» до сих пор используется в двух значениях. С одной стороны, об аномалиях говорят, когда речь идет о нарушениях существующих норм и правил: «En linguistique moderne, une phrase est dite anormale quand elle présente des divergences au regard des règles de la langue» [4, p. 37]. С другой стороны, в своем классическом понимании аномалия противопоставляется термину «аналогия» и фактически соответствует понятию «исключение из правил»: «tout emploi qui ne pouvait pas s'expliquer en faisant jouer une régularité d'un certain type» [Там же]. В современном французском языке термин «аномалия» продолжают использовать в отношении исторически сложившихся парадоксов и противоречий между однотипными формами, образованными по единому образцу, и, казалось бы, «нелогичными» формами, которые тем не менее остаются надежно закрепленными в языке. Ср., например, прилагательное м.р. *dissous* 'растворившийся, распустившийся' и его нестандартную («аномальную») форму ж.р. *dissoute*.

Грамматика любого языка – это сложная и устоявшаяся система, организованная, функционирующая и развивающаяся по строгим внутренним законам. Однако и эта упорядоченная система не обладает «абсолютной жесткостью». Когда «сохранение норм» становится «препятствием» для выражения «истинных чувств и состояний» [5, с. 18], она обнаруживает достаточную гибкость и подвижность, позволяя говорящему творчески использовать ресурсы морфологии и синтаксиса в соответствии с текущими коммуникативными потребностями и задачами. Выделение грамматических аномалий (морфологических и синтаксических) в отдельную группу представляется необходимым и целесообразным ввиду «особой функциональной значимости грамматического уровня в системе языка». Именно грамматика «отвечает за репрезентацию “операционной оболочки” мысли, облигаторных и потому наиболее релевантных обобщенных способов языковой категоризации мира» [2, с. 232]. В этой связи грамматические аномалии представляют собой чрезвычайно важный объект для исследований, позволяющий постичь глубинные механизмы «языковой девиации» и ее функциональной значимости в тексте.

Рассмотрим некоторые случаи отклонений от нормативных правил современной французской грамматики.

Как известно, одним из наиболее гибких грамматических инструментов, позволяющих говорящему выражать самый широкий спектр вторичных – прагматических – значений, по праву считается артикль, в особенности его нулевая форма. Так, в следующем примере известный французский поэт А. Мишо (H. Michaux) намеренно прибегает к нулевому артиклю перед

именем существительным *haine* ‘ненависть, злость’ для того, чтобы подчеркнуть остроту испытываемых им переживаний и тем самым привлечь внимание адресата:

1) *Il y a haine en moi, forte et de date ancienne...* ‘Во мне обитает сильная застарелая злость’ (пер. А. Поповой).

Нестандартное использование артикля является отличительной чертой эмоциональной французской речи. Например, в восклицаниях при первичном упоминании объекта или явления нередко используется определенный артикль вместо требуемого, согласно правилам грамматики, неопределенного артикля. Ср.:

2) *Oh la jolie poupée!* (G. Bouillier, *Le dossier M.*, Livre 2) ‘Ой, хорошенькая куколка!’;

3) *Oh la géniale arnaque!* (Там же) ‘Ох, гениальное жульничество!’

Подобное отклонение от стандартной грамматической нормы обуславливает экспрессивный характер высказывания. При этом определенный артикль выполняет выделительную (эмфатическую) функцию: внимание адресата «направляется» не только на называемый предмет, но и на его характеристики, послужившие причиной эмоциональной реакции говорящего (‘хорошенькая’, ‘гениальное’). Сказанное подтверждается возможностью замены определенного артикля прилагательным *quel* ‘какой’, предназначенным для усиления качественной оценки в восклицательных высказываниях. Ср.: *La géniale arnaque!* → *Quelle géniale arnaque!*

В сфере функционирования глагола в числе аномалий можно отметить намеренное использование говорящим некорректных временных форм. Это можно наблюдать, например, в песне «*Dès que le vent soufflera*» (‘Как только подует ветер’) известного исполнителя Renaud (Рено Сешан):

4) *Dès que le vent soufflera je repartira* (вместо *repartirai*)

Dès que les vents tourneront nous nous en allerons... (вместо *nous en irons*)

‘Как только подует ветер, я вновь уйду в море

Как только ветер сменит направление, мы отправимся в плавание’...

Как отмечает Ж.-Ф. Саблероль, подобным образом поэт и исполнитель как бы стремится сблизиться с максимальным числом своих слушателей (‘вступает с ними в сговор’: «*il crée ainsi une connivence*»), поэтому намеренно делает ошибку, свойственную детям или недостаточно грамотным людям [6, p. 39].

В иных случаях авторы вынужденно используют несуществующую глагольную форму ввиду дефектности глагольной парадигмы (при этом отказ от выбора глаголов-синонимов с полной парадигмой спряжения можно объяснить нежеланием нарушить общую стилистику повествования). Подобное можно, в частности, отметить на примере глагола *clore* ‘заканчивать, закрывать’, не имеющем в современном французском языке форм простого прошедшего времени *passé simple*. Например:

5) *Ils closirent leur repas, elle par une mousse au chocolat, lui par une tarte...* (R. Jorif, *Le Burelain*) ‘Они завершили обед, она – шоколадным муссом, он – пирогом’.

Встречаются также «аномальные» употребления глагольных наклонений. Например, современная французская грамматика запрещает некогда допустимое использование условного наклонения *Conditionnel* в придаточном условном предложении после союза *si* ‘если’. Однако после выхода на экраны в 1962 г. фильма «*La Guerre de boutons*» (‘Война пуговиц’) в обиход активно вошло аграмматичное выражение *si j’aurais su!* ‘если бы я знал!’ (правильная форма – *si j’avais su!*). Постепенно оно превратилось в устойчивую шутливую конструкцию, к которой прибегают в ситуациях, когда иронично сетуют на нечто, чего следовало бы избежать. Идея подобной аномалии была активно подхвачена носителями языка, и в настоящее время можно встретить множество ее вариантов и у авторитетных авторов, и в прессе, и в радио- и телепередачах.

Как уже отмечалось, ни система, ни языковая норма не обладают абсолютной стабильностью. Язык, чтобы быть совершенным орудием общения, должен позволять сказать все, даже то, для чего нет специального обозначения. Поэтому норма «расшатывается» и предлагает новые варианты. Прошедшее время условного наклонения после *si* вместо предпрошедшего времени индикатива (*plus-que-parfait*) помимо иронии может указывать на стремление говорящего точнее выразить свою мысль и подчеркнуть, что условие – это лишь предположение / гипотеза, которое могло бы иметь место в прошлом, например:

6) ... *si j’aurais eu la prudence, moi, de ne donner qu’un sou à la femme. Et qui sait, peut-être non ?* (J. Giono, *Angelo*) ‘... хватило бы у меня осторожности дать только один су этой женщине. Кто знает, возможно, нет?’;

а также выразить сожаление или указать на свое особое отношение к какому-либо факту действительности:

7) ... *elle en caressait la chaux écaillée en bredouillant: «Si j’aurais jamais cru...»* (H. Bazin, *Cri de la chouette*) ‘...она гладила отшелушившуюся известь и невнятно повторяла: Если бы я знала...’;

8) *Même si j’aurais aimé en savoir plus, je ne prolongeais pas le contact* (Ch. Angot, *Rendez-vous*). ‘Даже если бы мне захотелось узнать об этом больше, я бы не стал продолжать общение’.

Нарушения затрагивают и функционирование сослагательного наклонения *Subjonctif*. Достаточно часто в современном французском языке наблюдается его аграмматичное использование в придаточном предложении после безличной конструкции *il est probable* ‘вероятно’, где правила грамматики предписывают употребление изъявительного наклонения *Indicatif*. Можно предположить, что подобная «вольность» позволяет автору «преступить» ту тонкую грань, которая отличает «вероятное» от «возможного», и придать высказыванию более выраженный оттенок субъективности. Например:

9) *Il est probable que nous ayons partagé le désir de boire, l'un dans l'autre, jusqu'à plus soif* (H. Bianciotti, *Le Pas si lent de l'amour*). 'Вероятно, мы разделяли желание испить друг друга, чтобы утолить жажду...';

10) *...il est probable que vos parents aient préféré que vous passiez vos journées dans un autre quartier* (M. Lévy, *L'étrange voyage de Monsieur Daldry*). 'Вероятно, ваши родители предпочли бы, чтобы вы проводили дни в другом квартале'.

Не исключено также, что причиной отступления от правил в ряде случаев становится и банальный принцип аналогии с несинонимичной, но в некоторой степени созвучной конструкцией *il est possible que* 'возможно, что', которая всегда сопровождается придаточным предложением с предикатом в форме *Subjonctif*.

Обращают на себя внимание и некоторые случаи аномальной сочетаемости имени существительного с предлогом. Так, после глаголов *être* 'быть', *aller* 'идти' вместо нормативного предлога *chez* 'к, у' перед одушевленным именем существительным можно встретить предлог *à* 'в', используемый перед названиями объектов. Как правило, подобная аномалия встречается в устной разговорной речи перед названиями профессий, которые легко ассоциируются с соответствующим местом. В художественном тексте такое нарушение позволяет автору придать повествованию живой, непринужденный и неформальный характер. Ср.:

11) *Elle ne voulait pas me croire, elle ne voulait jamais aller au médecin* (M. Proust, *À la recherche du temps perdu*). 'Она не хотела мне верить, она никогда не хотела сходить к врачу'.

12) *Elle doit être au coiffeur, ou chez la manucure* (R. Fallet, *Le Triporteur*). 'Она, должно быть, у парикмахера или на маникюре'.

Приведем другие примеры аномального использования предлогов. Так, вслед за ставшими крылатыми фразами (*C'est la faute à Voltaire...* 'Это вина Вольтера', *C'est la faute à Rousseau...* 'Это вина Руссо') из песни Гавроша, персонажа известного романа В. Гюго, ненормативная конструкция *la faute à* нередко «конкурирует» с нормативной *la faute de*. Отметим, что Французская Академия не поощряет данное сочетание и относит его к разговорным, просторечным выражениям. Ср.:

13) *Je danse et je vomis, c'est la faute à Matou* (H. Guibert, *L'incognito*). 'Я танцую и меня тошнит, виноват Мату';

14) *C'est la faute à son père! dit Élie* (R. Sabatier, David et Olivier). 'В этом виноват его отец! – сказала Эли'.

Интересная тенденция наблюдается в последнее время и в употреблении каузального предлога *faute de* 'из-за отсутствия / неимения'. В современных французских средствах массовой информации встречаются примеры его использования вместо предложной конструкции *par la faute de* 'по вине', что, по-видимому, связано со стремлением авторов к лаконичности изложения, свойственной новостным текстам. Ср.:

15) *Faute de Covid-19, des spectateurs assistent au Chemin de Croix derrière les barrières de la place Saint-Pierre* (le Figaro, 03/04/2021). ‘Из-за Ковид-19 зрители наблюдают Крестный ход за ограждениями на площади Сэнт-Пьер’;

16) *Mondial 2021: Pas de spectateurs en Égypte faute de Covid-19* (интернет-издание www.sport.fr). ‘Чемпионат мира 2021: Нет зрителей в Египте из-за Ковид-19’.

Можно предположить, что в случае массового использования предлога *faute de* в новом значении последнее может постепенно закрепиться как один из допустимых вариантов. Отметим, что подобная эволюция имела место с конструкцией *en fait de*, которая помимо значений ‘что касается’ и ‘как, в качестве’ во второй половине прошлого века стала использоваться в значении ‘вместо’ [7]. Ср.:

17) *Un garçon de l'âge de Nicolas lança à celui-ci que c'était génial, et son père, qui avait fait le tour avec lui, adressa au père de Nicolas un petit sourire entendu, signifiant qu'en fait de génial c'était plutôt éprouvant* (E. Carrère, *La Classe de neige*). ‘Мальчик в возрасте Николя сказал ему, что это было гениально, а его отец, гуляющий с ним, посмотрел на отца Николя с красноречивой улыбкой, означающей, что вместо “гениально”, это было скорее утомительно’;

18) *Vous savez, pendant notre semaine à Martha's Vineyard, en fait de prétendre être avec une amie, elle avait tout simplement fugué* (J. Dicker, *La vérité sur l'affaire Harry Quebert*). ‘Вы знаете, во время нашего недельного пребывания в Мартас-Винъярд вместо того, чтобы утверждать, что она у подруги, она просто сбежала’.

Стремление к емкому и лаконичному изложению проявляется и в нарушениях синтаксического построения предложения. Так, вместо придаточного предложения во фразах можно встретить использование обособленных причастных оборотов и определений, не соотносящихся, как этого требуют правила грамматики, с подлежащим главного предложения [8]. При этом парадокс заключается в том, что адресат адекватно понимает смысл написанного благодаря предшествующему контексту или наличию в структуре предложения соответствующих дополнений. Ср.

19) *Adolescents, la défaite les avait étourdis; ils s'étaient désolés de ne plus respecter personne, ni leurs pères ni la meilleure armée du monde qui avait foutu le camp sans combattre*. (J.-P. Sartre, Paul Nizan) ‘Когда они были подростками, поражение их потрясло; они сокрушались, потеряв веру в кого бы то ни было, в своих отцов, в лучшую армию мира, которая сбежала с поля без боя’.

20) *Je me sentais claquer au vent comme une mâtûre. Creusé par le milieu, les yeux brûlés, les lèvres craquantes, ma peau se desséchait jusqu'à ne plus être mienne*. (A. Camus, *Noces*). ‘Я чувствовал, как трясусь от ветра, словно рангоутное дерево. Согнувшись пополам, с горящими глазами, потрескавшимися губами и кожей, которая сохла так, что я переставал ее чувствовать’.

Таким образом, грамматические аномалии, будучи результатом переосмысления устоявшихся языковых норм и закономерностей, имеют особую функциональную значимость в высказывании / тексте, позволяя говорящему не только передавать особые замыслы, чувства и переживания, но и определенным образом воздействовать на адресата. Существование и целенаправленное использование носителями языка различного рода «вольностей» в отношении правил морфологии и синтаксиса свидетельствуют о креативном потенциале французской грамматики и являются немаловажным фактором эволюции языковой системы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мурдускина О. В. Языковые аномалии как средство самоорганизации англоязычного дискурса: на материале художественных и публицистических текстов : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. Самара, 2011. 24 с.
2. Радбиль Т. Б. Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и другие : монография. М. : МПГУ, 2006. 320 с.
3. Апресян Ю. Д. Языковые аномалии: типы и функции // Res Philologica = Филологические исследования : памяти академика Г. В. Степанова (1919–1986). М., 1990. С. 50–71.
4. Grand dictionnaire Linguistique & Sciences du langage / J. Dubois [et al.]. Paris : Larousse, 2007. – 514 p.
5. Степанова А. Н. Очерки-размышления и цитации о прагмасинтаксисе французского языка: имя и его детерминативы. Минск : МГЛУ, 2000. 279 с.
6. Sablayrolles J.-F. Créativité lexicale en discours liée à l'existence de paradigmes [Electronic resource] // Signata. 2017. № 8. URL: <http://journals.openedition.org/signata/1345> (accessed: 20.10.21).
7. Lagae V. Evolution et diversification des emplois de la locution *en fait de* [Electronic resource] // Journal of French Language Studies. 2007. Vol. 17, iss. 3. P. 277–295. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/journal-of-french-language-studies/article/abs/evolution-et-diversification-des-emplois-de-la-locution-en-fait-de/AECAE15797BC953B13FC32F470CFB3EC> (accessed: 20.10.21).
8. Neveu F. «Anomalies» syntaxiques aux avant-postes de l'énoncé [Electronic resource] // Pratiques. 2015. № 167–168. URL: <http://journals.openedition.org/pratiques/2661> (accessed: 20.10.21).

Казловская Людмила Павловна

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры фонетики и грамматики французского языка
УО «Минский государственный лингвистический университет»

Бартош Наталья Николаевна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры фонетики и грамматики французского языка
УО «Минский государственный лингвистический университет»

Ludmila P. Kazlovskaya

PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor
of the Department of French Phonetics and Grammar
Grammar Department, Minsk State Linguistic University
ludmilak@tut.by

Natallia N. Bartosh

PhD in Philology, Associate Professor of the Department
of French Phonetics and Grammar Minsk State Linguistic University
belnata2011@gmail.com

УДК 811.112.2'36'37

Н. В. Куценко

Минск, Беларусь

ГАРМОНИЧНОЕ И КОНТРАСТИВНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ В ПРОЦЕССЕ ВЫРАЖЕНИЯ КОСВЕННЫХ ПОБУЖДЕНИЙ

В статье рассматриваются характерные черты гармоничного и контрастивного взаимодействия средств различных языковых уровней в процессе передачи директивного намерения посредством косвенных речевых актов директивного типа в немецком языке. Семантика директивных речевых актов формируется путем взаимодействия в структуре высказывания различных модальных планов: эпистемического, аксиологического и директивного. Различное сочетание языковых средств позволяет говорящему усилить либо ослабить отдельные виды модальности, точнее выразить интенцию, что в итоге сказывается на реализации его намерения.

К л ю ч е в ы е с л о в а: косвенные речевые акты, взаимодействие языковых средств, языковые уровни, гармоничное взаимодействие средств, контрастивное взаимодействие, директивность, настоятельность, эпистемическая модальность, аксиологическая модальность.

N. V. Kutsenko

Minsk, Belarus

HARMONIOUS AND CONTRASTIVE INTERACTION OF LINGUISTIC MEANS IN PROCESS OF INDIRECT ORDER EXPRESSION

The article is dedicated to typical features of harmonious and contrastive interaction of linguistic means of various linguistic levels in a process of directive intention communication by means of directive-type indirect speech acts in German. Semantics of directive speech acts is formed by interaction of different modal plans, primarily epistemological, axiological and directive ones, in the utterance structure. Different combinations of linguistic means allow the speaker either intensify or weaken separate modality types, or more specifically, to express an intention, which finally has an impact on intention implementation.

К e y w o r d s: indirect speech acts, interaction of linguistic means, linguistic levels, harmonious interaction of means, contrastive interaction, directivity, insistence, epistemic modality, axiological modality.

Взаимодействие языковых средств в высказывании давно привлекало к себе внимание исследователей (Е. И. Шендельс, Е. В. Зарецкая, М. Б. Лейтмане). Отмечается, что отношения между интонацией фразы и лексико-грамматическими средствами выражения определенного намерения могут быть однонаправленными (гармоничными) и разнонаправленными (контрастивными) [1, с. 111].

При гармоничном взаимодействии лексические, морфологические, синтаксические и просодические средства совместно выражают определенное намерение говорящего, не создавая противоречия в процессе интерпретации смысла высказывания. При разнонаправленном взаимодействии языковые средства используются для выражения значений, противоположных по своей семантике [2, л. 27].

Характер способов взаимодействия языковых средств представляет собой важную проблему при анализе директивных речевых актов. Такие высказывания предполагают оказание давления на собеседника, что может спровоцировать конфликт. В этой связи говорящий стремится выразить свое намерение максимально точно, а слушающий может прибегать к маркерам, смягчающим настоятельность высказывания и помогающим избежать конфликта.

Материалом для исследования послужили 120 высказываний директивного типа, содержащих различные маркеры однонаправленного и разнонаправленного взаимодействия средств различных уровней языка.

Анализ практического материала свидетельствует о том, что в большинстве случаев – 87 % примеров – в высказываниях наблюдается гармоничное взаимодействие языковых средств, когда последние «не препятствуют раскрытию семантики каждого из средств. Для полного понимания смысла равно необходимы и просодические, и лексико-грамматические средства» [1, с. 118]. Существенным представляется то, что это повышает помехоустойчивость устной речи, обеспечивает более точное понимание истинного смысла высказывания в осложненных условиях коммуникации. Так, в высказываниях с эпистемической модальностью различные оттенки предположения участвуют в формировании степени настоятельности высказывания. При выражении предположения гармоничные отношения языковых средств могут наблюдаться при включении в вопросительную структуру языковых маркеров *wahrscheinlich* ‘наверное’, *vielleicht* ‘может быть’ и др. (1/5 примеров с гармоничным взаимодействием языковых средств), например:

Kannst du mir vielleicht meinen Koffer mitbringen, damit ich rechtzeitig zum Bahnhof komme? ‘**Может быть** ты можешь принести мне мой чемодан, чтобы я вовремя успел на вокзал?’

Вопросительная структура выражает модальность предположения, неуверенность в возможности реализации действия, в данном случае вежливой просьбы. Модальная лексема *vielleicht* также выражает эпистемическую модальность неуверенности. Включение данной лексемы в вопросительную структуру позволяет усилить общую семантику синтаксической конструк-

ции. Говорящий смягчает давление на собеседника, поскольку просьба транслируется в вежливой форме. В данном примере наблюдается гармоничное взаимодействие семантики вопроса, лексического маркера, а также восходящей интонации фразы, свойственной структуре вопроса.

Гармоничное взаимодействие может наблюдаться в высказываниях с противоположным значением эпистемической модальности – при выражении уверенного предположения (1/9 примеров):

Du schaffst das bestimmt. Du kannst diesen Artikel übersetzen. Du kannst als Übersetzer arbeiten. Du hast doch 4 Jahre in Deutschland gewohnt. ‘Ты с этим точно справишься. Ты можешь перевести эту статью. Ты можешь работать переводчиком. Ты же 4 года жил в Германии.’

Говорящий использует повествовательную структуру с глаголом в изъявительном наклонении. В таких случаях «говорящий уверен в выполнении своей цели, не ожидает никаких возражений, заставляет исполнителя как бы видеть осуществление побуждения», – отмечала Е. И. Шендельс [3, с. 153]. Используемое в примере наречие *bestimmt* ‘точно, определенно’ также свидетельствует об отсутствии сомнений в возможности осуществления переводческой деятельности. Гармоничное взаимодействие синтаксической структуры повествования, категории наклонения – индикатива, а также лексической семантики наречия *bestimmt* позволяет адресанту реализовать совет высокой степени категоричности, что также достигается посредством усиления эпистемической модальности.

Кроме эпистемической модальности в косвенных высказываниях с семантикой побуждения нередко присутствует аксиологическая модальность – выражение оценки действий собеседника, например:

Warum isst du so viele Süßigkeiten? Das ist ungesund. ‘Почему ты ешь так много сладкого? Это плохо для здоровья.’

Аксиологическая модальность играет большую роль в косвенных побуждениях, так как оценка может становиться логической основой для вывода истинного намерения говорящего – побуждения изменить поведение. В данном высказывании говорящий с помощью лексики осуждает употребление большого количества сладостей (*zu viele Süßigkeiten*). Второе предложение уже содержит оценку, скрытую в повествовательной структуре (*Das ist ungesund*). Интонационное оформление высказывания, свойственное повествованию, также включает некоторую категоричность побуждения. Гармоничное взаимодействие языковых средств – лексического, фонетического и грамматического – обеспечивает функционирование косвенного совета ограничить употребление сладкого.

Кроме гармоничного взаимодействия языковых средств в исследуемом материале встречаются также случаи их контрастивного контакта (13 %). В таких примерах в рамках одного высказывания используются средства, семантика которых выражает значения, противоположные по смыслу:

Wenn Sie so nett wären und alle Informationen mitteilen würden, dann könnten wir uns die Sache anders überlegen und Sie aus dem Gefängnis freilassen. Sie verstehen ganz gut, was in anderem Fall passiert. ‘Если бы Вы были так

любезны и предоставили всю информацию, мы тогда могли бы по-другому посмотреть на ситуацию и освободить Вас из тюрьмы. Вы очень хорошо понимаете, что будет в ином случае’.

В данном примере вежливость фразы, экспликации которой служат оформление высказывания в форме придаточного предложения условия и формы сослагательного наклонения, резко контрастирует с семантикой последующей фразы. Лексически в высказывании вначале выражается обещание положительного решения проблемы об освобождении из тюрьмы. Однако далее говорящий указывает на негативные последствия отказа предоставить информацию, вследствие чего высказывание становится угрозой, содержащей скрытое категоричное требование сообщить необходимые сведения. Подчеркнутая вежливость начала фразы, взаимодействуя с семантикой последующей фразы, приобретает в таком контексте характер издевки.

Проведенное исследование позволяет заключить, что в процессе реализации косвенных побуждений в немецком языке в большинстве случаев используется гармоничное взаимодействие языковых средств. Лексико-грамматические и интонационные средства позволяют выразить различные коммуникативные намерения либо оценки, формируя высказывания различной степени настоятельности. Этой цели служат, прежде всего, лексические маркеры уверенности или сомнения в возможности совершения тех или иных действий. Случаи контрастивного взаимодействия языковых средств встречаются реже, что обусловлено стремлением коммуникантов к избежанию конфликтов в повседневной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зарецкая Е. В. Взаимодействие языковых средств при выражении субъективной модальности в немецком языке // Труды ученых лингвистических вузов / Мин. гос. лингвист. ун-т ; Пятиг. гос. лингвист. ун-т. Минск, 2001. С. 110–120.
2. Лейтане М. Б. Роль фонетических средств в выражении модального значения настоятельности: экспериментально-фонетическое исследование на материале немецкого языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. Минск, 1988. 220 л.
3. Шендельс Е. И. Многозначность и синонимия в грамматике: на материале глагольных форм современного немецкого языка. М. : Высш. шк., 1970. 204 с.

Надежда Владимировна Куценко

кандидат филологических наук, доцент кафедры второго иностранного языка (немецкий)
УО «Минский государственный лингвистический университет»

Nadzieya V. Kutsenko

PhD in Philology, Associate Professor of the
of the Department of Second Foreign Language (German)
Minsk State Linguistic University
nwkutsenko@gmail.com

Е. А. Кучугурная, Д. В. Бондарук
Минск, Беларусь

**ВАРИАТИВНОСТЬ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ,
ВЫРАЖАЮЩИХ НЕСОГЛАСИЕ,
В ИСПАНОЯЗЫЧНОЙ РАЗГОВОРНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

В статье рассматриваются синтаксические фразеологизированные конструкции, используемые для выражения речевых актов несогласия в испаноязычной разговорной коммуникации. Выявляются фиксированные, условно вариативные и вариативные компоненты данных конструкций.

Ключевые слова: несогласие, синтаксическая конструкция, речевой акт, вариативность, испаноязычная разговорная коммуникация.

A. A. Kuchuhurnaya, D. V. Bandaruk
Minsk, Belarus

**VARIABILITY OF SYNTAX CONSTRUCTIONS EXPRESSING
DISAGREEMENT IN SPANISH CONVERSATIONAL DISCOURSE**

The research focuses on syntax constructions expressing disagreement in Spanish conversational discourse. The article describes fixed, variable and conditionally variable components of such constructions.

Key words: disagreement, syntax construction, speech act, variability, Spanish conversational discourse

Многочисленные исследования разговорной речи убедительно продемонстрировали, что даже спонтанная, плохо упорядоченная и эмоциональная речь строится по определенным синтаксическим моделям, входящим в языковую компетенцию носителя языка. «Говорящий (или пишущий) не творит всё, что он говорит (или пишет), каждый раз заново, а пользуется какими-то элементами, уже знакомыми ему (и его собеседнику или читателю), содержащимися в его памяти, черпает их оттуда и даже комбинирует каждый раз по каким-то уже имеющимся шаблонам» [1, с. 61]. При этом в разговорном диалоге выявляется широкий круг синтаксических построений, коррелирующих с определенными типами речевых актов. Речь идет о так называемых фразеологизованных синтаксических моделях (синтаксических фраземах, фразеосхемах, конструкциях «малого синтаксиса»), «некоторые элементы которых заданы позиционно и лексически, в том числе местоименными или неполнозначными словами» [2, с. 226]. Так, в испанском языке выделяется ряд конструкций, используемых для выражения речевого акта несогласия, которые, с одной стороны, характеризуются устойчивой структурой и наличием характерных служебных элементов, а с другой, обладают разной степенью вариативности наполняющих данные конструкции лексических единиц.

В нашей работе мы обратились к анализу синтаксической конструкции *Qué... ni qué...*, используемой для выражения несогласия в испаноязычной разговорной коммуникации. Данная конструкция является не только одной из наиболее частотных, но и обнаруживает широкий спектр вариативности составляющих ее лексических компонентов. Фиксированными в данной конструкции являются порядок следования составляющих ее элементов, а также служебные единицы. Что касается нефиксированных, то в составе указанной конструкции выделяются как вариативные, так и условно вариативные компоненты. К первым относятся единицы, возникающие в каждом конкретном случае и зависящие от предыдущего контекста, но не предопределяемые самой конструкцией. Ко вторым – элементы, вариативность использования которых ограничена определенным набором лексических единиц, допустимых в рамках данной конструкции.

В зависимости от наличия свободных и/или условно вариативных компонентов рассматриваемая конструкция может иметь следующие варианты:

1. Одним из наиболее частотных является вариант *qué + Y + ni qué + X*, где *Y* – компонент, представляющий собой повтор слова или словосочетания из предыдущего контекста, а *X* – условно вариативный компонент, который может быть выражен следующими существительными и субстантивными словосочетаниями: *alforja, calabazas, caracoles, carajo, cipote* (Ам.), *cojones, cuerno, coño, demonio, diablos, diante, gaitas, historias, india envuelta, chingada, leches, mierda, niño muerto, narices, ocho cuartos, pan caliente* (Ам.), *peinetas, pollas, puñetas*¹: *Tú no puedes. Estás tomando antibióticos. – Qué antibióticos ni qué niño muerto – dijo él dando una palmada enérgica en la almohada* [3]. ‘Ты не можешь. Ты принимаешь антибиотики. – Какие к черту антибиотики, – сказал он, энергично ударив по подушке’; *Me acuerdo que los organizadores nos querían llevar a Disneylandia a ver al pato Donald. – Qué Disneylandia ni qué la chingada* [4]. ‘Я помню, что организаторы хотели отвезти нас в Диснейленд к Дональду Даку. – Какой к черту Диснейленд’.

Перечисленные выше слова и словосочетания представляют собой либо традиционные формулы (*niño muerto* ‘мертвый ребенок’, *pan caliente* ‘горячий хлеб’, *alforja* ‘сумка’ и т.д.), либо грубые, жаргонные единицы (*carajo, cojones, coño, chingada* и т.д.). Конструкции с данными единицами зафиксированы во фразеологических словарях [5; 6], при этом как происхождение ряда из них (например, *qué ... ni qué niño muerto*), так и их связь с семантикой несогласия объяснить довольно сложно.

Помимо имен существительных и субстантивных сочетаний в рассматриваемой конструкции в качестве условно вариативного компонента часто используется отрицательное местоимение *nada* ‘ничего’: *Con calma, con calma, no te adelantes, espera... – Qué esperar ni qué nada. ¿Te acuerdas del*

¹ Зд. и далее языковые единицы, представленные без перевода, не имеют нормативных литературных эквивалентов в русском языке.

dibujo de la muchacha? [7]. ‘Спокойно, спокойно, не забегай вперед, подожди... – **Какое там подожди.** Ты помнишь рисунок девушки?’; *Calla...* – ***Qué calla ni qué nada*** [8]. ‘Замолчи... – **Прямо взяла и замолчала**’.

Из рассматриваемых вариантов одним из наиболее частотных является *qué...ni qué niño muerto*. Интересно, что хотя само словосочетание *niño muerto* относится к устойчивым единицам, нами были выявлены случаи варьирования существительного в данном сочетании. Так, в следующем примере вместо существительного *niño* ‘ребенок’ используется существительное *perro* ‘собака’: – *¿No te acuerdas de la fiesta en el Pedagógico?* – ***¡Qué fiesta ni qué perro muerto, Tomás; nunca he estado en una fiesta del Pedagógico!*** [9]. ‘Разве ты не помнишь вечеринку в Педагогическом? – **Какая к черту вечеринка, Томас; я никогда не был на празднике в Педагогическом!**’.

2. Рассмотренная выше конструкция часто используется в сокращенном виде, где элемент, обозначенный символом X, не выражен эксплицитно: ***Qué + Y + ni qué...*** Наличие данного неполного варианта свидетельствует о высокой частотности употребления и об узнаваемости данной конструкции носителями языка: *Si trae una orden de detención, primero tendrá que hablar con el señor obispo.* – *¿Pero qué obispo, ni qué...? Ni yo soy de la policía ni he venido a detener a nadie. Sólo quiero que me explique quién es usted y lo que hace aquí* [10]. ‘Если вы принесете ордер на арест, вам сначала нужно будет поговорить с епископом. – **Ну с каким еще епископом...?** Я не из полиции и никого не собираюсь арестовывать. Я просто хочу, чтобы Вы объяснили мне, кто Вы и что Вы здесь делаете’.

3. Анализируемая нами конструкция может наполняться и двумя свободными компонентами, т.е. словами из предыдущей реплики собеседника: ***qué + Y1 + ni qué + Y2***, где Y1 и Y2 – компоненты из предыдущего контекста: *¿Y quién te ha dicho a ti que voy a salir?* – *¿Y el abrigo y el bolso, qué?* – ***¿Qué abrigo ni qué bolso?*** [11]. ‘А кто тебе сказал, что я уйду? – А как насчет пальто и сумки? – Где ты видишь **пальто и сумку?**’

4. В конструкции, выражающей несогласие, возможно повторение как двух разных слов из реплики собеседника (см. пример выше), так и дублирование одного и того же слова. Таким образом, еще одним вариантом анализируемой конструкции можно считать следующий: ***qué + Y + ni qué + Y***, где Y – повторяющийся компонент из предыдущей реплики: *¡Ándale, Enrique! Vamos a hacer tú y yo nuestra fiesta.* – *¡No, hombre! Qué fiesta ni qué fiesta* [12]. ‘Давай, Энрике! Давай ты и я устроим наш собственный **праздник.** – Да ну тебя с твоим **праздником!**’; *Porque es ruso.* – ***¿Qué ruso ni qué ruso! Ahora es español*** [13]. ‘Потому что он **русский.** – **Какой русский!** Сейчас он испанец’.

5. Весьма интересной разновидностью анализируемой конструкции является вариант ***qué + Y + ni qué + Z***, где Y – компонент из предыдущей реплики, а Z – компонент, обусловленный и тесно взаимосвязанный с Y. Так, компонент Z может быть представлен:

– существительным / прилагательным противоположного рода по отношению к Y (в отличие от русского, в испанском языке существует только два рода: женский и мужской): *¡Ahí va el cojo! – gritó Vidal. Pero, otra vez, el tren de los patinadores se interpuso en su visión. – ¡Qué cojo, ni qué coja! – dijo Linaza [14]. ‘Вон хромо́й! – крикнул Видадь. – Ни хромого, ни хромо́й не вижу! – сказал Линаса’;*

– антонимом Y: *¡Ay! Demonio, apártate. – Pero, ¿qué demonio ni qué santo? Ya pasó todo. ¡Te digo que ya pasó todo! [15]. ‘Ой, дьявол, отойди. – Какой (еще) дьявол? Все закончилось. Говорю тебе, все закончилось!’.*

Довольно интересен следующий пример, в котором в анализируемой нами конструкции в качестве компонента Y представлена метафора *sueño americano* ‘американская мечта’, а компонент Z выражен антонимичной метафорой *pesadilla cubana* ‘кубинский кошмар’¹: *Y por la boca desdentada de Lázaro sale el rollo completo de la lancha de Juan. Que la embarcación ya está lista y que el Mucho piensa salir en un par de semanas. Que si vale quinientos dólares el tratar de tocar, aunque sea con la punta de un dedo, el sueño americano. – ¿Qué sueño americano ni qué pesadilla cubana? – se ríe Orfeo, aunque no tiene ganas de reír–. ¿De dónde voy a sacar ese dinero cuando no me quedan ni cien tristes pesos en el bolsillo? [16]. ‘И беззубым ртом Лазаро начинает свой нудный рассказ о лодке Хуана. Что лодка уже готова, и Мучо планирует уехать через пару недель. И что нужно всего пятьсот долларов, чтобы попытаться прикоснуться хотя бы кончиком пальца к американской мечте. – Какая к черту американская мечта? – Смеется Орфей, хотя смеяться ему совсем не хочется. – Где я возьму эти деньги, если у меня в кармане нет даже жалкой сотни песо?’*

6. Помимо рассмотренных выше, в проанализированном материале нами были зафиксированы усложненные конструкции, представляющие собой комбинацию нескольких типов, например, *qué + Y1 + ni qué + Y1 + ni qué + Y2*, где Y1 и Y2 – элементы из предыдущего контекста, первый из которых дублируется: *A ver, cuéntame qué te dijo, qué cuento te echó, cómo te va a embaucar. – ¡Qué embaucar ni qué embaucar ni qué cuentos! ¿Me vas a dejar hablar?, ¿sí o no? [17]. ‘Давай, расскажи мне, что за сказку он тебе рассказал, как он собирается тебя одурачить. – Меня никакими сказками не одурачить! Ты дашь мне сказать? Да или нет?’.*

Таким образом, в результате проведенного исследования нами были выявлены шесть вариантов конструкции *Qué... ni qué...*, широко используемой в испаноязычной разговорной коммуникации для выражения речевого акта несогласия. Фиксированным в данной конструкции является порядок следования компонентов, а также служебные единицы. Среди нефиксированных компонентов выделяются вариативные (зависящие от предыдущего контекста и не предопределяемые самой конструкцией) и условно вариативные (представляющие собой ограниченный набор лексических единиц, допустимый в рамках данной конструкции).

¹ В испанском языке слово *sueño* означает также ‘сон’ с положительной коннотацией в отличие от слова *pesadilla* ‘кошмар’.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кузнецов П. С. О языке и речи // Вестник Московского университета. Сер. 7, Филология, журналистика. 1961. № 4. С. 59–65.
2. Норман Б. Ю. Стереотипные реплики на службе у стандартных речевых актов // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2016. Вып. 14. С. 222–236.
3. Benavides J. E. El año que rompí contigo. Madrid : Alfaguara, 2003. 344 p.
4. Mendoza É. El amante de Janis Joplin. Barcelona : Tusquets, 2001. 248 p.
5. Buitrago A. Diccionario de dichos y frases hechas : 5000 dichos y frases hechas diferentes y 3000 variantes de los mismos. Madrid : Espasa, 2012. 996 с.
6. Испанско-русский фразеологический: 30 000 фразеологических единиц. М. : Рус. яз., 1985. 1080 с.
7. Sánchez Delgado E. Al sur del siglo. Managua : Centro Nicaragüense de Escritores, 2002. 150 p.
8. Ramírez de Haro Valdés Í. Tu arma contra la celulitis rebelde. Madrid : UNED, 2005. 120 p.
9. Domínguez Vial L. «Ahora último. No somos nosotros». El pianista que mandan llamar. Santiago de Chile : RIL Editores, 2003. 240 p.
10. Herrera Santos E. Un cero a la izquierda: comedia en dos actos. Madrid : Vassallo de Mumbert, 1978. 134 p.
11. Sanchís Sinisterra J. El cerco de Leningrado (Historia sin final). Madrid : SGAE, 1995. 60 p.
12. Iglesias H. «El transformista. Obra en dos actos». Santiago de Querétaro : Q Fondo Editorial, 2002. 75 p.
13. Freixas Revuelta L. A mí no me iba a pasar: una autobiografía con perspectiva de género. Barcelona : Penguin Random House, 2019. 336 p.
14. Aparicio J. P. Retratos de ambigü. Barcelona : Destino, 1989. 261 p.
15. Lázaro M. Humo de beleño. Madrid : Segunda época, 1986. 35 p.
16. Dovalpage T. Orfeo en el Caribe. Madrid : Atmósfera Literaria, 2013. 138 p.
17. Franco J. Paraíso Travel. Bogotá : Planeta Colombiana, 2001. 242 p.

Елена Анатольевна Кучугурная

кандидат филологических наук, доцент,

зав.кафедрой фонетики и грамматики испанского языка

УО «Минский государственный лингвистический университет»

Дарья Витальевна Бондарук

студент, УО «Минский государственный лингвистический университет»

Alena A. Kuchuhurnaya

PhD in Philology, Associate Professor, Head of the Department

of Spanish Phonetics and Grammar

elena1180@yandex.ru

Darya V. Bandaruk

Student, Minsk State Linguistic University

bondarukdasha@gmail.com

Е. С. Ляшенко
Минск, Беларусь

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ СИНТАКСИЧЕСКИХ АНОМАЛИЙ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматривается понятие языковых аномалий как отступлений от канонического употребления языковых средств, в котором находит свое воплощение креативный потенциал языка. Устанавливаются и перечисляются типовые модели синтаксических аномалий в английском языке. Синтаксические нарушения проявляются как нарушения структуры предложения или как аномальная репрезентация семантико-синтаксических позиций.

Ключевые слова: языковая аномалия, норма, нарушение, синтаксический уровень, предложение.

Ye. S. Lyashenko
Minsk, Belarus

FUNCTIONING OF SYNTACTIC ANOMALIES IN ENGLISH

The article considers the concept of language anomalies as deviations from the canonical use of linguistic means, in which the creative potential of the language is embodied. Typical models of syntactic anomalies in English are established and listed. Syntactic violations are manifested as violations of the sentence structure or as an abnormal representation of semantic and syntactic positions.

Key words: language anomaly, norm, violation, syntactic level, sentence.

На всем протяжении развития науки о языке значительный теоретический и практический интерес для лингвистов представляла проблема аномальности, понимаемой в широком смысле как «любое значимое отклонение от принятых в данной социальной, культурной и языковой среде стандартов, которое имеет знаковый, т.е. языковой характер манифестации, но не обязательно системно-языковую природу» [1, с. 3]. Пристальное внимание к феномену языковой аномальности можно объяснить тем, что изучение нарушений и отклонений от известных нам или интуитивно ощущаемых закономерностей функционирования языка позволяет глубже понять как природу самого объекта, так и уровень нашего знания о нем. В этой связи особый смысл приобретает высказывание Н. Д. Арутюновой о том, что «человек воспринимает мир избирательно и прежде всего замечает аномальные явления, поскольку они всегда отделены от среды обитания» [2, с. 61]. Следует отметить, что аномальным оказывается явление не само по себе, а касательно тех или иных законов. В науке к аномальным нередко принадлежат явления, противоречащие описанию, которое предложил исследователь, т.е. сформулированной им системе правил [3, с. 437]. В приведенном выше утверждении Н. Д. Арутюновой четко прослеживается фактор челове-

ка, вне которого язык не может существовать. Невозможность изучения языка в отрыве от человека уподобляется В. А. Звегинцевым невозможности создания независимой от человека медицины [4, с. 147].

Как известно, вопросы соотношения нормы и отступлений от нее берут свое начало от античных споров об аномалии и аналогии, а результаты этих дискуссий нашли отражение в грамматиках языка, где наряду с правилами (аналогиями) заняли свое место и исключения из правил (аномалии). Позднее само понятие *аномалия* претерпело изменения. Сегодня многие лингвисты, говоря о языковых аномалиях, понимают при этом различные отступления от нормы на уровне формы, сочетаемости языковых единиц различных уровней, которые могут носить как непреднамеренный, так и преднамеренный характер. Особое внимание при этом уделяется преднамеренным отступлениям от нормы, которые приводят к повышению информативной насыщенности содержания, т.е. приносят новые смыслы, повышают экспрессивность избранной языковой формы, становятся стилистическим приемом [5, с. 123]. По мнению Т. В. Бульгиной и А. Д. Шмелева, «... в отличие от законов природы, языковые правила в некотором смысле сами предусматривают возможность их нарушения – по недосмотру или с какими-то специальными целями» [3, с. 439].

В силу объективной сложности и неоднозначности данного явления, вопрос о типологии языковых аномалий до сих пор остается открытым и дискуссионным. Различные подходы к классификации аномалий, с одной стороны, целиком определяются объемом и содержанием самого понятия языковой аномальности, а с другой, характером критерия, лежащего в основе той или иной классификации [1, с. 18].

Некоторые наиболее значимые основания для возможной классификации аномалий обобщаются в работе Ю. Д. Апресяна «Языковые аномалии: типы и функции»:

- 1) уровневые аномалии (фонетические, морфологические, синтаксические, семантические, прагматические и др.);
- 2) аномалии степени (совсем неправильно, неправильно, не вполне правильно и т. п.);
- 3) намеренные аномалии – ненамеренные аномалии;
- 4) аномалии, возникающие в результате тавтологии – аномалии, возникающие в результате противоречия [6, с. 50].

В фокусе нашего внимания находятся уровневые аномалии, в частности синтаксические, и их функционирование в английском языке.

Синтаксические аномалии рассматриваются как синтаксические нарушения сочетаемости. Данные нарушения могут проявляться как нарушения синтаксической модели предложения или как аномальная репрезентация синтаксических позиций. Поскольку глагол-предикат признается структурным и семантическим центром всего предложения (вербоцентрический подход к определению доминанты предложения), то при нарушении нормативных отношений предиката с его актантами (номинативными эле-

ментами) и сирконстантами происходит изменение семантической конфигурации предложения и, как следствие, изменение смысла всего предложения и модификация системных значений составляющих предложение компонентов. Такие преобразования могут происходить внутри одной семантической группы – это внутривидовые модификации (сужение, расширение, сдвиг) или между разными группами – это межвидовые перекодировки (например, перенос значения агентивов на локативы) [7, с. 16].

Вслед за О. В. Мурдускиной к наиболее распространенным в английском языке синтаксическим аномалиям можно отнести следующие типы:

1. **Нарушение субъектно-объектных отношений.** Согласно норме, типичная модель повествовательного английского предложения открывается подлежащим-субъектом. Дальнейшее синтаксическое развертывание английского предложения идет «от деятеля/источника/каузатора к объекту воздействия». Иными словами, структура предложения имеет вид «субъект–предикат–объект». В предложениях такого рода вербализуются как минимум два участника ситуации, а предикат при этом обозначает воздействие, оказываемое субъектом на объект. Следовательно, в позиции субъекта и объекта не могут находиться лексемы, обозначающие одного и того же деятеля. Однако встречаются случаи, когда семантический одушевленный субъект (агентив) совпадает с одушевленным объектом (пациентивом), выраженным объектным местоимением или существительным [7, с. 16]. В результате происходит переосмысление значения пациентива посредством внутривидовой перекодировки участников ситуации. Например:

(1) *I'd rather know **me** than rob **me*** (J. Carroll. *The Marriage of Sticks*) 'Я предпочел бы знать себя (дословно: 'меня'), чем грабить (дословно: 'грабить меня')'¹.

2. **Нарушение субъектно-предикатных отношений.** В английском языке, прежде всего, наблюдается нарушение согласования между субъектом и предикатом по числу [7, с. 17]. Согласно норме английской грамматики, в предложениях, в которых однородное подлежащее следует за сказуемым, глагол-предикат согласуется по числу с единицей, идущей первой, т.е. сразу за предикатом. При этом в предложении (2) сказуемое употребляется во множественном числе. В данном случае наблюдается внутривидовая модификация значения предиката, а именно, расширение его значения от предиката единственного числа к множественному. Ср.:

(2) *There **were** the cheese and apples, and now it was time to eat* (J. Carroll. *The Marriage of Sticks*) 'Там были сыр и яблоки, и теперь пришло время поесть'.

3. **Нарушение предикатно-объектных отношений.** Так, например, в предложении (3) языковая аномальность заключается в употреблении исключительно непереходного глагола *to disappear* 'исчезать' в сочетании с прямым дополнением.

¹ Здесь и далее перевод примеров наш – Е.С.

(3) *George scurried around uselessly looking for the dog. <...> Whoever disappeared **him** is playing with us.* (J. Carroll. *The Wooden Sea*) ‘Джордж метался вокруг в бесполезных поисках собаки. <...> Тот, кто ее похитил, играет с нами’.

В результате нетипичного использования глагола *disappear* в качестве переходного происходит внутривидовая трансформация значения предиката по типу сдвига от непереходного *исчезать* к переходному предикату *заставить исчезнуть, похитить*, что создает дополнительный контекстный смысл насильственного действия по отношению к собаке, которая исчезла из дома не по своей воле. А это, в свою очередь, имплицитно создает напряженную атмосферу надвигающейся опасности.

4. **Нарушение предикатно-обстоятельственных отношений.** Статальные предикаты, которые обозначают абстрактные отношения, психо-эмоциональные и ментальные состояния, обычно не употребляются с сирконстантами, выраженными наречиями или именами существительными в сочетании с различными предлогами. Они способствуют более обстоятельной и подробной языковой репрезентации и конкретизации действия, обозначаемого акциональными предикатами. При этом в предложении (4) статальный предикат сочетается с адвербиальным конкретизатором, что приводит к имплицитно выраженному чувству отчаяния девушки из-за смерти своего возлюбленного.

(4) *I had to ask a question he could never answer because he was dead. Dead everywhere. Dead here, dead in my life* (J. Carroll. *The Marriage of Sticks*) ‘Мне пришлось задать вопрос, на который он не мог ответить, потому что был мертв. Мертв везде. Мертв здесь, мертв в моей жизни’.

В этом случае происходит межкатегориальная трансформация по типу переноса локативов (везде, здесь, в моей жизни) в темпоратив (навсегда, окончательно) с целью экспрессивного описания ситуации [7, с. 17].

5. **Нарушение порядка слов в предложении.** Согласно фиксированному порядку слов в английском предложении, качественное наречие используется после предиката. При этом анализ языкового материала показал, что встречаются случаи препозитивного употребления наречия. Например, в предложении (5) наречие *immediately* ‘мгновенно, тотчас же’ как бы «замыкается» между частицей *to* и глаголом *kill*, что придает особый экспрессивный режим употреблению инфинитива *to kill* ‘убивать’ в данном контексте.

(5) *I should have said, he would not want to immediately kill the person who reached this island* (J. K. Rowling. *Harry Potter and the Half-Blood Prince*) ‘Я должен был сказать, что он не хотел бы мгновенно убивать человека, который добрался до этого острова’.

В заключение необходимо отметить, что для английского языка характерно ограниченное употребление синтаксических аномалий, поскольку он обладает весьма жесткой системой правил, и далеко не каждый автор рискует использовать аномальные конструкции в своей работе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Радбиль Т. Б. Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и другие [Электронный ресурс] : монография. М. : Флинта, 2012. 322 с. URL : <http://www.dslib.net/russkij-jazyk/jazykovye-anomalii-v-hudozhestvennom-tekste.html> (дата обращения: 15.11.2021).
2. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт. М. : Наука, 1988. 341 с.
3. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М. : Яз. рус. культуры, 1997. 576 с.
4. Звегинцев В. А. Мысли о лингвистике. М. : МГУ, 1996. 336 с.
5. Козлова Л. А. Языковые аномалии как средство реализации креативного потенциала языка и их функции в тексте // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2012. № 2 (18). С. 122–128.
6. Апресян Ю. Д. Языковые аномалии: типы и функции // Res Philologica = Филологические исследования. М., 1990. С. 50–71.
7. Мурдускина О. В. Языковые аномалии как средство самоорганизации англоязычного дискурса (на материале художественных и публицистических текстов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. Самара, 2011. 24 с.

Елена Станиславовна Ляшенко

кандидат филологических наук,
доцент кафедры истории и грамматики английского языка
УО «Минский государственный лингвистический университет»

Yelena S. Lyashenko

PhD in Philology, Associate Professor
of History and English Grammar Department
Minsk State Linguistic University
liolikl@list.ru

УДК 811.133.1'36'37

Н. И. Манько

Минск, Беларусь

СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРИЧАСТИЯ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена выявлению семантико-синтаксического потенциала причастия в простом предложении современного французского языка. Совмещая глагольные и адъективные свойства, причастие функционирует в качестве определения, обособленного определения, обстоятельного определения, а также предикатива и сказуемого. Простое предложение с причастием репрезентирует сложную ситуацию действительности.

Ключевые слова: *причастие, причастный оборот, полупредикативность, французский язык.*

N. I. Manko
Minsk, Belarus

SEMANTICO-PRAGMATIC POTENTIAL OF THE PARTICIPLE IN THE FRENCH LANGUAGE

The article deals with the semantic and syntactic potential of the participle in a simple sentence of the modern French language. Combining verbal and adjective characteristics, the participle functions as an attributive adjunct, an isolated adjunct, an adverbial adjunct, an attributive-predicative adjunct, a predicate. A simple sentence with a participle represents a complex situation of reality.

Key words: *participle, participial phrase, semi-predicativity, the French language.*

Причастие по праву является уникальной частью речи: совмещая свойства имени прилагательного и глагола, причастие выражает действие как атрибутивный признак субстанции [1, с. 395]. В простом предложении атрибутивный признак традиционно представлен **определением** (второстепенный член предложения, расположенный в постпозиции к определяемому) или **предикативом** (именная часть сказуемого, которая находится в постпозиции к связочному глаголу) [2, р. 23–24].

На выполнение причастием функции определения указывает возможность его трансформации в придаточное определительное предложение:

(1) *Une boîte posée sur la banquette arrière attira l'attention de Jonathan* 'Коробка, лежащая на заднем сидении автомобиля, привлекла внимание Джонатана' [3, р. 108]. → (1a) *Une boîte qui était posée sur la banquette arrière attira l'attention de Jonathan* 'Коробка, которая лежала на заднем сидении автомобиля, привлекла внимание Джонатана'.

Неопределенная детерминация имени в позиции подлежащего (*une boîte*) указывает на первичное восприятие предмета адресантом. Сообщая о том, что *какая-то* коробка привлекла внимание Джонатана, адресант дополнительно информирует адресата о местонахождении этой коробки – *лежащая на заднем сидении автомобиля*, что коммуникативной целью высказывания не является:

(1б) *Une boîte attira l'attention de Jonathan* 'Коробка привлекла внимание Джонатана'.

Поскольку связь определения с именем факультативна, определение может быть опущено и смысл высказывания существенно не изменится.

Предикатив является обязательным компонентом структуры предложения, и именно предикативное носителю атрибутивного признака является основанием для порождения высказывания как такового:

(2) *La vieille dame était étonnée* 'Пожилая женщина была удивлена' [3, р. 17].

Предикативное оформление соотношения атрибутивного признака и его носителя лежит в основе механизма репрезентации простым предложением некоторой ситуации действительности [4, л. 18–20]. В (2) – удивление пожилой женщины.

Вместе с тем предикативное отношение между подлежащим и сказуемым не является единственным способом выражения предикативности [Там же, л. 15]. В высказывании:

(3) *Une assistante entra, portant un plateau garni d'une lourde théière en argent* 'Вошла помощница, которая несла поднос с тяжелым серебряным чайником' [3, p. 86]

обособление причастия, которое «синтаксически и семантически является определением некоей сущности и образует адъективно-именное, номинативное по своей сущности сочетание слов» [5, с. 198], указывает на его предикативное употребление. При трансформации обособленного определения в самостоятельное высказывание категории предикативности (время, модальность, лицо) определяются по сказуемому предикативного ядра:

(3a) *Une assistante entra, elle portait un plateau garni d'une lourde théière en argent* 'Вошла помощница, она принесла поднос с тяжелым серебряным чайником'.

Предикативное отношение, возникающее между подлежащим предикативного ядра и обособленным определением вслед за В. Г. Гаком, В. Грабье, А. А. Камыниной и А. М. Пешковским, квалифицируем как полупредикативность. Важно отметить, что обособление определения обусловлено коммуникативной установкой адресанта – его стремлением указать на признак носителя в момент действия [1, с. 396]. В ситуации (3) коммуникативно значимо то, что в конференц-зал вошла помощница с тяжелым серебряным чайником. Информация, представленная причастием с зависимыми словами (так называемый причастный оборот), позволяет предугадать дальнейшее развитие событий: участники встречи будут пить чай.

В ситуации

(4) *Vivant dans la misère, Radskin vendait ses dessins au Covent Garden pour quelques sous* 'Живя в бедности, Радскин продавал свои рисунки в Ковент Гарден за копейки' [3, p. 120].

между действием (*vendre ses dessins au Covent Garden*) и признаком (*vivant dans la misère*) устанавливается причинно-следственное отношение, что позволяет говорить о реализации причастием функции **обособленного обстоятельственного определения**:

(4a) *Comme il vivait dans la misère, Radskin vendait ses dessins au Covent Garden pour quelques sous* 'Поскольку он жил в бедности, Радскин продавал свои рисунки в Ковент Гарден за копейки'.

Установление временных и причинно-следственных отношений между полупредикативной конструкцией и предикативным ядром предложения позволяет говорить не только о синтаксическом, но и о семантическом осложнении простого предложения. Семантически осложненное простое предложение репрезентирует сложную ситуацию действительности. Предикативное ядро формирует процессуальную ситуацию, в которой сообщается о действии субъекта, а полупредикативная конструкция указывает на еще одну, сопутствующую, ситуацию. При этом значимым для представления ситуации является «наложение» сопутствующей ситуации на основную.

В отличие от сложного предложения, в котором семантические и синтаксические отношения между главным и придаточным выражены эксплицитно, в простом предложении с причастием или причастным оборотом эти отношения нередко выражены имплицитно. Сравним высказывания:

(5) *Dès qu'il aurait terminé la lecture, il établirait une synthèse du contenu de tous les articles évoquant la fameuse vente organisée par Sir Edward* 'Как только он закончит читать, он подготовит обзор содержания всех статей, в которых писали об известном аукционе, организованном Сэром Эдвардом' [3, p. 155];

(6) *Ayant terminé la lecture, il établirait une synthèse du contenu de tous les articles évoquant la fameuse vente organisée par Sir Edward* 'Как только он закончит читать, он подготовит обзор содержания всех статей, в которых писали об известном аукционе, организованном Сэром Эдвардом'.

В высказывании (5) устанавливаются временные отношения между окончанием чтения (придаточное, вводимое союзом *dès que* 'как только') и созданием обзора содержания прочитанных статей (главное предложение). Употребление в придаточном предложении *Futur Antérieur dans le passé* (обозначает будущее действие, предшествующее другому будущему) позволяет считать высказывание (5) синтаксически и семантически эквивалентным высказыванию (6): причастие прошедшего времени (*Participe Passé Composé*) также выражает предшествование.

Следует отметить, что сложное высказывание (5) по праву называем полиситуативным: в нем сообщается о четырех ситуациях действительности: 1. Джонатан закончит читать; 2. Он подготовит обзор содержания всех прочитанных статей; 3. Статьи – об известном аукционе; 4. Аукцион организован Сэром Эдвардом. Оформление одних ситуаций предикативной конструкцией, а других – полупредикативной конструкцией позволяет разнообразить синтаксический рисунок предложения и передать максимальный объем информации минимальными языковыми средствами.

Наконец, причастие может выполнять в простом предложении функцию **сказуемого**:

(7) *Aussitôt le repas achevé, elle alla chercher dans l'entrée le paquet qu'elle avait apporté sous l'étole* 'Как только ужин закончился, она пошла в прихожую за свертком, который принесла под меховой накидкой' [3, p. 146]. → (7a) *Aussitôt que le repas fut achevé, elle alla chercher dans l'entrée le paquet qu'elle avait apporté sous l'étole* 'Как только ужин закончился, она пошла в прихожую за свертком, который принесла под меховой накидкой'.

В (7) между именем существительным *le repas* и соотносимым причастием *achevé* возникает вторичнопредикативное отношение, подобное отношению между подлежащим и сказуемым. Тем не менее это отношение неполноценно: категории времени и наклонения определяются по сказуемому предикативного ядра. Конструкция с причастием, которая имеет собственное подлежащее, отличное от подлежащего предикативного ядра, трактуется как абсолютный причастный оборот.

Итак, в простом предложении французского языка причастие выполняет функцию определения, обособленного определения, обособленного обстоятельственного определения, предикатива и сказуемого. В функции определения причастие не усложняет семантическую структуру простого предложения и не выражает ситуативно значимую информацию. Реализуясь как обособленное определение, обособленное обстоятельственное определение, предикатив и сказуемое, причастие выражает значимую для представления ситуации информацию. Обозначая признак носителя в момент действия, причастие или причастный оборот обуславливает семантическое усложнение простого предложения, репрезентирующего сложную ситуацию действительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка : учебник. М. : Добросвет, 2020. 832 с.
2. Riegel M. Verbes essentiellement ou occasionnellement attributifs // L'information grammaticale. 1981. № 10. P. 23–27.
3. Levy M. La prochaine fois. Paris : Robert Laffont, 2004. 288 p.
4. Манько Н. И. Семантико-прагматический потенциал моно- и полипропозиционного простого предложения во французском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05. Минск, 2018. 131 л.
5. Уфимцева А. А. Лексическое значение: принцип семиологического описания лексики М. : Едиториал УРСС, 2020. 240 с.

Наталья Игоревна Манько

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры фонетики и грамматики французского языка
УО «Минский государственный лингвистический университет»

Natallia I. Manko

PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department
of French Phonetics and Grammar, Minsk State Linguistic University
natalliamanko@yandex.ru

УДК 81'37

Д. М. Миронова
Курск, Россия

КООПЕРАТИВНОСТЬ И ЭМЕРДЖЕНТНОСТЬ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В СВЕТЕ ВТОРИЧНОГО ПОЗНАНИЯ МИРА

В статье проводится анализ интегративных свойств естественного языка как когнитивного феномена. К основным видам интегративности в осуществлении вторичной концептуализации и категоризации причисляются кооперативность и эмерджентность

языковых единиц. Устанавливаются предпосылки и некоторые проявления этих качеств системы языка в мыслительно-языковом взаимодействии. В фокус специального внимания помещаются семантические феномены как репрезентанты когнитивно обусловленной целостности языковой системы.

Ключевые слова: *вторичные когнитивные процессы, интегративные качества системы, целостность языковой системы, кооперация единиц языка, эмерджентность системы языка.*

D. M. Mironova

Kursk, Russia

COOPERATIVENESS AND EMERGENCE OF LINGUISTIC UNITS IN THE LIGHT OF SECONDARY COGNITION OF THE WORLD

The paper analyzes the integrative properties of natural language as a cognitive phenomenon. The main types of integrativity in the implementation of secondary conceptualization and categorization include cooperativeness and emergence of linguistic units. The author identifies the prerequisites and some manifestations of these qualities of the language system in thought-language interaction. Especial attention is paid to semantic phenomena as representatives of the cognitively determined integrity of the language.

Key words: *secondary cognitive processes, integrative properties of system, language integrativity, cooperation of language units, emergence of the language system.*

Целостность естественного языка как системного образования представляет одну из его сущностных характеристик. Данное свойство сближает систему языка с интегративными объектами другой природы и признаётся универсальным. Концептуальные основания языковой целостности рисуются как актуальный предмет исследования в рамках современной антропоцентрической парадигмы языкознания. Так, обогащение картины мира находит выражение в различных аспектах целостности языка, что определяется возрастанием общей интегративной сложности системы концептов, которые, с одной стороны, образуют между собой кооперативные связи. С другой стороны, важную роль играют когнитивные процессы, сопровождающие появление новых эмерджентных структур знания.

Рост интегративности составляет одну из сторон развития и вполне согласуется с положением синергетики о *гомеостатически ориентированной программе самоорганизации систем*, содействующей его устойчивому функционированию. С очевидностью можно отметить, что формирование новых структур знания на основе существующих расширяет возможности языкового конструирования мира. Вторичные языковые знаки, в свою очередь, складываются за счёт интерпретации говорящим первичных концептов, которая производится с участием механизма слияния концептуальных единиц, или концептуальной интеграции.

Целостность языка во вторичной концептуализации и категоризации действительности реализуется в виде кооперативной и эмерджентной интегративности его единиц. Со статической точки зрения кооперативная целостность вторичных номинантов охватывает подсистемы данных единиц,

структурно связанных парадигматическими, синтагматическими, иерархическими, а также эпидигматическими отношениями. В соответствии с *принципами специализации и кооперации подсистем* они дополняют друг друга, выполняя единую функцию – идентифицировать либо характеризовать познаваемые объекты, передавая вербальные интерпретации на уровне языковых значений или смыслов речи. Эти подсистемы (скажем, классы оценочных слов, варианты грамматических категорий, средства выражения отрицания) входят в языковую компетенцию говорящего и устанавливаются путём семантико-когнитивного анализа. В свою очередь, синтагматически связанные единицы «овнешняют» такой формат знания, где реализована когнитивная сопряжённость интерпретируемого и интерпретирующего знания.

Взаимообусловленность единиц языка при объективации вторичных мыслительных структур хорошо представлена и в плане межуровневых связей. Это может быть проиллюстрировано с обращением к закономерностям морфотактики, способным ограничивать, в том числе семантически, образование деривата как репрезентанта некоего вторичного концепта. В подобном случае источник накладываемых ограничений коренится в концептуально-логической конгруэнтности аффиксального значения и значения слова-мотиватора. Так, в русском литературном языке, к примеру, отсутствуют узуальные обозначения неполноты качества, мотивированные лексемами с положительной оценкой: **умноватый, *ласковатый* и другие подобные. В свою очередь, лексико-грамматическая межуровневая обусловленность прослеживается между грамматической категорией градации признака и лексическим значением качества, а также, например, в области вторичной концептуализации ситуаций: *приятный – приятнее – наимприятнейший, мало – меньше, эффективный – более эффективный – самый эффективный; Она веселится – Ей весело – У неё веселье*, где падежные формы субъекта в соотношении с лексической семантикой предиката маркируют активность / инактивность / функцию обладателя.

Когнитивно обусловленная кооперативная целостность элементов находит проявление на макроуровне, но, кроме того, и на уровне интеграции компонентов значения (на микроуровне), одни из которых репрезентируют первичное знание, то есть объект интерпретации, тогда как другие передают индивидуальное осмысление объекта. Такую интегративность находим, например, в сфере гибридных частей речи (причастий, деепричастий), а также номинализаций, семантика которых синтезирует элементы онтологически и грамматически различных категорий. Основу значений этих единиц составляет интерпретация одного аспекта мироздания (напр., действия, качества) сквозь призму другого (качества или вещиности). Кооперативность семантических компонентов, соотносимых с разными модусами когниции, находим в содержании оценочной лексики, которое, как известно, представляет собой единство гетерогенных аспектов более объективного исходного и более субъективного вторичного содержания (ср., к примеру, оценочную лексему *мещанство* – 2. перен. *‘Психология и идеология мещанина, характеризую-*

щиеся мелкими, ограниченными, собственническими интересами и узким идейным и общественным кругозором»; *‘Проявление такой психологии и идеологии в быту’* [1]).

В реальном познании развитие картины мира означает не только образование новых концептуальных единиц, но и их структурирование в мыслительные рубрики опыта, представленные в формате категорий. В языковой системе вторичные языковые категории, как и концепты, обнаруживают кооперативную и эмерджентную целостность. Так, лексические и грамматические категории совместно создают необходимое для коммуникации разнообразие интерпретационных смыслов. При этом создаётся возможность более гибко и ёмко транслировать новую единицу знания. Яркой иллюстрацией может послужить комплементарность граммем глагола и прилагательного, глагола и наречия, глагола / прилагательного и существительного в случае гибридных частей речи. В их семантике за счёт механизма поликатегоризации происходит кооперация интерпретирующих категорий, что реализуется на уровне синтеза концептов, стоящих за граммемами. В данном контексте уместно упомянуть и функционирование русских глагольных словоформ в связи между интерпретационными категориями наклонения, вида, времени, рода, лица и залога (ср. также сопряжённое функционирование категорий времени, эвиденциальности и лица у глаголов болгарского или якутского языков).

В области модусных категорий [2, с. 69–70] кооперативную целостность демонстрирует, кроме того, совместная актуализация категорий оценки и экспрессивности, когда последняя манифестируется в тесной связи с аксиологическими признаками [3, с. 22]. Обладая достаточно антропоцентричной, субъективной природой, указанные модусные категории, как правило, функционируют в ансамбле с более объективными категориями, лексическими (замечательные *цветы*, проверенный *метод*) или грамматическими (*She is a most beautiful girl*, *Мы по Европам не ездили!*).

Иной, эмерджентный, аспект целостности языковой семантики вполне согласуется с принципом *иерархичности холистических свойств системы в её функционировании и развитии*. Уточним, что этот принцип подразумевает относительную автономность задач и одновременно возрастающую «сложность вышестоящих уровней структуры» за счёт специфической «композиции свойств нижестоящих элементов» [4, с. 129–131]. Если говорить о влиянии концептуальной среды, то эмерджентность семантики определяется действием когнитивного механизма концептуальной интеграции, что является выражением ментальной креативности. Он заключается в «отображении» исходных концептуальных характеристик во вторичные и, следовательно, предполагает установление связей между первыми и вторыми в составе новообразованных элементов знания [5]. Комбинации избранных концептов сопутствует специфическое взаимодействие их характеристик: одни из них интенционально усиливаются, другие нивелируются, может модифицироваться и перспектива осмысления объекта и т.д. Это обуслови-

вает не суммативный, то есть эмерджентный характер результирующей ментальной единицы – бленда (от англ. *blend* ‘смешение, сплав’ [6]). Рассмотрим ряд примеров.

В отличие от метонимических значений / смыслов, образованных на базе одной ментальной области, фигуральные смыслы и значения более эмерджентны, так как они более открыты влиянию индивидуальной стороны когниции. Они фиксируют итог синтеза концептов, избираемых из тематически отдалённых мыслительных пространств. Интегративностью данного типа обладают разноуровневые единицы, которые своей семантикой передают интерпретации, основанные на концептах субъективного знания (т.н. модусных концептах [2, с. 69–70]). Корпус такого рода фигуральных единиц включает производные слова, образованные путём мутационной деривации (например, *подберёзовик, молниеносный, остолбенеть*), *сравнения и метафоры*, фразеологические единства (*Белый, как медицинский халат, умный, как энциклопедия, понятный, как день, нестись, как паровоз; тепло воспоминаний, говорливый ручеёк, полёт мысли; первый блин комом, два сапога пара, судьбы связаны, словно нити*). В случае эксплицитных сравнений элементы фонового знания вербализованы явно, что, очевидно, делает смысл этих оборотов более выводимым из составляющих и, как следствие, менее эмерджентным.

Другой вид эмерджентного приращения лежит в сфере оценочных смыслов, когда характеристики аксиологического концепта (основание оценки) сопрягаются с каким-либо признаком интерпретируемого концепта (аспект оценки). Наиболее уникальной и яркой выступает такая оценочность, которая приносится на ступенях развития или завершения бленда [7, с. 264–266]. Зачастую она реализуется в авторском употреблении: *лакомое чтение, ягоды со шрамом, устарелая система морщин, мягкий поэт, бледные апрельские улицы, озеро с необыкновенным выражением воды, солнечная секунда* (В. В. Набоков).

Рассматривая данный вид семантической целостности, обусловленный концептуально, следует обратить внимание и на процесс ментального блендинга, в котором при создании производного слова участвуют концепты различных лексических категорий. Наиболее эмерджентными здесь являются т.н. экзоцентрические композиты вроде *синеглазый, луноход, пустословить, сухогруз*, обладающие фразеологичностью, в структуре которых оба компонента обнаруживают иное категориальное членство по сравнению с целым словом. Переход слова в иную концептуальную категорию достигается за счёт достраивания нетривиального ономаσιологического предиката на основе инференций.

Эмерджентные концептуальные структуры в своём воплощении могут быть не только регулярными, но и нерегулярными, а то и единичными, реализуясь в однократном контекстуальном употреблении. В этой связи

Н. Н. Альбеков подчёркивает речевые истоки эмерджентных явлений в плане их порождения и декодирования, указывая на естественную динамичность и креативность речевых смыслов [8, с. 9].

Проведённый анализ позволяет заключить, что свойство интегративности языковой системы образует естественную связь с её когнитивной функцией и находит закономерное семантическое выражение. Запросы концептуальной системы представляют сильнейший фактор среды, усиливающий возможности языка в реализации его функции – означивать и передавать интерпретирующие смыслы. В приложении к модусам вторичного познания соответствующее качество проявляется по-разному. Суммируя, отметим существование в языке / речи субстанциональной кооперативности и эмерджентной интегративности интерпретирующих единиц. Кооперативная системная целостность предполагает взаимосвязь языковых репрезентаций, в совокупности передающих всё богатство интерпретаций окружающего мира, индивидуальных и социальных. Эмерджентный тип целостности наблюдается в области лексических, а также грамматических элементов, чья семантика складывается с участием механизма концептуальной интеграции. Данный механизм позволяет создавать уникальный и сложный единицы речемыслительной деятельности, которым свойственна природная не суммативная идентичность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Электронный ресурс]. М. : Рус. яз., 2000. URL: <http://www.efremova.info> (дата обращения: 20.11.2021).
2. Болдырев Н. Н. Категориальная система языка // Когнитивные исследования языка. М. ; Тамбов, 2012. Вып. 10 : Категоризация мира в языке. С. 17–120.
3. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М. : Наука, 1986. 141 с.
4. Honkela T., Hyvarinen A., Vayrynen J. Emergence of Linguistic features: Independent component analysis of context // Proceedings of the Ninth Neural Computation and Psychology Workshop (NCPW9), Progress in Neural Processing. Espoo, 2005. Vol. 16 : Modeling Language, Cognition and Action. P. 129–138.
5. Fauconnier G., Turner M. Blending As A Central Process of Grammar [Electronic resource]. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Blending-as-a-Central-Process-of-Grammar-Fauconnier-Turner/9a78371abbec2467f8275f5a8e188c9ab899bb60> (accessed: 18.11.2021).
6. Словарь «Мультитран» [Электронный ресурс]. URL : <https://www.multitran.com/m.exe?l1=2&l2=1&s=blend> (дата обращения: 21.11.2021).
7. Turner M. Backstage cognition in reason and choice // Elements of Reason : Cognition, Choice and the Bounds of Rationality. Cambridge, 2000. P. 264–286.

8. Альбеков Н. Н. Эмерджентность языковой системы как результат функционирования речевых единиц : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19. Грозный, 2020. 332 л.

Диана Михайловна Миронова
кандидат филологических наук,
доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики,
ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет»

Diana M. Mironova
PhD in Philology, Associate Professor of the Department
of the Theoretical and Applied Linguistics Southwest State University
mir-lina@yandex.ru

УДК 811.133.1'367

Ю. В. Овсейчик
Минск, Беларусь

СОЧИНИТЕЛЬНЫЙ СОЮЗ *ET* : ГАРМОНИЯ vs. АНОМАЛИЯ

В статье дифференцируется симметричный и асимметричный французский сочинительный союз *et* 'и' как средство номинации разнообразных отношений между ситуациями во внеязыковой действительности. Гармония асимметричного союза проявляется в обозначении иконической последовательности ситуаций во внеязыковой действительности. Для симметричного союза свойственны «аномальные» способы употребления, которые требуют декодирования связи за счет привлечения фоновых знаний говорящих.

Ключевые слова: *сочинительный союз et, симметричный союз, асимметричный союз, пресуппозиция.*

Y. V. Auseichyk
Minsk, Belarus

COORDINATOR *ET*: HARMONY vs. ANOMALY

The article differentiates the symmetrical and asymmetric coordinator *et* 'and' as a means of nominating various relationships between situations in extra-linguistic reality. The harmony of an asymmetric coordinator is manifested in the designation of the iconic sequence of situations in extra-linguistic reality. The symmetric coordinator is characterized by «anomalous» ways of use, which require decoding of the connection due to the involvement of the background knowledge of the speakers.

Key words: *French coordinator et, symmetrical coordinator, asymmetric coordinator, presupposition.*

Статья посвящена французскому сочинительному союзу *et* 'и', который традиционно определяется как формальный показатель «чистого сочинения» (фр. *pur lien*) [1, p. 1380] и квалифицируется как копулятивный, т.е. соединительный. Среди средств сочинительной связи союз *et* 'и', по образному

выражению Ж. Антуана, именуется «королем-тираном» [2, р. 704], поскольку он способен оформлять синтаксическую связь между частями сложного предложения или самостоятельными предложениями, выполняя роль не только «привилегированного показателя» [3, р. 498] логико-семантической операции конъюнкции¹, но и маркируя разнообразные отношения между ситуациями во внеязыковой действительности.

Основанием для соединения двух положений дел является интенция говорящего, который в результате когнитивной операции сопоставления внеязыковых ситуаций соединяет и упорядочивает их [3, р. 499]. В нашем понимании внеязыковая ситуация включает помимо содержания сообщения (предметы и связи между ними) отношение говорящего субъекта, основанное на глубинных связях между говорящим и его миром и влияющее на отбор внеязыкового содержания и языковых средств.

Принимая во внимание, что союзу *et* 'и' приписывается статус «la copule la plus banale de coordination ou de subordination» [5, р. 715], логично возникает вопрос о том, обеспечивает ли союз *et* согласованность, семантическую «гармонию» двух грамматически правильно оформленных частей предложения. Сказанное определяет цель статьи – выявление когнитивно-прагматического потенциала соединительного союза *et* 'и' при оформлении связи между двумя частями сложного предложения.

Для правильной интерпретации согласованности соединенных частей приведем пример канонической сочинительной конструкции с союзом *et* 'и'. Известно, что она соответствует следующим условиям: (а) сочиненные компоненты должны содержать лексически или референционно тождественные составляющие; (б) эти составляющие должны быть синтаксически однотипны и грамматически тождественны; (в) сочиненные компоненты должны допускать членение на синтаксически однотипные компоненты, следующие в одинаковом порядке (подробнее см. [6, с.161–192]). Всем этим условиям удовлетворяет структура [*Jean mange*] [*des pommes*] *et* [*Jean mange*] [*des poires*], в которой имеется лексически, синтаксически и грамматически тождественная составляющая *Jean mange* 'Жан ест'. Обе части предложения делятся на две составляющие (заключенные в скобки), причем как первые, так и вторые составляющие однотипны. Данная конструкция может быть подвергнута сокращению: *Jean mange des pommes et Jean-mange des poires*. Составляющие компоненты могут быть инвертированы, т.е. продемонстрировать обратимость: *Jean mange des pommes et Jean-mange des poires* → *Jean mange des poires et Jean-mange des pommes*.

В многочисленных исследованиях типология обозначаемых союзом *et* 'и' отношений варьируется в зависимости от содержания соединяемых им пропозиций, окружающего контекста, коммуникативного намерения говорящего и его знаний о мире. Разнообразие выделяемых отношений сводится к следующему: союз *et* 'и' оформляет отношения между внеязыковыми ситуациями, которые либо сосуществуют (отношение собственно соедине-

¹ В лексикографическом описании указывается на три основных обозначаемых данной единицей операции: *addition* 'сложение', *une jonction* 'соединение' и *rapprochement* 'сближение' [4].

ния, добавления или уточнения, отношения несоответствия¹ (примеры 1–2)), либо следуют друг за другом (отношение временного следования, так называемой последовательности, каузальные отношения (примеры 3–4)).

(1) *La table est bancale et la chaise est branlante* ‘Стол шатается, и стул шаткий’;

(2) *Marie mange une tartine et Fred chasse le daim* ‘Мари ест тост, и Фред охотится на оленя’;

(3) *La lune s’était cachée derrière un nuage, et il faisait plus sombre* ‘Луна скрылась за облаком, и стало темнее’;

(4) *La police est entrée dans la maison et tout le monde s’est tu* ‘Полиция вошла в дом, и все замолчали’;

Соответственно, при одновременно имеющих место ситуациях возможен инвертированный порядок следования сочиненных компонентов (примеры 1а–2а), в то время как иконическая последовательность ситуаций накладывает ограничения на обратимость сочиненных компонентов (примеры 3а–4а).

(1а) *La chaise est branlante et la table est bancale* ‘Стул шаткий, и стол шатается’;

(2а) *Fred chasse le daim et Marie mange une tartine* ‘Фред охотится на оленя, и Мари ест тост’;

(3а) **Il faisait plus sombre, et la lune s’était cachée derrière un nuage* ‘Стало темнее, и луна скрылась за облаком’;

(4а) **Tout le monde s’est tu et la police est entrée dans la maison.*

При обратимом порядке следования P_1 и P_2 (примеры 1, 2 и 1а, 2а) имеет место симметричное сочинение. При фиксированном порядке – асимметричное сочинение (примеры 3, 4).

Исходя из сущностной природы союза *et* ‘и’ соединять семантически независимые и зависимые части сложного предложения, лингвисты предлагают разграничивать симметричный (далее $et_{sym.}$) и асимметричный союз (далее $et_{asym.}$) следующим образом: либо признать два омонимичных союза $et_{sym.}$ и $et_{asym.}$, интерпретируя последний как сочетание «and + then» = «et puis, et alors» [7], либо трактовать союз $et_{asym.}$ как частный случай $et_{sym.}$, т.е. рассматривать их как две разновидности одного процесса [8]. Мы придерживаемся второго подхода.

В случае употребления $et_{asym.}$ два положения дел в одном предложении отражают иконическую последовательность ситуаций во внеязыковой действительности, при этом второй присоединенный компонент предполагает соблюдение условия истинности первого утверждения. Союз $et_{asym.}$ более жестко ограничен, поскольку при асимметричном соединении логическая связь основывается на взаимосвязи последовательности и каузальности, а именно: одно событие, предшествуя другому по времени, каузирует его. Представленные примеры (3–4) не соответствуют канону сочинительных

¹ В русском языке для обозначения отношения несоответствия в схожих контекстах используется союз *a*.

конструкций. Следует, однако, признать «аномальное» свойство сочинительного союза обозначать каузальное отношение, а именно: при семантическом подчинении мы имеем синтаксическое сочинение.

Иначе обстоит дело с союзом *et_{sym.}*. Для объяснения совместимости двух положений вещей в одном предложении в случае употребления *et_{sym.}*. Необходимо обратиться к концепции В.Г. Гака об «онтологических» классах, заранее данных говорящим (например, *la table* и *la chaise* «мебель»), и «прагматических», непостоянных, классах, которые возникают в ситуации общения и распадаются, когда ситуация изменяется [9, с.32–40]. Репрезентация двух положений дел в одном предложении свидетельствует о том, что говорящий, интерпретируя две одновременно происходящие самостоятельные ситуации как нечто целостное, нерасчлененное, объединяет их в одно целое и кодирует связь между ними при помощи *et_{sym.}*. Из сказанного следует, что в примере (2) *Marie* и *Fred* находятся в одном месте (за городом), оба знакомы с говорящим (его родственники или друзья), что позволяет объединить две ситуации в одном высказывании, а именно: пока один ест, другой занят охотой. Однако существуют случаи, когда два соединенных посредством союза *et_{sym.}* предложения не отражают общую ситуацию. Приведем пример В. Г. Гака: *Le vinaigre est acide et les voyageurs ne prennent pas le train* ‘Уксус кислый, и путешественники не садятся на поезд’. Неприемлемость данного высказывания объясняется лингвистом невозможностью объединить «уксус» и «пассажиры» в один прагматический класс [9, с.32–40].

Соединение посредством союза двух грамматически правильно оформленных предложений, между которыми отсутствует семантическое отношение зависимости, основано на наличии общности двух положений дел (фр. *le topique commun*) в пресуппозиции говорящих (об этом подробно в [7]). Следовательно, непосредственно союз помимо «чистой конъюнкции», сигнализирует о чем-то большем, апеллирует к жизненному опыту, фоновым знаниям, так называемой «энциклопедии», что, в свою очередь, требует привлечения дополнительных когнитивных процедур для декодирования связи, установления общности двух положений дел. Соответственно, в примере (5) тот, кто кодирует связь между двумя пропозициями, и тот, кто декодирует эту связь, должны обладать общей информацией, например, заключенного накануне пари:

(5) *Ma grand-mère m'a écrit hier une lettre et six hommes peuvent tenir à l'arrière d'une Peugeot* ‘Моя бабушка написала мне письмо, и шесть человек помещаются на заднем сидении Пежо’.

При отсутствии такой информации несмотря на грамматическую правильность необходимо признать пример (5) аномальным, т.к. содержание первого компонента есть некоторое событие, а второй компонент представляет высказывание с генерализованным значением, т.е. данное высказывание оказывается рассогласованным. Логично возникает вопрос о границе между грамматической правильностью, «гармонией», с одной стороны, и асемантизмом, семантической «аномалией», с другой стороны. Другими словами, является ли наличие союза *et_{sym.}* основанием для интерпретации сочиненной конструкции как гармоничного целого?

Для ответа на этот вопрос перейдем к систематизации контекстов, в которых союз *et_{sym.}* соединяет два независимых предложения, между которыми не существуют отношения каузальной и временной зависимости как в случае с союзом *et_{asym.}*. Попытка ранжировать контексты такого типа по принципу уменьшения допустимости, или увеличения так называемой «аномалии», предпринята в [10]. Приведем их.

(6) *Jean mange des pommes et Jean mange des poires* ‘Жан ест яблоки, и Жан ест груши’;

(7) *Jean mange des pommes et son frère conduit une Peugeot* ‘Жан ест яблоки, а его брат ездит на Пежо’;

(8) *Jean mange des pommes et beaucoup de New-Yorkais conduisent une Peugeot* ‘Жан ест яблоки, и многие жители Нью-Йорка ездят на Пежо’;

(9) *Jean mange des pommes et je connais beaucoup de gens qui ne voient jamais de médecin* ‘Жан ест яблоки, и я знаю много людей, которые никогда не обращаются к врачу’;

(10) **Les garçons mangent des pommes et Marie rudoya le chien* ‘Мальчики едят яблоки, а Мари жестко одернула собаку’;

(11) **Jean est un strict végétarien et il mange des quantités de viande* ‘Жан – строгий вегетарианец и ест много мяса’;

(12) **Jean est riche et il a 80 millions de dollars* ‘Жан богат и у него 80 миллионов долларов’.

Распределим контексты на три группы согласно их соответствию канону, руководствуясь принципом, что приемлемость высказывания – его «гармония» – зависит от общности двух положений дел, которая не всегда эксплицирована. Для снятия «аномалии», нарушения согласованности информации, представленной в двух сочиненных компонентах, предпримем необходимые трансформации для гармонизации высказывания, его правильной интерпретации.

Первая группа контекстов с союзом *et_{sym.}* (примеры 6, 7) максимально соответствует вышеперечисленным условиям канона. Высказывание (6) допустимо несмотря на отсутствие сокращения общего элемента, который традиционно выносится при сочинении (см. пример в начале статьи). Полагаем, что контексты такого типа, без сокращения, свидетельствуют о намерении говорящего подчеркнуть отклонение от обычной жизненной ситуации. Высказывание может быть истолковано следующим образом: ‘обычно Жан ест только яблоки, но сегодня он ест и яблоки, и груши’, либо ‘обычно Жан не ест яблоки и груши, а сегодня – ест’. Знание конкретной ситуации позволяет правильно декодировать связь между двумя частями предложения. Общий элемент высказывания (7) находится в пресуппозиции говорящих (у Жана есть брат (*Jean* → *son frère*)) и обеспечивает его приемлемость.

Составляющие контекстов второй группы (примеры 8, 9) синтаксически и семантически неоднотипны в отличие от первой группы. Репрезентируемые ситуации независимы друг от друга и соотносятся с настоящим, что позволяет изменять порядок следования соединенных компонентов, например:

(8a) *Beaucoup de New-Yorkais conduisent une Peugeot et Jean mange des pommes;*

(9a) *Je connais beaucoup de gens qui ne voient jamais de médecin et Jean mange des pommes.*

Отсутствие общего элемента в (8, 9) вызывает необходимость его восстановления для правильной интерпретации высказывания. Так, наличие в пресуппозиции говорящих знаний, относящихся к данной конкретной ситуации, о том, что Жан проживает в Нью-Йорке в (8), облегчает осмысление связи. В (9) восстановление связи между двумя сочиненными компонентами требует дополнительных процедур: знание англо-американской пословицы *an apple a day keeps the doctor away* дает основание для следующего вывода: 'кто ест по одному яблоку ежедневно, не нуждается в докторе'. Отношение между двумя ситуациями, таким образом, имеет косвенно каузальный характер: P_1 'съесть одно яблоко в день' \rightarrow P_2 'оставаться здоровым'.

В последней, третьей, группе контекстов (примеры 10–12) также отсутствует общий элемент между двумя соединенными синтаксически неоднотипными составляющими, которые могут быть обратимы. В отличие от предыдущих контекстов для высказываний характерна грамматическая или семантическая рассогласованность между двумя соединенными частями, которая элиминируется введением дополнительной общей информации или путем трансформаций. Поясним.

Формально сочинение недопустимо в (10) и представляет собой «аномальное» соединение, аналогичное (5), т.к. одна часть есть высказывание с генерализованным значением ('мальчики едят яблоки' / 'шесть человек может поместиться на заднем сиденье машины'), а вторая представляет некоторое событие ('Мария жестко одернула собаку' / 'бабушка написала мне письмо'). Высказывание становится приемлемым при изменении видо-временной формы глагола:

(10a) *Les garçons mangent des pommes et Marie rudoie le chien* 'Мальчики едят яблоки, и Мария жестко одергивает собаку'.

Таким образом, как и в (3) две одновременно происходящие самостоятельные ситуации есть нечто целостное, нерасчлененное, объединенное в одно целое.

Соединение двух противоречащих утверждений (P_1 'быть вегетарианцем' и P_2 'есть мясо') в (11) недопустимо в понимании [11]. Полагаем, что для снятия «аномалии» высказывания, его асемантизма, необходимо либо наличие общей информации о причинах, изменивших пищевые пристрастия Жана в данный момент, либо введение отрицания в первой или во второй части. Однако преобразования (11a и 11б) не отражают имеющую место ситуацию:

(11a) *Jean n'est pas un strict végétarien et il mange des quantités de viande;*

(11б) *Jean est un strict végétarien et il ne mange pas de viande.*

В (12) два утверждения (P_1 'быть богатым' и P_2 'обладать 80 миллионами') образуют, согласно автору, тавтологию. Полагаем, что союз присоединяет компонент, вводящий дополнительную информацию, необходимость

которой очевидна: наличие меньшей суммы понимается в данной социальной группе как недостаточное, чтобы считаться богатым. Важно, что между компонентами существует несобственно причинно-следственная связь, т.е. знание о том, что кто-то является обладателем крупной суммы, дает основание считать его богатым, а именно: P_1 'обладать 80 миллионами' \rightarrow P_2 'быть богатым'.

Таким образом, союз *et* 'и' оформляет симметричное сочинение при одновременно имеющих место внеязыковых ситуациях и ассиметричное сочинение, основанное на отношении зависимости, при обозначении иконической последовательности ситуаций во внеязыковой действительности. При эксплицитно невыраженном общем элементе союз *et*_{sym.} выполняет роль сигнала к установлению причины совместимости двух ситуаций, выводимой на основании общей для говорящих информации. Причем в некоторых случаях имплицитный характер каузальной связи свидетельствует о размытости границ между *et*_{sym.} и *et*_{asym.}.

ЛИТЕРАТУРА

1. Grevisse M. Le bon usage. Grammaire française. Paris : Duculot, 2018. 1762 p.
2. Antoine G. La coordination en français. 2 vol. Paris : d'Artrey, 1958–1962. 1092 p.
3. Charaudeau P. Grammaire du sens et de l'expression. Paris : Hachette, 1992. 927 p.
4. Centre National des ressources textuelles et lexicales [Electronic resource]. URL: <http://www.cnrtl.fr/> (дата обращения: 17.10.2021).
5. Brunot F. Pensée et la Langue. Méthode. Principes et Plan d'une théorie nouvelle du langage appliquée au français. Paris : Masson et cie, 1922–1936. 1002p.
6. Падучева Е. В. О семантике синтаксиса. М. : Наука, 1974. 292 с.
7. Lakoff R. Ifs, and's, and but's about conjunction // Studies in linguistic semantics / ed.: C. J. Fillmore, D. T. Langendoen. Irvington, 1971. P. 3–114.
8. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. М. : Добросвет, 2000. 832 с.
9. Гак В. Г. Языковые преобразования. М. : Яз. рус. культуры, 1998. 768 с.
10. Bastuji J. La coordination comme lien théorique d'une articulation entre phrase et discours: à propos d'un article de Robin Lakoff // Documentation et recherche en linguistique allemande contemporain. La coordination. Vincennes, 1977. № 15. P. 148–162.

Юлия Владимировна Овсейчик

кандидат филологических наук, доцент, докторант кафедры общего языкознания
УО «Минский государственный лингвистический университет»

Yulia V. Auseichyk

PhD in Philology, Associate Professor, Doctoral student of Department
of General Linguistics Minsk State Linguistic University
ovsei77@rambler.ru

ТЕКСТ И ДИСКУРС: ГАРМОНИЯ VS. АНОМАЛИЯ

УДК 811.134.2'42

Е. А. Булат, В. А. Цыгулёва
Минск, Беларусь

ЭКСПРЕССИВНЫЕ СРЕДСТВА ОРГАНИЗАЦИИ ИСПАНОЯЗЫЧНОГО МЕДИА-ДИСКУРСА МОДЫ

В статье рассматриваются языковые средства экспрессии дискурса моды на различных языковых уровнях. Яркой особенностью испанских fashion-текстов является частое использование речевых фигур с целью усиления выразительности высказывания и управления эмоционально-оценочным отношением адресата сообщения к коммуникативной ситуации. В рассмотренных текстах наблюдается высокочастотное использование троп и синтаксических конструкций, придающих тексту выразительность и определяющих его функционально-прагматические характеристики. Помимо стилистических персуазивных средств рассматриваются сленговые выражения, служащие сокращению дистанции между адресантом и адресатом сообщения.

К л ю ч е в ы е с л о в а: дискурс моды, языковые средства выражения, аффективы, синтаксические приёмы, персуазивные средства, сленг, коннотация.

E. A. Bulat, V. A. Tsyhuliova
Minsk, Belarus

EXPRESSIVE MEANS OF ORGANIZING THE SPANISH-LANGUAGE MEDIA DISCOURSE OF FASHION

The article discusses the linguistic means of expressing fashion discourse at various language levels. A striking feature of Spanish fashion texts is the frequent use of speech figures in order to enhance the expressiveness of the utterance and manage an emotional and evaluative attitude of the message recipient to a communicative situation. In the considered texts, one can notice a high-frequency use of tropes and syntactic constructions that add more expressiveness to the text and determine its functional and pragmatic characteristics. Slang expressions that serve to reduce the distance between the addressee and the addressee of the message are considered in the texts in addition to stylistic persistent means.

К e y w o r d s: fashion discourse, linguistic means of expression, affections, syntactic techniques, persuasiveness, slang, connotation.

В fashion-сфере, как и в любой другой, существует свой язык, имеющий особенности в организации и функционировании, рассчитанные на повышение рейтинга модных изданий. Представляется плодотворным для лингво-прагматики анализ текстов fashion-сфере на разных языковых уровнях: морфологическом, синтаксическом, лексическом. Целью нашего исследования явились лексико-синтаксические характеристики языка испанских глянцевого журналов о моде. Анализ лексического наполнения текстов о моде проводился нами на материале испаноязычных выпусков глянцевого журналов

«Vogue», «Glamour», «GQ», «Pasarela» и электронного ресурса «Telva». При этом важно отметить, что в Испании глянцевого журналы носят название *revista femenina de alta gama* ‘женские журналы’.

Яркой особенностью испанских fashion-текстов является частое использование речевых фигур с целью усиления выразительности высказывания и управления эмоционально-оценочным отношением адресата сообщения к коммуникативной ситуации. В рассмотренных текстах наблюдается высокочастотное использование троп, придающих тексту выразительность. Рассмотрим примеры наиболее употребительных средств создания экспрессии, выявленных нами в изданиях испанских глянцевого журналов.

Среди экспрессивных средств построения текстов глянцевого журналов выделяются аффективы, представленные эпитетами в роли эмоциональных усилителей: *Deja paso a una mirada más luminosa y radiante*. ‘Уступите место более яркому и сияющему образу’ [Vogue]; *Pestañas perfectas sin compromisos*. ‘Идеальные ресницы без компромиссов’ [Vogue]; *Un envase radicalmente chic y elegante con la firma Givenchy*. ‘Шикарная и элегантная упаковка от фирмы Givenchy’ [Vogue]; *Un brillo de lujo para unos labios sensuales*. ‘Роскошный блеск для чувственных губ’ [Vogue]; *Sombras de ojos, labiales, cremas y perfumes se impregnan de la delicadeza y serenidad que transmite esta elegante paleta cromática*. ‘Тени для век, помады, кремы и духи пронизаны нежностью и безмятежностью, которые передает эта элегантная цветовая палитра’ [Vogue].

В ходе анализа были также выявлены частые случаи использования метафоры как эффективного инструмента создания модного и привлекательного образа покупателя: *Pendientes, colgantes, pulseras y charms sintetizan la ironía presente en los diseños de Miuccia Prada*. ‘Серьги, подвески, браслеты и подвески воплощают иронию, присутствующую в дизайне Миучча Прада’ [Vogue]; *Revolución antiedad*. ‘Антивозрастная революция’ [Vogue].

Приведем примеры использования олицетворения как приема навязывания определенного отношения к содержанию рекламных сообщений: *Los patrones asimétricos rebajan la línea del escote*. ‘Асимметричные узоры подчеркивают линию декольте’ [Vogue]; *Los bajos de las faldas estivales se desploman casi hasta rozar el suelo*. ‘Низ летних юбок рухнул почти до пола’ [Vogue].

Типичным средством персуазивной стратегии в fashion-сфере является гипербола, призванная формировать в сознании адресата гипертрофированный образец сверхмодного внешнего вида субъекта: *Con matices beis, ‘camel’ o rosa empolvado, la infinita gama de tonos cálidos inspira tanto los pigmentos del maquillaje como los envases cosméticos* [Vogue, с. 116]; *Ponerse en forma en cuatro MINUTOS. Ejercicios que optimizan y minimizan el tiempo que pasas en el gimnasio*. ‘Привести себя в форму за четыре МИНУТЫ. Упражнения, которые оптимизируют и минимизируют время, проведенное в тренажерном зале’ [Vogue]; *Hasta un 300 % más de volumen*. ‘Увеличение объема на 300 %’ [Vogue].

В свою очередь, метонимия служит ярким экспрессивным средством активизации внимания адресата для выделения в тексте наиболее значимых смысловых компонентов: *Fendi suma un nuevo bolso a su ya extenso catálogo*. ‘Fendi добавляет новую сумку в свой и без того обширный каталог’ [Vogue]; *El vestido mariposa de Inés Domecq o la tendencia MÁS Letizia vista en la boda de Belén Corsini*. ‘Платье-бабочка от Инес Домек или САМЫЙ модный тренд Летиции на свадьбе Белен Корсини’ [Telva].

В силу своей ярко выраженной прагматической направленности публицистический стиль стремится к лаконичности подачи информации в рамках персуазивной коммуникации, что достигается за счет следующих синтаксических приемов:

- инверсия: *gana importancia la piel para diferenciarse*. ‘Приобретает большее значение кожа, позволяющая выделиться среди других’ [Vogue];
- риторические вопросы: *¿Aún no has decidido el color de tu guardarropa de verano? Siéntase libre de elegir tonos brillantes de amarillo y gris metálico. En ese caso, ¿estarás de moda este verano!* ‘Еще не определились с цветом своего летнего гардероба? Не стесняйтесь выбирать яркие оттенки желтого и металлического серого. В таком случае, этим летом вы будете в моде!’ [Glamour];
- эллипсис: *Cada mujer lo lleva a su manera* ‘Каждая женщина носит это по-своему’ [Vogue];
- парцелляция: *Energiza. Ilumina. Alisa*. ‘Питает. Сияет. Разглаживает’ [Vogue];
- оксюморон: *Joven, pero muy maduro*. ‘Молодой, но очень взрослый’ [GQ, с. 162].

Анализ источников номинации в рассматриваемой fashion-сфере позволил выявить тот факт, что в испанском языке сфера моды изобилует словами французского происхождения, которые прошли определенные стадии ассимиляции и являются официально принятыми испанской Академией: *moda* ‘мода’, *boga* ‘мода’, *modelo* ‘модель’, *desfile* ‘дефиле’, *boutique* ‘бутик’, *chic* ‘шик’, *chal* ‘шаль’, *chaqueta* ‘жакет’, *pantalón* ‘штаны’, *bikini* ‘купальник’, *blusa* ‘блузка’, *boina* ‘берет’, *batista* ‘батист’, *chándal* ‘спортивный костюм’ и т.д. Это объясняется историческим прошлым Франции как законодательницы моды, начиная с XVIII века. На сегодняшний момент наблюдается также широкое распространение англицизмов в языке испанских масс-медиа как следствие идеализации американского образа жизни и повышенным интересом к американской культуре, в том числе к моде. Это такие лексические единицы, как *esmoquin* ‘смокинг’, *esponja* ‘махровая ткань’, *cardigan* ‘кардиган’, *leggings* ‘лосины’, *patchwork* ‘лоскутное одеяла’, *stretch* ‘стрейч’, *oversize* ‘орверсайз’, *grunge* ‘гранж’, *gloss* ‘блеск’, *outfits* ‘костюм’, *lifting* ‘лифтинг’ и т.д. Использование заимствований в данном случае можно объяснить стремлением редакторов модных статей придать экспрессивность и выразительность тексту.

Помимо стилистических персуазивных средств, выделяют также средства диалогизации и интимизации изложения, способствующие установлению контакта, сокращению дистанции между адресантом и адресатом сообщения. Этой цели служат разговорная лексика, сленговые выражения, создающие ощущение легкого и дружественного общения с читателем модного журнала. Приведем примеры функционирования сленговых единиц фешн-текстов с сильным воздействующим потенциалом:

- *Πορ θυ/ λoσ ποπεσ εστ(ν ενγανχηαδοσ αλ πινταγε?* [Τελπα].

- *5 φορμασ μολονασ δε λλεπαρ υνα ρι)ονερα.* [Τελπα].

- *7 λοοκαζοσ θυε πνεδεσ ηαχερτε χον υνασ ζαπατιλλασ δεπορτιπα σ βλανχασ.* [Τελπα].

Последний пример иллюстрирует использование увеличительного суффикса *-azo* в не ассимилированном заимствовании из английского языка (*look*) с целью создания гипертрофированного эффекта потрясающего образа покупателя спортивной обуви. Подобное использование суффикса можно наблюдать и в других примерах: *modelazo, estilazo*.

Таким образом, журнал о моде отличается не только огромным количеством ярких иллюстраций, но и искусным применением различных лингвистических приемов, которые позволяют делать fashion-статьи броскими и запоминающимися.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гапутина В. А. Средства речевого воздействия в современном медиадискурсе моды (на материале глянцевого журнала) // Медиариторика и современная культура общения: наука–практика–обучение : сб. ст. XXII Междунар. науч. конф. / Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина. М., 2019. С. 55–60.
2. Лёгкая М. С. Дискурс моды как объект изучения в лингвистике // Проблемы науки. 2018. № 4 (28). С. 106–108.
3. Morillo C. Una tradición a la moda: El traje de flamenca [Electronic resource] // el blog de la Consejería de Cultura y Patrimonio Histórico. 2018. URL: <https://www.juntadeandalucia.es/cultura/blog/una-tradicion-a-la-moda-el-traje-de-flamenca/> (accessed: 11.04.2021).
4. Neumikavin V. Historia de la Moda: Siglo XX: Cambios en la Imagen y Silueta Femenina [Electronic resource] // Imagen de Mujer. 2017. URL: <https://imagedemujer.com/historia-de-la-moda-siglo-xx/> (accessed: 11.04.2021).
5. Telva. Revista de moda y belleza [Electronic resource]. URL: <https://www.telva.com> (accessed: 14.04.2021).
6. Vogue [Electronic resource]. URL: <https://www.vogue.es> (accessed: 14.03.2021).

Елена Адамовна Булат
кандидат филологических наук, доцент, зав.кафедрой лексикологии испанского языка
УО «Минский государственный лингвистический университет»
Вероника Александровна Цыгулёва
магистрант, УО «Минский государственный лингвистический университет»

Elena A. Bulat
PhD in Philology, Associate Professor, Head of the Department
of Spanish Lexicology Minsk State Linguistic University
elenabulat@mail.ru
Veronika A. Tsyhuliova
MA student, Minsk State Linguistic University
v.tsyhuliova@mail.ru

УДК 811.111'38'42

П. П. Глазко
Минск, Беларусь

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ЖАНРОВ МЕДИЙНОГО ДИСКУРСА США И БЕЛАРУСИ

В статье рассматривается стилистическое своеобразие жанров блога, колонки и мнения в англоязычном медиадискурсе США и русскоязычном медиадискурсе Беларуси. Жанры медиапространства США характеризуются примерно одинаковой экспрессивностью на лексическом и синтаксическом уровнях, а в медийном пространстве Беларуси те же жанры демонстрируют более высокую степень экспрессивности на синтаксическом уровне. При этом в англоязычных текстах наиболее употребительны синтаксико-стилистические средства, направленные на установление диалога между автором и читателем, а в русскоязычных – приемы акцентуации.

Ключевые слова: медийный дискурс, жанр, экспрессивность, стилистический прием, прагматическая функция

P. P. Glazko
Minsk, Belarus

STYLISTIC PECULIARITIES OF PERSONAL GENRES IN MEDIA DISCOURSE OF THE USA AND BELARUS

The paper reports on the stylistic idiosyncrasies of the genres of blog, column, and opinion in the media space of the USA and that of Belarus. While personal genres of American discourse are equally expressive at lexical and syntactical levels, personal genres in Belarusian discourse demonstrate a greater degree of expressiveness from a syntactical point of view. In addition, the texts in English are characterised by a more extensive use of syntactical devices performing the function of dialogization, whereas the texts in Russian are more abundant in the devices with the function of accentuation.

Key words: media discourse, genre, expressiveness, stylistic device, pragmatic function.

Смещение интереса современной науки в сторону исследования проявлений человеческого фактора обусловило большую значимость разработки различных аспектов субъективности в рамках гуманитарного знания в общем и лингвистики в частности. Оппозиция субъективного – объективного была и остается одной из ключевых для философии на протяжении всей истории ее развития от Античности до немецкой классической философии, от диалектического материализма до феноменологии. Неоднозначный и зачастую противоречивый характер трактовок данных понятий находит свое отражение в многочисленных подходах к пониманию и именованию явления языкового выражения отношения говорящего к сообщаемому. Одним из наиболее ярких проявлений такого отношения выступают стилистические приемы, являющиеся основными средствами реализации категории экспрессивности.

Категория экспрессивности рассматривалась в научной литературе со всевозможных ракурсов и в контексте различной исследовательской проблематики: общеметодологических проблем лингвистики, выражения субъективности в речевой деятельности, лексической семантики, стилистического потенциала лексики и синтаксиса, лингвистики текста. Если дескриптивистами первой половины XX века экспрессивное значение рассматривалось как явление, не поддающееся анализу [1], то Р. Якобсон говорит об экспрессивности как об одной из функций языка, противопоставляя ее дескриптивной функции [2]. Противопоставление дескриптивной и экспрессивной семантики можно видеть и у Ж. Вюйемена [3]. Дж. Лайонз, помимо дескриптивного и экспрессивного значения, выделяет также и социальное значение, определяя экспрессивное значение как «такой тип значения, который зависит от характеристик говорящего и меняется в связи с ними, а социальное значение – как тип, который призван устанавливать и поддерживать социальные отношения; очевидно, что эти два значения взаимосвязаны» [4, р. 5]. В работах немецких, голландских и французских лингвистов явление экспрессивности рассматривается с позиций манифестации в языке и речи эмоциональных состояний говорящего [5; 6; 7].

В отечественной лингвистике вопрос о статусе экспрессивности также решается с различных исследовательских позиций. Однако в целом все многообразие подходов сводится к широкому и узкому пониманию экспрессивности. При широком толковании под экспрессией понимаются средства, придающие речи выразительность и эмоциональную окраску и отличающие ее от стилистически нейтральной [8; 9]. В рамках данного подхода к определению экспрессивности зачастую смешиваются такие смежные понятия, как эмотивность, оценочность и субъективная модальность [10; 11].

В узком понимании экспрессивность представляет собой компонент стилистического значения, определяющий интенсивность восприятия как стилистической, так и предметно-логической информации, содержащейся в знаке [12]. При этом отмечается, что экспрессивный компонент значения не

связан напрямую и не обуславливает присутствие оценочного, эмоционального и стилистического компонентов, т.е. все эти компоненты могут встречаться в различных комбинациях [13].

Следует отметить, что, помимо различных интерпретаций содержания экспрессивности, исследователи расходятся во мнении относительно ее принадлежности к конкретным структурно-языковым или речевым явлениям: экспрессивность трактуется как прагматический эффект, семантико-стилистическое свойство языковых единиц, разновидность семы, тип значения, функция языка, семантическая категория.

В рамках нашего исследования экспрессивность понимается в русле представленного выше узкого подхода как «свойство текста или части текста, которое передает смысл с увеличенной интенсивностью, выражая внутреннее состояние говорящего, и имеет своим развитием эмоциональное или логическое усиление, которое может быть или не быть образным» [13, с. 100].

Целью исследования является установление закономерностей использования стилистических приемов лексического и синтаксического уровней в текстовых реализациях жанров блога, колонки и мнения в англоязычном медиaprостранстве США и русскоязычном медиaprостранстве Беларуси.

Для анализа было отобрано методом сплошной выборки 120 текстов в жанрах блог и колонка (по 30 текстов в каждом из жанров на английском и русском языках), опубликованных персональных сайтах различных блоггеров (becomingminimalist.com, gretchenrubin.com, tracysnewyorklife.com, gnezdo.by, vasilissa.by) и в онлайн версиях газет и журналов (*The New York Times*, *New York Post*, *34mag.net*) в 2019–2021 годах.

Результаты лингвостилистического анализа, проведенного с опорой на контекст и с использованием элементов метода количественных подсчетов, дают основания говорить о следующих особенностях стилистической организации исследуемых жанров в американском и белорусском медиaprостранстве.

Полученные результаты свидетельствуют о наибольшей употребительности в исследуемых жанрах англо- и русскоязычного медиадискурса таких лексико-стилистических приемов, как метафора, эпитет и устойчивые выражения, которые суммарно представляют свыше 75 % всех стилистических средств лексического уровня (227 единиц в англоязычном материале и 139 единиц в русскоязычном). Популярность метафоры обусловлена ее потенциалом косвенного объяснения. Благодаря лежащему в основе метафоры механизму установления ассоциативной связи между одним реальным объектом или явлением и другим, ассоциативно схожим с ним, автору гораздо проще донести до читателя свою идею, свое восприятие и отношение, указать на место рассматриваемого явления в авторской системе ценностей [14]: *Young graduates are drowning in student debt* ‘Молодые выпускники университетов тонут в студенческих долгах’; *Я верю, что можно менять мир, меняя свои действия, отстаивая свои ценности, ища единомышленников, но не беря на себя бремя изменить содержимое чужой взрослой головы.*

Высокая употребительность эпитета в персональных жанрах обусловлена тем, что данный стилистический прием дает возможность маркировать все лексически полнозначные компоненты высказывания субъективной авторской оценкой: *This is also why boredom can feel so **surprisingly, aggressively unpleasant*** ‘Это еще одна причина, по которой скука может ощущаться настолько **удивительно агрессивно** неприятной’; *Но я снова здесь, с неровным загаром, с буквами, **долго зревшими внутри**, с обветренным лицом человека, много работавшего на солнце.*

Устойчивые выражения привносят в авторский текст черты разговорной речи, что делает общение между автором и читателем менее официальным: *I get a **big kick** out of this habit* ‘Я **балдею** от этой привычки’; *Как бы я ни плясала, как бы сильно **не была в волшебный бубен**, в моей власти лишь часть происходящего.*

Отличительной характеристикой англоязычных текстов является использование развернутых метафор: *I developed defense mechanisms in order to protect myself, or perhaps those mechanisms had been there all along, programmed into my psychology by millions of years of evolution. But as I got older, I began to see how these mechanisms would often kick into gear when I didn't want or need them to. We walk around with psychological armor, and we use a lot of energy trying to prevent even the slightest kink in that armor* ‘Я выработал в себе защитные механизмы, чтобы защищаться, или, возможно, эти механизмы всегда были частью меня, запрограммированные в моем сознании миллионом лет эволюции. Но по мере взросления я начал замечать, что эти механизмы часто срабатывают тогда, когда мне это не нужно или я не хочу, чтобы это происходило. Мы носим на себе психологическую броню и тратим много энергии, пытаюсь предупредить появление на ней малейших дефектов’. В данном примере центральная метафора *защитный механизм* раскрывается во вспомогательных метафорах *armor* ‘броня’, *kick into gear* ‘срабатывать, набирать обороты’, *kink* ‘дефект’, *trigger* ‘пусковое устройство’ и др.

На уровне синтаксиса наиболее употребимыми стилистическими приемами в текстовых реализациях персональных жанров на английском языке являются риторический вопрос, вопросно-ответный комплекс, использование побудительных предложений, параллелизм, перечисление (68 % от всех выявленных синтактико-стилистических средств, представленных 217 единицами): *All that said, here's a few ways to handle winter in NYC – the rip-roaring Arctic air and snowy weather that New York knows too well. “Don't ever leave the apartment” is one solution, albeit not a very practical one. (Although, if I'm honest, I've done it a few times.)* ‘Учитывая все, что было сказано выше, вот несколько способов пережить зиму в Нью-Йорке – завывающий арктический ветер и снег, которые так знакомы этому городу. Не выходите из дома – вот одно из решений, пусть и не очень практичных. (Хотя, должна признаться, несколько раз я сама так и поступала)’. В данном примере финальная часть предложения, вынесенная в виде вставки за скобки, придает ему оттенок ремарки, т.е. автор будто отвлекается от хода повествования и делает попутное замечание специально для читателя.

В русскоязычном материале наиболее употребительными средствами оказались параллелизм, вставка, повтор и вопросно-ответный комплекс (суммарно они составили 71 % от всех выявленных синтактико-стилистических средств, представленных 193 единицами). В следующем примере автор прибегает к использованию серии риторических вопросов, объединенных синтаксическим параллелизмом: *Но если мы признаем красивым тело, которое отличается от общего «стандарта» красоты, то почему это тело подгоняется под требования к худому? Почему ретушируются складки, целлюлит, растяжки? Это мощный эволюционный механизм – люди стремятся стать лучше и получают образец для подражания. Почему это должно считаться чем-то плохим?* Такое сочетание позволяет, с одной стороны, сформулировать ключевую для текста проблему, а также акцентировать внимание на равной значимости данных вопросов, вовлекая читателя в процесс авторского рассуждения, устанавливая диалог с ним.

Таким образом, полученные результаты дают основания для следующих выводов. Персональные жанры, функционирующие в американском дискурсе, характеризуются примерно одинаковой экспрессивностью на лексическом и синтаксическом уровнях, в то время как персональные жанры медийного дискурса Беларуси демонстрируют более высокую степень экспрессивности на синтаксическом уровне, что свидетельствует о склонности белорусских авторов прибегать к менее явным проявлениям экспрессивности в сравнении с американскими коллегами.

Помимо этого, в англоязычных текстах преобладают синтактико-стилистические средства, направленные на установление диалога между автором и читателем. В русскоязычных текстах медиапространства Беларуси наибольшей употребительностью характеризуются приемы акцентирования внимания читателя на каких-либо аспектах обсуждаемой проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bloomfield L. Language. Routledge : New York, 2015. 584 p.
2. Jakobson R. Linguistics and poetics // Style in language. Cambridge, 1960. P. 350–377.
3. Vuillemin J. Expressive Statements // Philosophy and Phenomenological Research. 1969. Vol. 29, № 4. P. 485–497.
4. Lyons J. Semantics. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1977. 897 p.
5. Foolen A. The Expressive Function of Language: Towards a Cognitive Semantic Approach // The Language of Emotions. Amsterdam, 1997. P. 15–32.
6. Бюллер К. Теория языка: репрезентативная функция языка. М. : Прогресс, 1993. 501 с.
7. Балли Ш. Французская стилистика. М. : Едиториал УРСС, 2001. 392 с.
8. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М. : Едиториал УРСС, 2004. 571 с.
9. Ефимов А. И. Стилистика художественной речи. М. : Изд-во МГУ, 1957. 448 с.

10. Телия В. Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. М., 1991. С. 5–36.
11. Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления. Проблемы семантики. Новосибирск : Наука, 1986. 230 с.
12. Долинин К. А. Стилистика французского языка. М. : Просвещение, 1987. 303 с.
13. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык. М. : Флинта, 2002. 384 с.
14. Глазко П. П. Экспрессивность как критерий дифференциации жанров персонального дискурса в медийном пространстве США // Общество. Коммуникация. Образование. 2021. Т. 12, № 1. С. 46–55.

Павел Петрович Глазко

кандидат филологических наук, доцент,
докторант кафедры белорусского языка и литературы
УО «Минский государственный лингвистический университет»

Pavel P. Glazko

PhD in Philology, Associate Professor, Doctoral student
of the Belarusian Language and Literature Department Minsk State Linguistic University
pavel.glazko@hotmail.com

УДК 811.133.1'36'37

Е. Н. Грушецкая
Могилев, Беларусь

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ТЕКСТОВ ГОРОСКОПОВ И ПРОГНОЗОВ

Статья посвящена исследованию гороскопов и прогнозов на французском языке как массмедийных текстов с точки зрения прагматического потенциала употребленных в них грамматических форм и лексических единиц.

Ключевые слова: гороскоп, прогноз, настоящее время, будущее время, прагматические значения.

E. N. Grushetskaya
Mogulev, Belarus

COMMUNICATIVE AND PRAGMATIC ASPECT OF HOROSCOPE TEXTS AND FORECASTS

The article is devoted to the study of horoscopes and forecasts in French as mass media texts from the point of view of the pragmatic potential of grammatical forms and lexical units used in them.

Key words: horoscope, forecast, present tense, future tense, pragmatic values.

Человек отличается высокими способностями мыслить, познавать и воображать, что позволяет ему думать о ближайшем будущем, планировать его, а также представлять себе более отдаленное возможное будущее. Люди могут разрабатывать коллективные стратегии предвидения, однако очень часто они нуждаются в предсказаниях и прогнозах того, что может произойти с ними лично. В связи с этим все большую популярность приобретают всевозможные гороскопы и прогнозы астрологов, размещаемые как в печатных средствах массовой информации, так и на веб-страницах сети Интернет. Обращаясь к таким текстам, человек «связывается с грядущими событиями и процессами» [1, с. 4], пытается определить свое место в них, а также предвидеть их воздействие на свою жизнь и т.д.

Гороскоп часто относится к толкованиям астрологов, обычно основанным на астрологии солнечной системы и на знаке зодиака, под которым рожден человек. Исходя из карты звездного неба в определенный отрезок времени, астролог выносит суждение о характере человека, его темпераменте, индивидуальных чертах, достоинствах и недостатках [2]. Он может подсказать, как избежать опасности, посоветовать, когда и что предпринимать, как лучше осуществить важное дело. С одной стороны, прогноз астролога дает конкретные указания, сведения о состоянии человека в настоящем и будущем, с другой стороны, он построен так, что дает множество возможностей для трактовок, несколько вариантов соотнесения с жизнью отдельного человека. Следовательно, каждый человек может увидеть в астрологическом прогнозе именно то, что он хочет [3, с. 58].

В настоящее время становится актуальным и необходимым лингвистическое описание закономерностей организации текстов гороскопов и прогнозов, особенностей функционирования в них языковых средств.

Гороскоп имеет ярко выраженный «коммуникативный эффект, т.е. воздействие текста на реципиента» [4, с. 15]. В нем создается прототипическая ситуация общения между читателем и предсказателем (*le visionnaire*), который видит будущее [5, р. 301].

Необходимо отметить, что коммуникативная функция гороскопов состоит в информировании читателя о прогнозируемых событиях, а также в воздействии автора-астролога на читателя с целью выполнения последним определенных действий, которые должны привести, по мнению астролога, к положительному результату. Однако, принимая во внимание гипотетичность гороскопов, некоторые относятся к ним с определенной долей недоверия и читают их из любопытства, поэтому можно утверждать, что гороскопам присуща также и развлекательная функция.

Поскольку в гороскопах предлагаются предписания в отношении поведения адресата в настоящем или будущем, то астрологические прогнозы относятся к профетическому дискурсу. А так как профетические ситуации касаются линии будущего, то будущее время является главной составляющей темпоральной организации текстов гороскопов и прогнозов.

В лингвистике существуют широкое и узкое понятие будущего. В широком смысле будущее время – это совокупность всех языковых средств (лексических, грамматических), служащих для отражения событий, явлений и действий, которые будут иметь место в период времени, следующий за настоящим, а в более узком – это одно из глагольных грамматических времен.

В следующих примерах текстов гороскопов основным грамматическим временем, используемым автором-астрологом, является простое будущее время *le futur simple*:

Aujourd'hui, votre amabilité sera très appréciée. Dans ce contexte, vous pourrez gagner facilement la sympathie d'autrui et vous faire de nouveaux amis, à moins que vous ne souhaitiez approfondir des liens déjà existants. 'Сегодня ваше дружелюбие будет высоко оценено. На этом фоне вы сможете легко завоевать симпатию окружающих и завести новых друзей, если только не захотите углубить уже существующие связи' [6].

Aujourd'hui, vous serez particulièrement à l'aise dans le contact avec les autres, ce qui vous mettra à l'abri d'éventuels conflits. Vous parviendrez même à imposer certaines de vos idées. 'Сегодня вам будет особенно комфортно общаться с другими людьми, что защитит вас от возможных конфликтов. Вам даже удастся навязать некоторые свои идеи' [6].

Как известно, основное значение *le futur simple* состоит в обозначении действия или ситуации, следующих за моментом речи. Несмотря на то, что это действие менее реалистично, чем действие, которое реально осуществилось или осуществляется, возможность его свершения в будущем достаточно высока по сравнению, например, с гипотетическим действием, выраженным временами условного наклонения (*le Conditionnel*). Следовательно, автор-астролог использует глаголы в форме *le futur simple* с целью убеждения читателя в осуществлении своего предсказания.

Еще большей степенью убедительности обладает употребление глаголов в настоящем времени изъявительного наклонения, которое также широко используется в текстах гороскопов и предсказаний:

Les planètes peuvent vous réserver quelques surprises dans votre vie professionnelle 'Планеты могут преподнести вам несколько сюрпризов в вашей профессиональной жизни' [6].

Il est possible qu'un conflit entre vous et vos frères ou soeurs resurgisse, ou que l'un d'entre eux ait momentanément besoin de votre soutien 'Возможно, что между вами и вашими братьями или сестрами вновь возникнут конфликты либо одному из них срочно потребуется ваша поддержка' [6].

Повествование о будущем в приведенных гороскопах ведется как о настоящем и таким образом создается ситуация «будущее-в-настоящем», что значительно сближает автора-астролога с читателем-адресатом. Глаголь-

ная форма настоящего времени употреблена в прагматической функции настоящего пророческого (*le présent prophétique*), которое и имеет своим целевым назначением представить факты будущего. Тем самым автор-астролог выражает свое сильное желание, чтобы предполагаемые действия читателя осуществились.

Многие гороскопы включает императивные конструкции в отношении поведения адресата:

Essayez de vous détendre. Vous verrez que vous vous sentirez tout de suite beaucoup mieux ‘Попытайтесь расслабиться. Вы увидите, что сразу же почувствуете себя намного лучше’ [6].

Si vous avez des enfants, la journée sera très favorable pour entamer des discussions fructueuses avec eux. Si ce sont des adolescents, parlez-leur de ce qu’ils entendent faire plus tard dans la vie; et ne vous étonnez pas trop si leurs intentions ne correspondent en rien à ce que vous aviez imaginé. N’essayez pas de les forcer à suivre vos propres idées ‘Если у вас есть дети, то день будет очень благоприятным для начала плодотворных бесед с ними. Если это подростки, то поговорите с ними о том, чем они хотят заниматься в дальнейшей жизни; не слишком удивляйтесь, если их намерения ни в чем не совпадают с тем, что вы себе представляли. Не пытайтесь заставить их следовать вашим собственным планам’ [6].

Как известно, императив служит для выражения различных проявлений воли говорящего: приказа, требования, запрета, распоряжения. Однако в гороскопе на первый план выходят императивные высказывания, основными целями которых являются совет, просьба, пожелание в выполнении того или иного действия.

Для данного материала характерны и лексические средства выражения, которые конкретизируют момент осуществления трактования из гороскопа, например, *aujourd’hui, demain* и т.д.

Таким образом, гороскоп – это вид медиатекста, в котором в наибольшей степени реализуется ситуация общения между составителем-астрологом и адресатом-читателем. Главная цель данного текста – информирование читателя о возможных событиях в будущем и воздействие на него с желанием посоветовать, убедить в реализуемости тех или иных действий и событий. Данная цель достигается путем установления доверительных отношений между автором-астрологом и читателем-адресатом с помощью обращения на «Вы», использования форм повелительного наклонения. Основными грамматическими средствами выступают формы будущего, реже, – настоящего времени в не временных, а в прагматических значениях (сообщить и предупредить человека о грядущем будущем).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бейм В. В. Темпоральная характеристика текстов гороскопов в немецком языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. Архангельск, 2018. 27 с.

2. Виды эзотерического прогнозирования [Электронный ресурс] // Astro 7. Эзотерический журнал. URL: https://astro7.ru/online-journal/astrologia/vidy-astrologicheskogo-prognozirovan.html?utm_source=www.yandex.by&utm_medium (дата обращения: 25.11.2021).
3. Вепрева И. Т. Базовый лексикон астрологического прогноза: о словах с «размытым» содержанием // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 1. С. 57–63.
4. Богодерова М. В. Современный гороскоп как массмедийный вид текста : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04. Уфа, 2010. 25 с.
5. Riegel M., Pellat J.-Ch., Rioul R. Grammaire méthodique du français. Paris : Presses Univ. de France, 1994. 675 p.
6. Horoscope Zodiaque [Electronic resource]. URL: <https://zodiaque-horoscope.fr/> (accessed: 21.03.2021).

Елена Николаевна Грушецкая

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры романо-германской филологии
УО «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова».

Elena N. Grushetskaya

PhD in Philology, Associate Professor, Professor
of the Roman and German Philologie Department
Mogilev State A. A. Kuleshov University
voblaki@yandex.ru

УДК 811.133.1'42

И. В. Даниленко

Минск, Беларусь

ИНТЕРДИСКУРСИВНЫЕ АСПЕКТЫ ФРАНЦУЗСКОЙ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ МЕТАПРОЗЫ

(на материале произведений М. Турнье «Лесной царь»,
И. Д. Литтелла «Благоволительницы»)

В статье рассматривается проблема интердискурсивности и специфические особенности ее реализации во французском историографическом метаромане. В качестве основных практик, создающих интердискурсивное пространство историографического метаромана, рассматриваются: заглавия «Лесной царь», «Благоволительницы»; отсылки к литературным текстам, мифам, Библии и апокрифам; отсылки к историческим документам, кино- и фотоархивам, трудам историков, упоминаемым в текстах романов или в комментариях к ним; сведения из разных областей знания и сфер искусства.

К л ю ч е в ы е с л о в а: интердискурсивность, интердискурс, историографический метароман, вербальные и невербальные знаковые системы

I. V. Danilenko

Minsk, Republic of Belarus

INTERDISCURSIVE ASPECTS OF
FRENCH HISTORIOGRAPHIC METAFICTION
(on the basis of the novel *The Erl-King* by M. Tournier
and *The Kindly Ones* by J. Littell)

The article discusses the problem of interdiscursivity and the specific features of its implementation in the French historiographic metafiction. As the main practices that create an interdiscursive space of the historiographic metafiction are considered: the title *The Erl-King* and *The Kindly Ones*; references to literary texts, myths, Bible and Apocrypha; references to historical documents, film and photo archives, works of historians mentioned in the texts of the novels or in the comments to them; information from different areas of knowledge and fields of art.

Key words: interdiscursivity, interdiscourse, historiographic metafiction, verbal and non-verbal sign systems.

Формирование категории «историографический» в качестве альтернативы устоявшейся в литературоведении категории «исторический» для обозначения жанра, занимающегося художественным освоением исторического прошлого современного человека, отражает недоверие как к степени объективности исторического знания, предлагаемого тотальными историческими метадискурсами, так и к традиционным способам освоения истории в художественной литературе. Текстовый характер знания о прошлом дает все основания к такому недоверию, предлагая нарративы, зачастую представляющие собой интертексты, в корне противоречащие друг другу, дающие разные версии одних и тех же событий.

Отрицая истинность и объективность универсалистского исторического метадискурса, историографический метароман стремится к оформлению новой легитимности, основанной на гетерогенности дискурсов. Это означает, что в историографическом метаромане используются не только исторический и литературный дискурсы, но и дискурсы других областей знания и культуры, такие как мифологический, религиозный, музыкальный, кинематографический, бытовой и др.

Художественный дискурс, представляя собой коммуникативный и познавательный процесс, связан с деятельностью сознания и не мыслим вне взаимодействия с другими видами дискурса. Этот факт нашел свое отражение в возникновении категории «интердискурс», обозначающей «дискурсное и идеологическое пространство, в котором разворачиваются дискурсные взаимоотношения господства, подчинения и противоречия» [1, с. 228]. Теоретики французской школы дискурс-анализа рассматривают интердискурс как особое лингвосоциокультурное пространство, в котором формируется и производится дискурс. Таким образом, интердискурс образуется в условиях взаимопересечения и взаимодействия первичных дискурсных пространств, которые выполняют роль субстрата интердискурса, что позволило

М. Пеше определить интердискурсивность как «конститутивную способность любого дискурса, благодаря которой он находится в отношениях с ансамблем уже произведенных дискурсов» [там же]. Интердискурсивные взаимодействия нередко обозначаются и как интермедиальные. Историографический метароман представляет собой пространство взаимодействия художественного дискурса постмодернизма с различными вербальными семиотическими системами (историография, мифология, агиография) и невербальными знаковыми системами (музыка, живопись, кино, фото и т.д.). Содержание таких интертекстов передается с помощью определенной системы кодов и характеризуется интермедиальностью.

Различные практики взаимодействия семиотических систем не являются чем-то новым, но при этом они недостаточно четко осмыслены. Чаще всего интердискурсивность и интермедиальность рассматриваются в качестве частных случаев интертекстуальности, что встречает серьезные возражения среди значительной части исследователей. Продолжая бахтинскую традицию диалогизма, мы понимаем под интердискурсивностью взаимодействие в текстовой плоскости различных семиотических систем, результатом чего является гетероглоссия, полифония. Таким образом, ключевым аспектом интердискурсивности является гетерогенность образующих ее дискурсов, относящихся к разным областям знания и их совмещение в одном тексте.

Это придает историографической метапрозе, во-первых, полифонический характер, а во-вторых, саморефлексирующий. В такого рода текстах просматриваются два уровня: предметный и метатекстуальный, причем интердискурсивность реализуется на каждом из них.

Приведем в качестве примеров использования различных аспектов интердискурсивности историографические метароманы Мишеля Турнье «Лесной царь» (Michel Tournier, *Le Roi des Aulnes*, 1970) и Джонатана Литтелла «Благовоительницы» (Jonathan Littell, *Les Bienveillantes*, 2006). Оба романа повествуют об истории Второй мировой войны, написаны с разницей в 36 лет, и оба представляют собой истории побежденных, один из которых участвовал в организации детских лагерей гитлерюгенда, другой – в организации Холокоста. Традиционный историографический дискурс победителей, утверждающий, что «зло побеждено: больше никогда», в обоих романах разрушается изнутри в силу трансгрессивной позиции повествователя, занимающего нейтральную позицию по отношению к макроистории. Авель Тиффож из «Лесного царя» и Макс Ауэ (главный герой романа «Благовоительницы») озабочены внутренними исканиями, в свете которых они и воспринимают войну. После начала военных действий они были мобилизованы, а «вокруг царило нечто невообразимое, ужасы, зверства» [2, с. 34], однако им не пришлось лично убивать. «Я наблюдаю и ничего не делаю», – сознается литтелловский персонаж [2, с. 154]. Голосами этих персонажей, искренне и простодушно, говорит в своем дневнике обычный средний обыватель, музилевский «человек без свойств», послушный исполнитель чужих приказов.

Размышляя по поводу этого романа, французский литературовед А. Компаньон и историк П. Нора в унисон заявляют о раскрытии его автором «психологического механизма уничтожения», что квалифицируется ими как «слепой угол историографии» [3, с. 36]. Тема массового уничтожения ни в чем не повинных людей долгое время оставалась одной из самых табуированных в сфере искусства, и чтобы начать говорить о ней с поколением, утратившим представление о реальной картине крупнейшей европейской катастрофы, автору понадобилось не только гражданское мужество, но и весьма специфическая эстетическая форма, соразмерная чудовищному масштабу этой трагедии истории, а также особые формы дискурса, которые придали бы тексту не только метафорический (художественный характер), но и аналитический.

В обоих романах таким дискурсом, структурировавшим все уровни повествования, стал музыкальный дискурс: Турнье выстраивает композицию романа «Лесной царь» используя принципы музыкальной формы барочной фуги, а Литтелл – сюиты барокко, что настраивает читателя на восприятие текста в тональности, заданной типом музыкального произведения. Помимо заимствования общей структуры баховского цикла «Искусства фуги», Турнье задействует характерные для фуги приемы проработки тем. Одним из таких приемов является неоднократное преобразование темы, т.е. появление заявленной вначале темы во вступающих впоследствии голосах. Этот прием становится основным конструктивным элементом всей поэтики романа «Лесной царь». Каждый последующий поворот сюжета характеризуется присоединением заявленной вначале темы, но в измененном виде.

Использование музыкального дискурса в романе Литтелла «Благоволительницы» также является одним из своеобразных способов гармонизации истории и искусства, которому подчинены все события романа. Музыкальный компонент литтелловского романа выражен не только имплицитно, как у Турнье, но и эксплицитно, в паратексте, что нашло отражение в названиях глав: Токката, Аллеманды I, II, Куранта, Сарабанда, Менуэт (в рондо), Ария, Жига. Архитектоника романа «Благоволительницы» воспроизводит структуру французской сюиты № 2 И.-С. Баха. Значительно совпадает и обусловленное композиционной стратегией глубинное содержание обоих жанровых образований. Очевидна также переключка обоих произведений на уровне организации хронотопа: размеренный темп развития событий характерен для аллеманды, сарабанды, менуэта (неспешных парно-групповых танцев), сконцентрированных на развертывании исторических событий и быстрый – для куранты, жиги, арии (сольных партиях), сосредоточенных на перепетиях судьбы главного героя.

Помимо музыкального дискурса для каждого из исследуемых историографических метароманов характерно многообразное включение в повествование различных вербальных и невербальных форм дискурса. Так, еще одним очевидным конструктивным элементом романа «Лесной царь» является

мифология, которая служит своеобразным контрапунктом¹, позволяющим соединить в разных вариациях несколько самостоятельных уровней художественного целого: исторический, идейно-эстетический, литературный, языковой. По мере развития событий своего романа М. Турнье показывает, как в Истории и жизни отдельного человека обнаруживаются мифологические основания, и как история становится мифом. В «Лесном царе» причудливо переплетаются апокрифический миф о Святом Христофоре и баллада Гете о лесном царе, образуя единое целое в структуре образа Авеля Тиффожа и давая ключ к пониманию его сущности, обусловившей поступки героя в конкретное время и в конкретной ситуации (Германия периода Второй мировой войны). Современная интерпретация мифов Мишелем Турнье позволяет взглянуть на проблему благодеяния и преступления, добра и зла в ином ракурсе.

Столь же многообразно использует миф Д. Литтелл в своем романе «Благовоительницы». Главный герой романа Макс Ауэ оказывается виновником не только отцеубийства, но и инцеста, что сближает его с судьбой сразу двух мифологических героев: Ореста и Эдипа. Однако при всей схожести Макса Ауэ на своих античных прототипов его отличительной чертой является полное отсутствие чувства вины, угрызений совести, нравственной оценки преступления. Он так же, как и античные герои отправляется в скитания, оказавшись на дорогах Второй мировой войны; преследуемый, как Орест, Эриниями, не позволяющими ему найти душевное утешение в любви; мучимый, как Эдип, слепотой, но только нравственной; страдающий, как Эдип, от физического недуга (Эдип был хромым, а Ауэ изводили проблемы с кишечником). В финале романа Макс Ауэ убивает своего друга Томаса (Пилада), которому он обязан карьерой и жизнью. Действие завершается в разрушенном Берлине 1945 года следующими словами протагониста: «Я остался <...> один на один со временем, печалью, горькими воспоминаниями, жестокостью своего существования и грядущей смерти. Мой след взяли Благовоительницы²» [2, с. 701].

Помимо указанных особенностей мифопоэтического характера, романам М. Турнье и Д. Литтелла свойственно разнообразие стилистических кодов, придающих повествованию определенную иерархию (наличие в рамках одного текста различных повествовательных точек зрения, включение в текст вставных компонентов: дневников, документов, исторических сведений, явных и скрытых цитат и прочих интертекстов и т.д.). Использование разно-

¹ Контрапункт (лат. *punctum contra punctum, punctus contra punctum* – нота против ноты, буквально – точка против точки) – одновр. сочетание 2 и более самостоят. мелодия, линий в разных голосах. Термины «контрапунктирование», «контрапунктич. соединение» обозначают взаимодействие развитых и автономно движущихся мелодий, их согласование по высоте и по времени (метроритмич., соотнесение по сходству или контрасту [4, с. 174].

² Эринии, оставшиеся без работы после вынесения афинянами оправдательного приговора Оресту, были переименованы Афиной в Эвменид (греч. ‘благовоительницы’).

образных кодовых систем – это особенность не только мифопоэтики М. Турнье и Д. Литтелла, это одна из характерных черт поэтики постмодернизма в целом. В историографических метароманах обоих авторов приходится постоянно следить за переключением кодов в регистрах: вымышленное – реальное, рациональное – иррациональное, миф (Библия) – роман, история – современность.

Д. Литтелл и М. Турнье мастерски используют прием экфразиса для словесной передачи визуальных изображений (фотографических и скульптурных). По утверждению самого М. Турнье, он вынужден был «бесстыдно воровать все, что относится к документальной составляющей: истории, науки, географии», что придает его роману нарочитую интердискурсивность [5].

Особый интерес представляет интердискурс, образованный в результате диалога романа Д. Литтелла «Благоволительницы» с известной кинолентой Т. Лиозновой «Семнадцать мгновений весны» в той его части, которая касается внешнего сходства руководства III Рейха у Лиозновой и Литтелла (Кальтенбруннера, Шелленберга, Бормана, Мюллера). В романе есть также скрытая переключка с кинокартинами, размышляющими о сути фашизма и причинах его появления в европейском обществе 1930-х годов. Речь идет о нашумевшем кинофильме Л. Висконти «Гибель богов» (1969), изображающем разрушение традиционных семейных ценностей в условиях становления национал-социализма с его архаичными устоями, а также кинокартине «Ночной портье» Л. Кавани (1974), сосредоточенной на причинах, связывающих жертву и палача.

Среди многочисленных киноисточников, воспринимаемых в качестве кинодокументов о Второй мировой войне, которые стали первичной материей для интердискурсивности романа Д. Литтелла «Благоволительницы» следует особо выделить многосерийный документальный фильм К. Ланцмана «Шоа» (1985), построенный из интервью с живыми свидетелями Холокоста: жертвами, их палачами и пособниками.

Итак, интердискурсивное пространство в историографическом метаромане создается за счет использования:

- 1) заглавий «Лесной царь», «Благоволительницы», обладающих особым символизмом;
- 2) отсылок к литературным текстам, мифам, Библии и апокрифам;
- 3) отсылок к историческим документам, кино- и фотоархивам, трудам историков, упоминаемым в текстах романов или в комментариях к ним;
- 4) сведений из разных областей знания (военное дело, охота, география, этнография и др.) и сфер искусства (фотография, кино, театр, музыка).

Использование обширного интердискурсивного контекста приводит к тому, что читатель оказывается во власти не только событий истории, но и особого пространства культуры, порождающего невозможные прежде прочтения исторических событий. Таким образом, интердискурсивная практика

позволила авторам исследованных историографических метароманов достичь многоуровневости и полифонизма в осмыслении всем известной исторической проблематики, а также вывести ее обсуждение их в плоскость современной рецепции истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пеше М. Прописные истины. Лингвистика, семантика, философия // Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса. М., 1999. С. 225–290.
2. Литтелл Д. Благовоительницы / [пер. с фр. И. Мельниковой]. М. : Ад Маргинем Прес, 2019. 720 с.
3. Littell J., Nora P. Conversation sur l’histoire et le roman // Le Débat. 2007. Т. 2, № 144. Р. 25–44.
4. Музыкальный энциклопедический словарь. М. : БСЭ, 1990. 671 с.
5. Новикова Л. Мишель Турнье: я контрабандист философии в литературе [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. 2003. № 177. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/415351> (дата обращения: 14.09.2021).

Ирина Владимировна Даниленко

кандидат филологических наук, доцент кафедры лексикологии французского языка
УО «Минский государственный лингвистический университет»

Irina V. Danilenko

PhD in Philology, Associate Professor of of the Department
of French Lexicology Minsk State Linguistic University
memorabilia1453@mail.ru

УДК 811.133.1'37'42

Г. А. Змудяк, А. А. Мурашко
Минск, Беларусь

СЕМАНТИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО АКТА УГРОЗЫ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Угроза относится к высказываниям, которые регулируют межличностные отношения партнеров в процессе коммуникации. Эти высказывания замкнуты рамками коммуникативного акта и касаются только самих коммуникантов. Причиной реализации речевого акта угрозы является усугубление / избежание межличностного конфликта между собеседниками, а также разрешение противоречия между реальными действиями адресата и противоположным желанием адресанта.

К л ю ч е в ы е с л о в а : *речевой акт, угроза, интенция, прагматическое значение, прямой и косвенный речевой акт.*

G. A. Zmudyak, A. A. Murashko

Minsk, Republic of Belarus

SEMANTIC AND PRAGMATIC FEATURES OF THE SPEECH ACT OF THREAT IN FRENCH

The article is devoted to the peculiarities of functioning of the speech act of threat in French, various pragmatic meanings that appear in the process of communication.

Key words: *speech act, threat, intention, pragmatic meaning, direct and indirect speech act.*

Речевая деятельность может быть ориентирована на достижение разных коммуникативных задач. В каждом коммуникативном акте говорящий создает вокруг себя определенное коммуникативно-прагматическое пространство, которое может по-разному трактоваться адресатом. Природа речевого акта всегда привлекала внимание многих исследователей, однако речевой акт угрозы до настоящего времени остается недостаточно изученным в некоторых аспектах, так как коммуникативное действие угрозы относится к особой сфере исследований, которые посвящены изучению несимметричных отношений между формой высказывания и его содержанием.

Изучение речевого акта угрозы связано с анализом функционирования постулата «вежливости» в различных культурах, а также с теорией конфликтологии. Как разновидность вербальной агрессии угроза противоречит кодексу коммуникативного поведения и приводит к возникновению конфликта. Многие исследователи связывают угрозу с повелительностью, императивом, волеизъявлением. Являясь побудительным речевым актом, угроза функционирует как особый тип побуждения к действию (или бездействию), в котором заинтересован говорящий [3, с. 78].

В русском языке угроза это: запугивание, обещание причинить кому-то вред; возможная опасность [1, с. 689].

Во французском языке угроза это: *manifestation par laquelle on marque à qn sa colère, avec l'intention de lui faire craindre le mal qu'on lui prépare; signe par lequel se manifeste ce qu'on doit craindre de qch; indice d'un danger (menace de guerre, d'invasion; menace nucléaire, menace d'épidémie)* [2] 'открытое проявление гнева, направленного на кого-либо, с намерением заставить его бояться готовящегося для него зла.'

Анализ дефиниций показывает, что в речевом акте угрозы обязательно присутствуют адресант (on), адресат (à qn), при этом адресант выражает свой гнев (*marque sa colère*) и свое намерение (*l'intention*) воздействовать на адресата (*lui faire craindre*). Адресант вынуждает адресата выполнить (или не выполнить) какое-либо действие, идущее вразрез с интересами самого адресата или адресанта.

А. Ю. Маслова утверждает, что побуждение, содержащееся в угрозе, может выражать целый спектр прагматических значений [3, с. 82]:

категорический директив:

запрет: *Eléonore, arrête de te disputer avec ton père!* (Jean-Baptiste Del Amo) ‘Элеонора, перестань спорить с отцом!’

Данный пример позволяет сделать вывод, что запрет исходит от близких людей (мать адресует запрет дочери). Запрет выражен повелительным наклонением.

приказ: *Dépêchez-vous et apportez-moi le rapport que vous avez fait!* (Joël Dicker) ‘Поторопитесь и принесите мне отчет, который вы сделали!’

В данном примере приказ выражается формами повелительного наклонения. Он направлен от вышестоящего лица к нижестоящему.

нейтральный директив:

Pour une fois de ta vie, chuchota-t-il, ouvre les yeux et prends les choses au sérieux! (Marc Levy) ‘Хотя бы раз в жизни, прошептал он, открой глаза и начни воспринимать вещи всерьез!’

Нейтральный директив может быть адресован любому человеку, но его конфликтная сила не так велика, как у категорического директива, так как он содержит в себе меньшую степень побуждения.

смягченный директив:

просьба: *Eléonore, ne me force pas à rendre les décisions qui me navrent* (Jean-Baptiste Del Amo) ‘Элеонора, не заставляй меня принимать решения, которые меня огорчают’.

Просьба содержится во фразе, адресованной близкому человеку (дочери).

Смягченный директив обладает наименьшей конфликтной силой. Именно поэтому он используется в случае, когда адресант хочет достигнуть желаемого «мирным путем».

превентив (предостережение):

Si vous me regardez ainsi, je ne réponds pas de mes actes! (Franck Thilliez) ‘Если вы будете на меня так смотреть, я за себя не отвечаю!’

Превентив не является прямым выражением речевого акта угрозы. Адресант предостерегает адресата от совершения действия, которое может привести к реализации угрозы (*je ne réponds pas de mes actes* ‘я за себя не отвечаю’) [3, с. 84].

Интенция угрозы может быть выражена эксплицитно и имплицитно. Оба способа формирования интенции угрозы могут быть ориентированы на Я-позицию адресанта (угроза, выраженная с помощью местоимения «я») или Ты-позицию адресата (угроза, выраженная с помощью местоимения «ты») в процессе коммуникации [3, с. 80].

Эксплицитный способ выражения угрозы предполагает явную, не скрытую угрозу, которую адресат может легко распознать:

– *Attention! Je vous préviens une dernière fois. Ne t’approche pas, je te préviens pour la dernière fois.* (Franck Thilliez) ‘– Осторожно! Я предупреждаю в последний раз. Не приближайся ко мне, я предупреждаю тебя в последний раз’.

Повтор высказывания (*je te prévien*s), а также употребление неопределенного/определенного артиклей (*une dernière fois – la dernière fois*) подчеркивают серьезность намерений адресанта.

Имплицитный же способ выражения угрозы замаскирован и адресат не всегда может ее распознать:

Les étudiants ne doivent pas être en retard. La prochaine fois je ne laisserai pas passer ça ! (Karine Giébel) ‘Студенты не должны опаздывать. В следующий раз я этого просто так не оставлю!’

Особой спецификой обладает угроза-сообщение. Адресант, угрожая, смягчает или маскирует свою коммуникативную цель часто посредством перечисления действий, объяснением того, что могло бы произойти. Этим акцент смещается с собственно действия на его последствия в будущем [3, с. 81]:

– *Vous, madame, avez appris ce que vous ne devriez pas savoir. Jusqu’à la fin de l’enquête, vous ne pouvez pas quitter la ville, et si vous décidez de la quitter, je remuerai ciel et terre pour vous trouver.* (Karin Giébel) ‘– Вы, мадам, узнали то, что не должны были знать. До окончания расследования вы не можете покидать город, а если вы решите покинуть его, я переверну все вверх дном, чтобы найти вас’.

По мнению В. С. Третьяковой, среди языковых средств, «особо чувствительными» к конфликтному компоненту оказываются лексико-семантическая и грамматическая система. Ядром речевого акта угрозы является перформативный глагол *menacer* ‘угрожать’ и существительное *menace* ‘угроза’. Однако адресант маскирует угрозу и часто опускает этот глагол. Использование глагола *menacer* ‘угрожать’ может вызвать сопротивление собеседника и помешать говорящему добиться повиновения. Однако собеседник все же может догадаться об истинных целях говорящего [4, с. 37–41]:

– *Si tu ne te tais pas maintenant, tu le regretteras!*

– *Tu me menaces?*

– *Non, je te prévien*s. (Arthur Conan Doyle)

‘– Если сейчас не заткнешься, то пожалеешь!’

– Ты мне угрожаешь?

– Нет, я тебя предупреждаю’.

В большинстве своем агрессивные намерения адресанта выражаются глаголами:

нанесения удара: *battre* ‘бить’, *frapper* ‘ударять’, *écraser* ‘раздавить’, *bless*er ‘ранить’, *cogner* ‘ударять’ etc;

удаления объекта: *jeter* ‘швырять’, *se débarrasser de* ‘избавляться от’, *mettre à la porte (dehors)* ‘выставить за дверь’ etc;

повреждения объекта: *tirer les cheveux* ‘вырывать волосы’; *arracher les bras, les jambes, les oreilles, la tête* ‘отрывать руки, ноги, уши, голову’; *poignarder avec un couteau* ‘пырнуть ножом’; *dévisser la tête* ‘открутить голову’ etc;

отрицательного воздействия на объект: *montrer de quel bois on se chauffe* ‘показать где раки зимуют’, *punir* ‘наказывать’, *détruire* ‘уничтожать’, *liquider* ‘уничтожать’, *sanctionner* ‘ликвидировать’, *pénaliser* ‘расправиться’, *châtier* ‘качать’ *etc.*

На грамматическом уровне показателями угрозы являются синтаксические конструкции, среди которых наиболее важное место занимают конструкции с условным *si*. Такие высказывания состоят из условной части и части, в которой адресант выражает действие, которое может быть нанесено в ущерб адресату:

Si tu te conduis comme ça, je n'irai nulle part avec toi! (Mark Levy) ‘Если ты будешь себя так вести, я никуда с тобой не пойду!’

Такая угроза содержит действие, выполнение которого требует адресант: *Si tu te conduis comme ça* ‘Если ты будешь себя так вести’. Кроме того адресант указывает на действие, которое он может совершить в том случае, если адресат не выполнит его требование: *Je n'irai nulle part avec toi* ‘Я никуда с тобой не пойду’. Обе части высказывания выражают определенные причинно-следственные отношения: (Если) ты сделаешь X, (то) я сделаю Y, а это не в твоих интересах.

Существуют высказывания, где присутствует только одна из этих частей:

1) не выражено предполагаемое действие: *Si tu ne te fermes pas maintenant... – Alors souviens-toi: si je te revois un jour...* (Sébastien Japrisot) ‘– Если ты сейчас не заткнешься...– Запомни: если я увижу тебя когда-нибудь снова ...’. В таких случаях адресант не указывает, как он собирается реализовать угрозу. Тем самым он оставляет за собой право выбора любых средств ее реализации.

2) не выдвигается условие: *Je partirai sans toi!* (Mark Levy) ‘Я пойду без тебя!’ Говорящий только лишь называет действие, которое он может реализовать, если адресат будет настаивать на своем. Условная часть высказывания реализуется контекстом.

Нецензурная лексика является ярким сигналом выражения угрозы и понижения социального статуса адресата:

– *On devrait probablement tomber d'accord dans ce cas?*

– *Mon dieu, que tu es un trou du cul.* (Frédéric Beigbeder)

‘– Наверное, в этом случае мы должны договориться?’

– *Боже мой, какой же ты придурок’.*

Обращение также может выразить угрозу и усиливать эмоциональное воздействие на адресата, что дает возможность адресанту задействовать его основную аппелятивную функцию:

– *Si tu te conduis comme ça, je n'irai nulle part avec toi!*

– *Personne ne te l'a demandé, petit con.* (Frédéric Beigbeder)

‘– Если ты будешь так себя вести, я с тобой никуда не пойду!’

– *Тебя никто не спрашивал, дрянь’.*

Использование в обращении вместо имени собственного слов, имеющих уничижительное значение (*petit con*) понижает статус адресанта и делает речевой акт угрозы менее эффективным.

Речевой акт угрозы является самостоятельным речевым актом, обладающим своими особенностями и специфическими условиями успешности, имеющий крайне вариативные средства выражения в системе французского языка. Он включает в себя: принятие адресантом на себя обязательства совершить действие, идущее вразрез с интересами адресата; направленность данного действия на будущее; наличие потенциального ущерба/вреда от совершения действия для адресата, гарантом которого является адресант (инициатор угрозы).

Таким образом, угроза обладает определенным набором способов действий и лингвистических средств, которые способны указывать на цели и намерения говорящего. Выбор и реализация прямого и косвенного речевого акта угрозы ориентированы на достижение разнообразных коммуникативных задач и зависят от намерений говорящих.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. М. : Технологии, 2003. 944 с.
2. Larousse [Electronic resource]. URL: <https://www.larousse.fr> (accessed: 17.11.2021).
3. Маслова В. А. Введение в прагмалингвистику : учеб. пособие. М. : Флинта : Наука, 2004. 149 с.
4. Третьякова В. С. Лексические средства конфликтности в коммуникативном акте // Речевая агрессия в современной культуре. Челябинск, 2005. С. 37–41.

Галина Абрамовна Змудяк

кандидат филологических наук, доцент,

доцент кафедры фонетики и грамматики французского языка

УО «Минский государственный лингвистический университет»

Мурашко Анастасия Александровна

студент, УО «Минский государственный лингвистический университет»

Galina A. Zmudyak

PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor
of the Department of French Phonetics and Grammar, Minsk State Linguistic University
erophey@tut.by

Anastasiya A. Murashko

Student, Minsk State Linguistic University
nastamurashko13@gmail.com

А. А. Куц

Минск, Беларусь

ПОНЯТИЕ *ПОБЕДА* В НАЦИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА: ОЦЕНОЧНЫЙ АСПЕКТ

Статья посвящена исследованию семантики и функционирования языковых единиц, содержащих частнооценочные значения и называющих *победу* в русской, белорусской и английской языковых картинах мира. На основании корпусных данных русского, белорусского и английского языков проведено исследование специфики частных оценок в семантике единиц, обозначающих победу и функционирующих в текстах газетно-публицистического стиля. В результате анализа выявлены потенциальные частнооценочные значения, не зафиксированные словарями, указывающие на национальную специфику языковых средств, обозначающих победу.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *оценка, оценочность, частнооценочная лексика, частнооценочное значение, национальная языковая картина мира.*

A. A. Kuts

Minsk, Republic of Belarus

VICTORY AS A FRAGMENT OF THE LINGUISTIC WORLD IMAGE

The article is dedicated to the analysis of the semantics and functioning of language units containing private evaluation, that represent victory in the Russian, Belarusian and English world images. Based on the corpus data of the Russian, Belarusian and English languages, a study of the peculiarities of the private evaluation characteristics of victory in the texts of the newspaper style was conducted. As a result of the analysis, potential not recorded by dictionaries private semantic evaluative characteristics of victory have been identified. These private semantic evaluative characteristics of victory constitute the peculiarities in the linguistic world images.

К e y w o r d s: *evaluation, evaluativeness, private evaluation lexemes, private evaluation meanings, national linguistic world image.*

Оценка понятия *победа* социально и культурно обусловлена. Ее интерпретация зависит от норм, принятых в социуме. Национальная общность народа берет свои истоки и формируется на основании характерной для представителей определенного этнического сообщества системы национального мировоззрения и специфики мышления. Национальная языковая картина мира (НЯКМ) фиксирует специфику оценочного отношения определенного народа к предметам и явлениям окружающей действительности средствами языка на каждом определенном этапе развития народа. Оценка выражает личные мнения и предпочтения говорящих [1, с. 167], а оценочность определяется как свойство лексемы, ее потенциал. Оценочные слова – важный материал для обоснования прагматической концепции значения [2, с. 13–14]. Н. Д. Арутюнова выделяла среди лексем с оценочной семантикой единицы с общеоценочным (эксплицируют общую оценку,

аксиологический итог: *хороший, плохой*, а также их синонимы: *прекрасный, великолепный, чудесный, отличный, скверный* и т. д.) и частнооценочным значением (дают оценку одному из свойств предмета с определенной точки зрения) [3, с. 71]. В отличие от общеоценочной лексики, вопрос классификации частнооценочной лексики является предметом дискуссий. Основная классификация частнооценочной лексики представлена Н. Д. Арутюновой. В ней выделяются три основные группы: сенсорные, сублимированные и рационалистические оценки. Сенсорно-гедонистические оценки представлены как имплицитно, так и эксплицитно следующими признаками: *'приятный / неприятный'*, *'вкусный / невкусный'*, *'то, что нравится / то, что не нравится'*, *'хорошо / плохо'* и т. д. Интеллектуальные оценки характеризуются признаками: *'интересный / неинтересный'*, *'захватывающий / скучный'*, *'глубокий / поверхностный'*, *'умный / глупый'* и т. д. Эмоциональным оценкам соответствуют следующие признаки: *'радостный / печальный'*, *'весёлый / грустный'*, *'желанный / нежеланный, нежелательный'*, *'приятный / неприятный'* и т. д. Этические оценки реализуются через следующие признаки: *'моральный / аморальный'*, *'нравственный / безнравственный'*, *'благородный / подлый'*, *'допустимо / недопустимо'* и так далее. Признаки утилитарных оценок: *'полезный / вредный'*, *'благоприятный / неблагоприятный'*, *'плодотворный / неплодотворный'* и т. д. Телеологические оценки имеют следующие признаки: *'эффективный / неэффективный'*, *'целесообразный / нецелесообразный, бессмысленный'*, *'безнадёжный'*, *'удачный / неудачный'* [3, с. 75–76] и т. д. Частнооценочный признак в семантике лексем, репрезентирующих понятие *победа*, при функционировании единиц в современном тексте, выявляется в результате анализа сочетаемости с лексемой, в семантике которой присутствует оценка, а также при учёте анализа контекста и отношения человека к победе.

Сенсорно-гедонистические оценки фиксируются в случае возникновения ощущений, которые характеризуют вкусы и предпочтения субъекта оценки. Такие ощущения немотивированы и зависят от тонкости восприятия и глубины переживаний индивида [1, с. 176]. В описании НЯКМ одно из центральных мест занимают представления о локализации ощущений в человеческом теле: для каждого из физических и психических проявлений человека имеется определенный орган, являющийся местом их восприятия. Различие между конкретными языками заключается в специфике распределения ощущений на наивной «анатомической карте» человека [4, с. 155]. Так, согласно следующим примерам в русской ЯКМ, основным органом восприятия является зрение и его дополняют вкус, обоняние, в белорусской – зрение, нервная система в целом и вкус, в английской – только вкус, слух и обоняние.

Самым ярким моментом года признана победа национальной команды Беларуси на хакеі ў матчы групавога этапу чэмпіянат усвету [5]. Спартаку в перерыве удалось прийти в себя и продемонстрировать хоккей, который помогал совсем недавно красно-белым одерживать яркие победы,

в частности, над «Локомотивом» и «Сибирью» [6]. Как в русском, так и белорусском языках слово *яркий* употреблено в переносном значении ‘*производящий сильное впечатление убедительностью и выразительностью*’. Перенос основан на сходстве интенсивности приятных ощущений, испытываемых человеком от победы, подобно ощущениям от яркого света.

Поступающая через зрение информация не сводится лишь к цвету и свету. Она намного богаче, так как включает процедуры узнавания, классификации, интерпретации, установления причинных и иных связей: *На жаль, чым бліжэй фініш, тым больш «бліць»* [5]. Боль – это психофизиологическая реакция организма, возникающая при сильном раздражении чувствительных нервных окончаний в органах и тканях. В данном примере *боль* может в равной степени трактоваться как явление физиологического (чем ближе к ‘*финишу*’, тем более изнурён организм – человек страдает от неприятных болевых ощущений), так и психологического характера (чем ближе к ‘*финишу*’, тем более волнительно – человек страдает от неприятного эмоционального накала). В двух случаях они объединены общим компонентом значения – ‘*страдания*’: ‘*ощущение физического или нравственного страдания*’.

For some British writers, going to Berlin was a return to the London of the blitz. Here, Auden and Stephen Spender found the fruits of victory strange and bitter [7] ‘Для некоторых британских писателей поездка в Берлин была возвращением в Лондон времён блица. Здесь Оден и Стивен Спендер сочли (букв.) **плоды победы странными и горькими**’. Победа в военных действиях достигается путём многочисленных жертв и потерь. Послевоенная разруха, нищета после окончания второй мировой войны в Германии сравнивается с условиями, в которых оказалась Великобритания во время «Блица» – бомбардировки Великобритании авиацией гитлеровской Германии 1940–1941 года. Вся эта картина неприятна, вызывает отрицательные переживания, что нашло отражение в названии книги, а также в описании результатов победы лексемой «горько»: *bitter taste of victory* ‘горький вкус победы’, *bitter fruits of victory* ‘горькие плоды победы’. Так горечью называют неприятное ‘*тяжёлое чувство, вызываемое бедой, несчастьем, неудачей, обидой*’, которое испытывают, когда сильно сожалеют, несчастны или опечалены, разочарованы в произошедшем.

Интеллектуальные оценки – один из видов психологических оценок – актуализируются для выражения умственной деятельности, внутренних способностей, результатов умственно-творческого труда [1, с. 177].

И победа глубокая. Ей даже ветер удачи помогал несильно. И не смотрите, что мячик за две секунды до окончания финала подпрыгнул после броска Джона Роберта Холдена на дужке и вроде как подумал мгновение, падать ли ему в цель. До того-то мяч Холдену изменил в паре-тройке фирменных его проходов и теперь лишь вернул должок [6]. Здесь, *глубокая победа* означает победу, которая отличается глубиной содержания, продуманностью действий, исполненных со знанием дела, мастерски. Далее по

тексту идёт указание на отсутствие фактора удачи при достижении победы. Это подчёркивает, что победе способствовали именно знания и умения человека.

Trimble, 26, studying for a doctorate in Latin literature, has been called the greatest contestant the competition has ever seen, an 'intellectual blitzkrieg'. Paxon even sat up and raised an eyebrow at one point in an earlier round [7] '26-летний Тримбл, который учится в докторантуре по специальности «Латинская литература», был назван величайшим участником конкурса, который когда-либо видел свет, «интеллектуальный блицкриг». Паксман даже присел и приподнял бровь в какой-то момент в предыдущем раунде'. Блицкриг – метод ведения скоротечной войны, согласно которому победа достигается в короткие сроки, до того, как противник сумеет мобилизовать и развернуть свои основные военные силы. Таким образом, в словосочетании *intellectual blitzkrieg* 'скоротечная интеллектуальная победа' на аналитические оценки указывает признак *intellectual* 'интеллектуальный'. Такая победа вызывает восхищение и за ней интересно наблюдать, так как она досталась благодаря особым умственным способностям.

Эмоциональная оценка может описывать как внутреннее состояние, так и внешнее выражение внутреннего состояния, волевые особенности человека: проявление гнева, бунта, несогласия, эмоциональное ощущение радости или грусти, тоски по чему-либо, сочувствия, любви или ненависти, презрения или уважения [1, с. 179]. Победа – это такое событие, которое само по себе сопровождается эмоциональным всплеском общественности и участников этого явления. Поэтому тексты газетно-публицистического стиля изобилуют лексемами, характеризующими эмоциональное состояние людей, достигших победы и ощутивших ее на себе. Такие лексемы зачастую содержат положительно оценочные элементы. *Например, Максим Блем: «Положительные эмоции – это каждая победа, и то, что есть люди, которые в нас верят и от команды не отворачиваются» [6].*

Але ў барысаўчан ёсць адна вельмі добрая якасць: каманда можа прыемна здзіўляць. І не толькі сваіх прыхільнікаў, але і ўсю футбольную Еўропу. Так было ў 2012–м, калі каманда перайграла французскі «Ліль» і нямецкую «Баварыю» [5]. Быть «приятно удивлённым» означает находиться в состоянии изумления, вызванном сильным эмоциональным впечатлением от чего-либо необычного, неожиданного, странного, непонятного.

Этические оценки возникают в результате удовлетворения / неудовлетворения нравственного чувства. Это оценки соответствия нормам и правилам поведения, морали какого-либо сообщества [1, с. 182].

Удивительно, что даже такой автор, как Дмитрий Быков, критикует Уинстона Черчилля за «старт» холодной войны. Фултонская речь была выдержана в сдержанных тонах. В ней бросается в глаза и глубокая симпатия к советскому народу – победителю, и даже неподдельное уважение к «мар-

шалу Сталину, соратнику военных лет» [6]. В контексте реализуется положительная этическая оценка, на которую указывает признак ‘глубина’ к доблести и мужеству, стойкости и отваге советского народа – победителя.

Чаго вартая перамога над слабым нікчэмным праціўнікам [5]. Победа над слабым противником с этической точки зрения оценивается отрицательно. В белорусской НЯКМ бороться и одерживать верх над противником, который уступает по силе и физическим характеристикам, считается аморально и безнравственно.

Western countries often make foreign aid conditional on human rights and have even launched military interventions based on human rights violations. Many people argue that the incorporation of the idea of human rights into international law is one of the great moral achievements of human history [7] ‘Западные страны часто ставят иностранную помощь в зависимость от соблюдения прав человека и даже начали военные интервенции, основанные на нарушениях прав человека. Многие люди утверждают, что возведение закона по правам человека на международный уровень является одним из величайших моральных достижений в истории человечества’. В тексте реализуется положительная этическая оценка. Придание закону по правам человека статуса международного уровня приравнивается к одному из величайших достижений с точки зрения морали и оценивается положительно.

Утилитарные оценки имеют отношение к практической жизни человека: его практической деятельности, интересам и повседневному опыту. Основными критериями утилитарных оценок являются «польза», а также соответствие результата поставленной цели, степень реализации той или иной функции в соответствии с установленным стандартом [8, с. 87].

Отличие семантики гедонистического оценочного слова «хорошо» от утилитарного заключается в том, что гедонистическое оценочное слово не включает в себя признак цели «оно несёт награду в самом себе» [3, с. 77]: *Добра, што мы перамагли, што мы маем гэтую перамогу, але лепш, каб не было гэтай вайны і гэтых перамог цаной жыцця мільёнаў чалавек* [5]. ‘*It’s my greatest ever achievement,*’ I say. ‘Это мое величайшее достижение, – говорю я’ [7]. В этих примерах описываются ощущения, основанные на положительных переживаниях. В конструкциях утилитарной оценки оценочное слово актуализирует отношение между средством и целью. «Утилитарное добро целенаправленно» [3, с. 77]: – *У мяне крыху змешаныя пачуцці ад гэтага матча. Мы добра згулялі ў абароне, аднак я не вельмі задаволены нашай гульнёй у атацы. Перамога – гэта добра. Але каб паспяхова выступіць у Лізе чэмпіёнаў, неабходна рабіць больш* [5]. В данном случае «перамога» выступает в качестве средства, а целью является прохождение и игра в лиге чемпионов. Указание на цель перетягивает оценочное слово из начальной позиции, соответствующей автономному (относящемуся к ощущениям) предикативу, в серединную, соответствующую реляционному предикату.

Телеологические оценки антропоцентричны и связаны с практической деятельностью, практическими интересами и повседневным опытом чело-

века. Основным объектом телеологических оценок являются целенаправленные действия индивида, группы или общества. Основанием оценки выступает полученный или планируемый результат действия с позиций направленности на определенную цель, достижения/недостижения определенной цели, перспектив относительно достижения/недостижения цели [3, с. 17, 58; 8, с. 87].

Ошеломляющие итоги 10-летней кампании альянса в Афганистане и бессмысленная победа в Ливии ставят вопрос об эффективности миллиардных затрат на содержание блока [6]. В тексте победа оценивается отрицательно. На это указывает признак ‘бессмысленный’. Бессмысленность вытекает из неэффективности. Победа характеризуется как бессмысленная, результат не соответствует цели.

Паказчык эфектыўнай работы школ – перамогі навучэнцаў на прадметных алімпіядах. Толькі летась каманда раёна заваявала 77 прызаваых месцаў у абласным этапе рэспубліканскай алімпіяды [5]. Согласно контексту, эффективная работа приводит к победам, к достижению поставленных целей.

Понятие *победа*, как фрагмент НЯКМ представляет собой совокупность знаний и представлений нации, которые находят объективацию средствами конкретного языка, что позволяет выявлять их специфику относительно других языков. Установлено, что лексемы, объективирующие понятие *победа*, актуализируют ту оценку, содержащуюся в семантике языковых единиц, с которыми она вступает в синтагматические отношения. Структурные компоненты оценки представлены в высказывании в частнооценочных прилагательных, а также содержатся в имплицитной форме и выводятся из контекста с учётом экстралингвистических условий употребления. Так, *победа* в русском, белорусском и английском современных текстах характеризуется целым спектром частных оценок, которые связываются с выражением сенсорно-гедонистического, интеллектуального, эмоционального, эстетического, утилитарного и телеологического отношения субъекта к характеризруемому событию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Романовская А. А. Античная символика и ее семантико-прагматические функции в современном художественном тексте. Минск : МГЛУ, 2013. 308 с.
2. Арутюнова Н. Д., Падучева Е. В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1985. Вып. 16. С. 14–42.
3. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт / отв. ред. Г. В. Степанов ; АН СССР, Ин-т языкознания. М. : Наука, 1988. 339 с.
4. Плунгян В. А. К описанию африканской «наивной картины мира» (локализация ощущений и понимание в языке догон) // Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991. С. 155–160.
5. Беларускі N-корпус [Электронный ресурс]. URL: <https://bnkorporus.info>. (дата обращения: 22.06.2016).

6. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 22.06.2016).

7. The Guardian [Electronic resource]. URL: <https://www.theguardian.com/uk-news/> (accessed: 24.06.2020).

8. Романовская А. А. Системная организация лексики: взаимодействие дескрипции и оценки. Минск : МГЛУ, 2013. 131 с.

Александра Александровна Куц
аспирант кафедры славянских языков
УО «Минский государственный лингвистический университет»

Aliaksandra A. Kuts
PhD Student of the Department of Slavonic Languages
Minsk State Linguistic University
sashenka_brest@tut.by

УДК 81'27'42

А. С. Солодилина, Е. П. Маюк
Минск, Беларусь

ЯЗЫКОВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ВЕЖЛИВОСТИ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ

Устанавливается языковая специфика реализации коммуникативных тактик позитивной вежливости. Репертуар языковых средств – положительная эмоционально-окрашенная лексика, грамматические конструкции и параграфемные элементы – способствует формированию симпатии реципиента к адресанту, что обеспечивает доброжелательные отношения между участниками интеракции в сети.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *коммуникативные тактики, вежливость, Интернет-дискурс, социальная сеть.*

A. S. Saladzilina, E. P. Maiuc
Minsk, Belarus

LANGUAGE IMPLEMENTATION OF COURTESY IN THE SOCIAL NETWORK

The linguistic specificity of the positive politeness communicative tactics implementation is established. The repertoire of linguistic means – positive emotionally colored words, grammatical structures and paragraph elements – contributes to the formation of the recipient's sympathy for the addressee which ensures friendly relations between the participants in network interactions.

К e y w o r d s: *communicative tactics, politeness, Internet discourse, social network.*

В настоящее время известно, что язык выступает в качестве сложной системы знаков, которая в полной мере реализует себя в акте речи. Речевое общение признается одним из важнейших видов человеческой деятельности и поэтому давно является предметом исследования различных научных дисциплин.

Для того, чтобы речевой акт протекал бесконфликтно и доброжелательно, в нем необходимо присутствие элемента вежливости, который представляет собой одну из базовых составляющих межличностного общения. На наш взгляд, категория вежливости является ведущей категорией, овладение которой ведет к успешной организации межличностных отношений и достижению личных или групповых интересов.

Принцип вежливости, разработанный Дж. Личем, регулирует собственно речевое поведение и соотносится с иллокутивной силой высказывания. С одной стороны, данная коммуникативная категория рассматривается как способ социального воздействия. С другой стороны, вербальная вежливость связана с использованием собеседниками определенных формул и выражений, способствующих эффективному общению. Уместное использование этих языковых средств участниками интеракции говорит о наличии так называемой коммуникативной компетенции, которая является, по сути, способом регулирования взаимоотношений между коммуникантами [1, с. 28].

Вежливость реализуется в речи определенным набором лексико-грамматических и просодических средств, основной целью использования которых является достижение положительного коммуникативного эффекта [2, с. 115]. Это значит, что в процессе вербализации речевых стратегий вежливости собеседники опираются на общепринятые языковые средства [3, с. 155–156].

Вслед за О. И. Иссерс, мы полагаем, что любые речевые тактики и стратегии в самом общем смысле включают в себя планирование процесса коммуникации в зависимости от конкретных условий интеракции и личностей коммуникантов, а также подразумевают использование определенных языковых ресурсов для реализации замысла [4, с. 21]. Исходя из этого, мы можем говорить о том, что категория вежливости во многом зависит от ситуации общения, т.е. от контекста.

Категория вежливости может быть реализована не только в условиях реального общения между людьми, но также находит свое воплощение на просторах глобального Интернет-пространства. Общение в сети Интернет стало неотъемлемой частью социальной деятельности современного человека. Это связано с ростом популярности различных социальных сетей и развлекательных ресурсов. Сегодня практически невозможно представить современного человека, который не был бы участником Интернет-общения в той или иной степени. Однако Интернет-опосредованная коммуникация во многом отличается от других видов взаимодействия между людьми. Ее основными специфическими характеристиками являются: свободный стиль общения, анонимность (или, иными словами, незнание личности адресата), а также отсутствие строгих грамматических правил. Эти особенности необходимо принимать во внимание, поскольку они позволяют избежать возможных нарушений принципа вежливости при выстраивании доброжелательных и взаимовыгодных отношений посредством виртуального диалога в социальной сети Инстаграм.

Цель исследования заключается в выявлении языковой специфики реализации вежливости в социальной сети. Объектом исследования выступает Интернет-дискурс как особое коммуникативное пространство. Предметом данной статьи является функциональный потенциал прилагательных, актуализирующих вежливость в Инстаграм. В качестве фактического материала выступили публикации на русском языке, извлеченные методом сплошной выборки из официальных аккаунтов белорусских компаний в сети Инстаграм. Общий объем контента составил 100 сообщений.

Сообщения в социальной сети Инстаграм характеризуются наличием выявленных ранее коммуникативных тактик вежливости и, следовательно, требуют определенной лексической организации. В качестве отличительных черт выступает использование языковых единиц для определенных коммуникативных ситуаций, применение соответствующего стиля языка и отбор необходимых частей речи, что позволит успешно взаимодействовать с потенциальными клиентами и одновременно достигать поставленных целей и интересов компании. Рассмотрим каждую из этих характеристик подробнее.

Публикации в сети Инстаграм обладают определенной лексико-тематической направленностью, т.е. их содержание и одновременно наполнение во многом зависят от контекста, в рамках которого осуществляется достижение коммуникативной цели. Принято выделять три основных цели любого общения: информировать, убедить или развлечь. Опираясь на эти три базовые цели, мы выявили следующие наиболее часто встречающиеся коммуникативные ситуации, когда белорусские компании активно применяют речевые тактики вежливости:

- презентация или реклама нового товара (услуги);
- начало акции;
- проведение официальных конкурсов от имени компании;
- информирование о достигнутых результатах (награды, грамоты и т.п.);
- поздравление от лица компании с всенародным праздником;
- предложение поучаствовать в мастер-классе от специалиста в конкретной сфере.

Ознакомившись с приведенными выше ситуациями общения, мы можем отметить, что организации строят свои сообщения, ориентируясь на целевую аудиторию, что, несомненно, повышает успех от процесса интеракции и помогает достичь желаемого результата.

Тексты публикаций насыщены прилагательными, которые делают их красочными и запоминающимися для читателей. Наличие большого количества оценочной лексики в текстах благоприятно влияет на покупательское поведение и побуждает клиентов к действию. Нами были выявлены прилагательные, которые условно можно поделить на четыре группы в зависимости от значения: эмоционально-оценочные прилагательные, перцептивные прилагательные, прилагательные эксклюзивности, а также прилагательные, описывающие качественные характеристики товара.

Во всех случаях эмоционально-оценочные прилагательные (36,6 %) не несут семантической нагрузки (кроме семы положительной оценки): *любимый, идеальный, вдохновляющий, шикарный, крутой* и т.п. Они выступают как один из способов воздействия на поведение потребителя и настраивают его на положительное восприятие преподносимой информации:

*Люди делятся на два типа: одни от фразы «запеченный бутерброд» вздрагивают, у других просыпается аппетит! Если вы относитесь ко второму типу – вот **быстрый и простой** рецепт. А у вас есть **любимый** рецепт горячих бутербродов [5]?*

*Поздравляем тебя с Международным женским днём, наша **дорогая, любимая, прелестная** и такая **красивая** подписчица [6]!*

Перцептивные прилагательные (15,4 %), обозначающие вкусовые качества товара, находятся на втором месте по частотности использования: *пикантный, сладкий, ароматный, воздушный, нежный, таящий во рту, сочный, аппетитный, райский* и т.п. Компании «Савушкин продукт» и «Макдональдс» активно включают данные прилагательные в тексты своих публикаций, поскольку они функционируют в сфере производства продуктов питания. Это позволяет акцентировать внимание на вкусе их продукции, подчеркнуть его неповторимость и оказать воздействие на нашу базовую биологическую потребность в пище.

*Каждому – по Биг Тейсти. Знаменитый бургер с дымком теперь и в новом размере: Джунитор Биг Тейсти и Двойной Биг Тейсти! Ни больше, ни меньше. **Ароматный** соус, **подчеркивающий вкус сочного** бифштекса, сыр Эмменталь, **свежие** овощи и **нежная** булочка [7].*

***Воздушный** творожок «Савушкин» черника-ежевика и со вкусом манго. **Нежный** и просто **тающий во рту** [5].*

Одним из самых важных психологических феноменов, который компании применяют в своих стратегиях, является желание человека получить то, что по сути кажется недостижимым. Эффект эксклюзивности, который достигается вкраплением в тексты публикаций имен прилагательных с таким значением (10 %), помогает добиться большего успеха: *необычный, несравненный, уникальный, легендарный, лимитированный, секретный, эксклюзивный* и т.п. Влияние эксклюзивности основано на принципе дефицита. Как и закон спроса и предложения, принцип дефицита утверждает, что чем недоступнее вещь, тем она ценнее. Уникальная вещь вызывает у человека непреодолимое любопытство и сильнейшее желание выяснить, что он потеряет, упустив ее:

*Друзья, больше не можем молчать! Теперь в определенных локациях будут появляться **ЭКСКЛЮЗИВНЫЕ** купоны!*

*Для красивого и сладкого праздника мы подготовили **уникальный** праздничный купон!*

***Секретная** информация только для любимых подписчиц: в @markformelle появилась невероятно классная белоснежная сорочка из полисатина, которую ты наверняка захочешь заполучить [6]!*

Наименее встречающимися являются прилагательные, актуализирующие качество товара (9,8 %), т.е. его физические свойства, такие как практичность, удобность, материал, цена: *натуральный, качественный, практичный, выгодный, комфортный, приятный, стильный* и т.п. Такая тенденция обусловлена тем, что только одна из выбранных нами компаний занимается производством одежды – ООО «Mark Formelle».

Гарантируем: ты отдашь своё сердце этой пижамке окончательно и бесповоротно! Ведь она сочетает в себе всё, что ты так любишь:

- *романтический принт в мелкие сердечки;*
- *невероятно **приятный и натуральный** материал – 100 % вискозу;*
- ***практичный** оттенок зелёного цвета, по которому мы так соскучились за зиму [6].*

Однако эти прилагательные встречались также в текстах публикаций компании ОАО «Савушкин продукт», указывая на качество продукции с точки зрения исходного сырья, из которого компания производит свои товары:

Отвечаем на распространённые вопросы о сыре!

*1. Из чего производят **натуральный** сыр?*

*– Основные компоненты: **качественное** молоко, сычужный фермент или химозин, закваска, поваренная соль.*

<...>

*4. Какое молоко используется в производстве **натурального** сыра?*

*– Только отборное и **качественное** молоко, прошедшее все лабораторные проверки.*

5. Почему сыр желтого цвета?

*– Сыр желтого цвета из-за кормления коров зелеными кормами. В зимнее время коров могут кормить сухими кормами, поэтому сыр, произведенный в это время года, может быть чуть светлее. Также может добавляться в незначительных количествах **натуральный** краситель растительного происхождения – аннато.*

*Давайте поговорим о десертах! К чаю всегда хочется чего-нибудь «вкусненького». Один из полезных вариантов – это глазированные сырки! Сырки «Савушкин» – это молочные десерты, изготовленные из **свежего отборного** молока с добавлением **натуральных** компонентов [5].*

Несмотря на тот факт, что для белорусской среды общения привлечение внимания за счет преувеличения и интенсификации менее характерно из-за некоторых культурных особенностей коммуникативного поведения, нами были выявлены грамматические суперлативы прилагательных (28,2 %), репрезентирующие категорию вежливости. Благодаря этим формам компания демонстрирует особое отношение к своим клиентам и предлагает только качественный товар или услугу: *вкуснейший, нежнейший, самые интересные, самый необходимый, лучший, самый узнаваемый, наиприятнейший, самый крутой, сочнееший, самый яркий* и т.п. Эти прилагательные вносят семантику предельной степени признака и употребляются как лексико-стилистический прием, усиливающий влияние текста:

Самых шикарных ждет репост [6]!

Бреста – родины нашего сегодняшнего путешественника – вкуснейшего йогурта «Апети» [5].

...хрустящая шоколадная глазурь с нежнейшим творогом, которые придутся по вкусу даже самым искушенным гурманам [5]!

Ну а прямо сейчас мы уже начинаем задумываться, кого из участниц мы пригласим на самую необычную вечеринку года – нашу ВРА-вечеринку [6]!

Представленные выше результаты исследования свидетельствуют о том, что одной из характерных черт вербализации коммуникативной стратегии вежливости белорусскими компаниями является эмоциональная окраска общения. Передача эмоций в публикации реализуется с помощью прилагательных, которые помогают компании осуществить «коммуникативный подарок» и выразить заботу о клиентах. Более того, экспрессия и преувеличение, воплощаемые этой частью речи, открывают перспективу образа, преподносимого в тексте поста. Следовательно, прилагательные играют важную роль в вербальном выражении речевой стратегии вежливости, делают общение компании более красочным, запоминающимся и привлекательным для целевой аудитории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Туфанова Ю. В. Лингвистическая вежливость как способ сохранения баланса интересов коммуникантов в речевой ситуации извинения // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 11. С. 102–106.
2. Тюрина С. Ю. Дискурсивные маркеры вежливости в деловом общении // Вестник ИГЭУ. 2008. № 1. С. 92–95.
3. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации. Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М. : Рукопис. памятники Древ. Руси, 2009. 260 с.
4. Иссерс О. С. Речевое воздействие : учеб. пособие для студентов, обучающихся по специальности «Связи с общественностью». М. : Флинта : Наука, 2011. 224 с.
5. Савушкин продукт [Электронный ресурс] // Instagram. URL: https://www.instagram.com/savushkin_product/ (дата обращения: 10.09.2021).
6. Mark Formelle [Электронный ресурс] // Instagram. URL: <https://www.instagram.com/markformelle/> (дата обращения: 15.09.2021).
7. McDonald's Belarus [Электронный ресурс] // Instagram. URL: https://www.instagram.com/mcdonalds_belarus/ (дата обращения: 16.09.2021).

Елена Павловна Маюк

кандидат филологических наук, доцент,

доцент кафедры речеведения и теории коммуникации

УО «Минский государственный лингвистический университет»

Анастасия Сергеевна Солодилина

студент, УО «Минский государственный лингвистический университет»

Elena P. Maiuc
PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Speech Studies
and Communication Theory, Minsk State Linguistic University
leaka@tut.by

Anastasiya S. Saladzilina
Student, Minsk State Linguistic University
anastasia.solodilina@yandex.by

УДК (811.112.2+811.161.1)'42

А. В. Сытько
Минск, Беларусь

**ДЕОНТИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ С МЕНТАЛЬНЫМИ ГЛАГОЛАМИ
В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ**
(на материале немецкого и русского языков)

Статья посвящена анализу семантических характеристик деонтических конструкций с ментальными глаголами в политическом дискурсе в немецком и русском языках. Установлено, что дискурсивные факторы детерминируют определенный набор процессуальных ментальных глаголов. Доминирование единичных глаголов обусловлено их семантической диффузностью в модальной конструкции. Выявлено, что конструкция с ментальным глаголом претерпевает семантические модификации, обусловленные ее синтагматикой, и обогащается поведенческой семантикой, что требуется предметной областью политического дискурса.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *деонтическая конструкция, пропозициональный глагол, ментальный глагол, политический дискурс, акциональность.*

A. W. Sytko
Minsk, Belarus

**DEONTIC CONSTRUCTIONS WITH MENTAL
VERBS IN POLITICAL DISCOURSE**
(based on German and Russian languages)

The article is devoted to the analysis of the semantic characteristics of deontic constructions with mental verbs in political discourse in German and Russian. The study shows that discursive factors determine a certain set of procedural mental verbs. The dominance of only some nuclear verbs is due to their semantic diffuseness in the modal construction. It is revealed that the construction with a mental verb undergoes semantic modifications, enriching with the current semantics, due to its syntagmatics, which is required by the subject area of political discourse.

К e y w o r d s: *deontic construction, propositional verb, mental verb, political discourse, actionability.*

Господствующая сегодня в лингвистике коммуникативная парадигма обуславливает неослабевающий интерес к исследованию дискурса, под которым понимается воздействующий на общественное и индивидуальное сознание коммуникативный процесс, идеологически ограниченный. Дискурсив-

ный подход к анализу функционирования семантических категорий ведет к дальнейшему выдвигению на передний план модальной проблематики. Любая модальность отражает социальные отношения специфическим способом и по-разному артикулируется дискурсами. Лингвистические средства реализации любой категории относятся к числу социокультурно маркированных единиц. Они «проясняют способы, которыми тексты “трактуют” события и социальные отношения, и, как следствие, конструируют определенные версии реальности, социальной идентичности и социальных отношений» [1, с. 135–143].

В статье мы обращаемся к исследованию особой формы институциональной коммуникации, а именно *политического дискурса*. Все политические тексты объединены общим мета-концептом, а именно властью, которая понимается как «способность и возможность оказывать определенное воздействие на деятельность, поведение людей» [2, с. 61]. В его контексте политические деятели доказывают жизнеспособность и перспективность своего политического курса, артикулируя в конкурентной борьбе на политическом рынке свои социальные притязания, интересы, ценностные ориентации. Представляя сильнейшее средство воздействия на массовое сознание, политический дискурс играет существенную роль в становлении ценностных ориентаций общества: он не просто информирует адресата, но меняет и формирует его политические взгляды и позиции, убеждает аудиторию в определенных приоритетах с целью достижения согласия. Ценностные установки политического дискурса позволяют адресату не только идентифицировать «свое» и «чужое», но и определять *значимое* и *нормативно-должное*, что обуславливает обращение к анализу *деонтического плана* данного институционального общения.

Ядерным – максимально открытым для распознавания адресатом – деонтическим средством выступает деонтическая конструкция. С ее помощью политик информирует о действиях, выгодных с позиции удержания власти. Деонтическая конструкция представляет собой структурно-семантическое целое, вариативно наполняемое и включающее обязательные компоненты (*деонтический маркер*, т.е. эксплицитный индикатор деонтической модальности, *деонтический субъект* и *инфинитив пропозиционального, смыслового, глагола*).

Обращение к немецкоязычному и русскоязычному политическому дискурсу показывает, что минимальной употребительностью характеризуются конструкции с пропозициональными глаголами ментальной семантики. Несмотря на этот факт, подобные деонтические конструкции играют важную роль в политической коммуникации, где говорящий постоянно анализирует текущую ситуацию, чаще всего *проблемную*, и для удержания власти указывает на способ ее решения: сообщает о «политически правильных» действиях [ср. 3]. В случае конструкций с ментальными глаголами речь идет о необходимом первом шаге, предваряющем действие, о предпосылке к действию, поскольку политическое решение еще не найдено.

Целью статьи является выявление семантических характеристик деонтических конструкций с ментальными глаголами в ядерном жанре политического дискурса, политическом выступлении, в немецком и русском языках. Материалом послужили представленные на официальных сайтах¹ транскрипты устных выступлений политических деятелей, произнесенных в условиях непосредственного контакта между оратором и слушателями. Выборки в двух языках являются эквивалентными по количеству словоупотреблений (398 000). Общее количество деонтических конструкций составило 1 500 конструкций в немецкоязычном дискурсе и 2 720 структур в русскоязычном материале. Структуры с пропозициональными глаголами ментальной семантики, составившие выборку для настоящего анализа и послужившие объектом исследования, зафиксированы в 7 % и 9 % соответственно.

Семантическое поле ментальных глаголов, или глаголов интеллектуальной деятельности, весьма неоднородно. Их семантические отношения формируются благодаря ряду семантических дихотомий, основанных на разных критериях. Наличие/отсутствие в семантике значения направленности на результат дает оппозицию ментальных действий и ментальных состояний, или стативности/активности, или процесса/состояния [см. 4; 5]. Рассмотрение глаголов с позиции разного ментального модуса (знание-полагание) приводит к противопоставлению глаголов по фактивности (*знать/wissen*) и путативности (*думать, считать/glauben, finden, denken, meinen*) [см. 4; 6]. Выбор в качестве критерия типа вводимых ментальными глаголами суждений позволяет выделить глаголы, вводящие собственно оценочные суждения, и глаголы, вводящие оценки-предположения [7]. Отдельно можно представить оппозицию процесс-результат, поскольку существует класс ментальных глаголов, «указывающих на ментальное состояние в результате предшествующей деятельности или внезапного озарения (*узнать, догадаться, понять*)» [см. 4, с. 31]. Учитывая тот факт, что оппозиция процесс/состояние охватывает все ментальные предикаты, а не определенный семантический класс, в данной статье мы будем ссылаться на нее.

Подчеркнем разное членение семантико-тематического поля ментальных глаголов в рассматриваемых языках, компактность и единообразие немецких единиц, многообразие глаголов и наличие видовых пар в русском языке. Использование в русском языке совершенного вида ментального глагола свидетельствует об однократности действия, несовершенного — о многократности.

Уже на этапе отбора модальных конструкций с ментальными глаголами наблюдается дискурсивная «фильтрация» единиц, используемых в деонтических структурах. Акционально-практический характер политического дискурса обуславливает доминирующую позицию глаголов ментальных действий (т.е. активных глаголов), что свидетельствует о том, что модальная

¹ На официальных сайтах: Президента РФ <http://www.kremlin.ru/events/president>, Президента ФРГ <http://www.bundespraesident.de> и Канцлера ФРГ <https://www.bundeskanzlerin.de>.

ситуация, в которой выражается отношение к ментальному действию, является контролируемой. Набор глаголов в дискурсе ограничен, в него входят единицы, относящиеся к ядерным глаголам интеллектуальной деятельности и указывающие на мышление как процесс или на понимание как результат события: *подумать/продумать/überlegen*, *посмотреть/schauen*, *думать/denken*, *понимать/понять/verstehen*, *иметь в виду/учитывать/berücksichtigen*, *решить/решать/принять решение/определиться/entscheiden*, *принимать во внимание/achten/aufpassen*, *разобраться*, *предусмотреть*, *анализировать*, *проанализировать*, *ernst nehmen* ‘относиться серьезно’.

Наиболее употребительными оказываются единичные глаголы. В немецкоязычном материале в 50 % выборки с ментальными глаголами отмечены две лексемы: глагол *aufpassen* ‘обращать(-тить) внимание/учитывать/следить’ и его синоним *achten* ‘обращать внимание/учитывать/думать’. В 35 % конструкций в русском языке употребляются глаголы понимания (*понимать* и его синонимы *учитывать/учесть*, *иметь в виду*). В 28 % конструкций зафиксирован глагол *подумать* (в значении ‘прийти к какой-л. мысли, какому-л. мнению’) и его синоним *посмотреть* (в значении ‘подумать, проверить, убедиться на опыте’). В немецком языке эквивалентные лексемы *denken/überlegen* ‘подумать’ и *schauen* ‘посмотреть/подумать/проверить’ используются в 40 % выборки.

Отметим, что глагол *думать/denken* в политическом тексте реализует свое активное значение: целенаправленный процесс мышления по поводу чего-то.

Глагол *знать/wissen* встречается лишь спорадически, в менее 1 % структур с ментальными глаголами, где он реализует свой ЛСВ «понимать»:

Д. А. Медведев: *Сейчас другая пора. Ответственность властей всех уровней возрастает многократно. И нужно не просто знать ситуацию на местах, ориентироваться в ней, но и формировать новые стандарты поведения в такой ситуации, проявлять инициативу, привлекать к работе общественные организации, экспертов, молодых специалистов – вообще все лучшие творческие силы.* (13.03.2009)

Семантика деонтических конструкций с ментальными глаголами характеризуется семантическим синкретизмом и семантической диффузностью, что позволяет интерпретировать их в политическом контексте как окказиональные функциональные эквиваленты лексемы *решить*. Например:

В. В. Путин: *Что касается вот этих крупных отходов (телевизоры, холодильники и другая крупная техника), надо подумать. Я не говорю, что нужно сейчас вводить немедленно. Надо подумать, чтобы не обременять, конечно, экономику и производителя, но тем не менее у нас в отрасли существует же утилизационный сбор, <...>. Вот здесь надо подумать, не спеша только и без всякой суеты. Но очень важное направление, с этим полностью согласен и всячески готов поддерживать.* (25.12.2017)

В политическом дискурсе как сфере предметно-практической деятельности деонтические конструкции обогащают ментальную семантику глаголов значением практической деятельности, например: *нужно понимать/учитывать* = *нужно вести себя аккуратно, взвешенно; отдавать себе отчет*. Ср.:

А. Merkel: *an diesen Beispielen habe ich Ihnen aufgezeigt, dass wir sehr aufpassen müssen, in dem harten Wettbewerb, dem wir ausgesetzt sind, unsere Wettbewerbsfähigkeit nicht aufs Spiel zu setzen* (24. 10. 2012). ‘Используя эти примеры, я показала вам, что мы должны быть очень осторожны/хорошо подумать, чтобы не поставить под угрозу нашу конкурентоспособность в жесткой конкуренции, с которой мы сталкиваемся’.

Модификация в сторону поведенческой семантики обусловлена синтагматикой конструкции. Деонтика «целенаправленна, она “ищет средства” для достижения некоторой цели», поэтому деонтическая модализация ментального глагола предполагает введение обстоятельств цели» (ср. [9, с. 10]). Рассматриваемые конструкции указывают на задачу, поставленную перед политическими агентами, подчеркивая, с одной стороны, необходимость времени на обдумывание/понимание/решение, с другой стороны, целенаправленность мыслительных усилий. Правый контекст (элиминированного или выраженного дополнительным придаточным либо номинацией действия) указывает на объект ментальных усилий, на то, что требуется практическое действие. Он разворачивается следующим образом: *надо подумать* = *надо подумать, что сделать, чтобы Р (осуществить нечто)*. Ср.:

В. В. Путин: *Сегодня нам нужно подумать и о подъёме обширных территорий Центральной и Восточной Сибири, подготовить и хорошо просчитать, согласовать план развития*. (07.06.2019)

А. Merkel: *Deshalb müssen wir überlegen, wie eine unabhängige Bankenaufsicht geschaffen werden kann, die nicht von nationalen Interessen geleitet wird* (15. 06. 2012). ‘Поэтому мы должны подумать о том, как можно создать независимый банковский надзор, который не руководствуется национальными интересами’.

Д. А. Медведев: *Надо подумать всё-таки, стоит ли нам такое количество учреждений сохранять с термином «олимпийский»?* (23.10.2021)

В. В. Путин: *Здесь тоже нужно внимательно посмотреть, давайте разберёмся. Обязательно посмотрю на это внимательно*. (24.04.2017)

Несмотря на семантический синкретизм ментальных глаголов, в контекстах употребления наблюдается сдваивание для конкретизации, уточнения последовательности ментальных действий, для наличия разных нюансов в процессе мышления, указания на переходы от мышления к пониманию (например, *думать* и *учитывать*, *иметь в виду* и *понимать*), что, однако, фиксируется только в русскоязычном дискурсе. Например:

В. В. Путин: *Правильно, об этом всегда нужно думать, об этом всегда нужно заботиться, но никогда не нужно это выпячивать, – знаете, никогда не нужно выпячивать проблемы. Чем меньше мы говорим о проблемах, тем, может быть, и лучше, но, безусловно, об этом нужно думать, нужно это иметь в виду, учитывать*. (01.09.2013)

Таким образом, деонтика как отношение к действию, которое изменит ситуацию, выступает выгодным семантическим элементом в поле идеологического конструирования политического дискурса. Основными ментальными глаголами в деонтических конструкциях в политическом дискурсе образуют ядерные единицы, указывающие на мыслительный процесс. Выражение деонтического отношения к ментальным действиям свидетельствует о рациональной составляющей политического дискурса, а именно о рациональном поведении при принятии решений, что является важным для субъектов политики в борьбе за власть. Модализация ментальных действий предполагает наличие у конструкции обязательного правого контекста (имплицитованного или эксплицитованного), фиксирующего целенаправленность действия. В результате в политическом дискурсе конструкции с ментальными глаголами, имплицитовывая действие, «обогащаются» акциональной семантикой, обусловленной предметной областью политического дискурса – организацией социального бытия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод : пер. с англ. Харьков : Гуманитар. Центр, 2008. 352 с.
2. Новый энциклопедический словарь / гл. ред. А. П. Горкин. М. : БРЭ, 2000. 1455 с.
3. Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. 2002. № 3. С. 32–43.
4. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Ментальные предикаты в аспекте аспектологии // Логический анализ языка: проблемы интенциональных и прагматических контекстов : сб. ст. / АН СССР, Ин-т языкознания. М., 1989. С. 31–54.
5. Дмитриевская М. А. Знание и мнение: образ мира, образ человека // Логический анализ языка: знание и мнение : сб. науч. тр. М., 1988. Вып. 1. С. 6–18.
6. Ионесян Е. Р. Проблемы эпистемического согласования // Логический анализ языка: проблемы интенциональных и прагматических контекстов : сб. ст. / АН СССР, Ин-т языкознания. М., 1989. С. 116–133.
7. Ионесян Е. Р. Классификация ментальных предикатов по типу вводимых ими суждений // Логический анализ языка: ментальные действия : сб. ст. / РАН, Ин-т языкознания. М., 1993. С. 89–95.
8. Арутюнова Н. Д. “Полагать” и “видеть” (к проблеме смешанных пропозициональных установок) // Логический анализ языка: проблемы интенциональных и прагматических контекстов : сб. ст. / АН СССР, Ин-т языкознания. М., 1989. С. 7–30.

Анна Васильевна Сытько
кандидат филологических наук, доцент,
зав.кафедрой фонетики и грамматики немецкого языка
УО «Минский государственный лингвистический университет»

УДК 811.134.2'42

А. Б. Чиркун, Д. Д. Санюкевич
Минск, Беларусь

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИКА (на материале испанского языка)

В данной статье рассматриваются прецедентные феномены, используемые лидером Народной партии Испании Пабло Касадо в рамках реализации стратегии дискредитации политического оппонента. Прецедентные феномены представляют собой единицы, которые отражают культурные, исторические, литературные представления лингвокультурного сообщества и характеризуются достаточной воспроизводимостью и устойчивостью компонентного состава.

Ключевые слова: речевой портрет, речевое портретирование, политическая коммуникация, стратегия дискредитации политического оппонента, прецедентный феномен.

A. B. Chirkun, D. D. Saniukevich
Minsk, Republic of Belarus

SPEECH PORTRAIT OF A CONTEMPORARY POLITICIAN (IN SPANISH LANGUAGE)

This article examines the precedent phenomena used by the leader of the People's Party of Spain, Pablo Casado, in the implementation of the strategy of discrediting a political opponent. Precedent phenomena are units that reflect the cultural, historical, literary ideas of the linguacultural community and which are characterized by sufficient reproducibility and stability of the component composition.

Key words: speech portrait, speech portraiture, political communication, strategy of discrediting a political opponent, precedent phenomenon.

Речевой портрет становится все более востребованным методом описания языковой личности. Во второй половине XX века отмечается повышенный интерес ученых к речевому портретированию представителей той или иной профессиональной группы. Проблема речевого портретирования активно исследуется современными лингвистами, при этом сфера политической коммуникации не остается в стороне их интереса.

Различают два направления осуществления речевого портретирования: создание индивидуальных и коллективных портретов. Индивидуальный аспект описания языковой личности связан с портретированием – описанием

конкретной языковой личности, отражающим своеобразие письменноречевой деятельности политика в определённых аспектах, которые можно разделить на несколько групп:

- исследования лингвокогнитивного аспекта речи политиков;
- исследования речевого поведения политика в содержательно-коммуникативном аспекте;
- риторическое портретирование политических деятелей;
- исследования акустических характеристик речи политиков [1, с.190]

Данное исследование посвящено анализу речевого поведения лидера Народной партии Испании Пабло Касадо в ходе реализации стратегии дискредитации политического оппонента.

В рамках лингвокогнитивного подхода в центре внимания ученых находится упорядоченная картина мира, отражающая иерархию ценностей политика. Этот аспект предполагает выявление смыслового наполнения речи политического деятеля. «Единицы анализа этой группы представлены системой концептов, понимаемых как «многомерное смысловое образование» [2, с. 91], которое отражает основные ценностные ориентиры языковой личности политика и реализуется среди прочего посредством употребления в речи тех или иных прецедентных феноменов» [3, с. 23]. Как отмечает А. Н. Баранов, прецедентные феномены являются отражением в политическом дискурсе национальных культурных традиций в оценке и восприятии исторических событий и лиц, мифологии, памятников искусства, литературы, произведений устного народного творчества [4, с. 19]. Следовательно, прецедентные феномены содействуют достижению известной степени стереотипизации дискурса, поскольку большинство представителей данного лингвокультурного сообщества с ними знакомо. Прецедентные феномены – это образы, а не дискретные феномены, которые обеспечивают апелляцию к эмоциям, а не к разумному началу. Более того, они обладают ярко выраженной оценочностью [5, с. 371].

Под прецедентными феноменами в данной статье мы будем понимать единицы, отражающие культурные, исторические, литературные представления лингвокультурного сообщества, характеризующиеся достаточной воспроизводимостью и устойчивостью компонентного состава [6].

Пабло Касадо – молодой испанский политик, который сменил на посту партийного лидера Народной партии бывшего премьер-министра Мариано Рахоя. Для публичных выступлений Пабло Касадо характерна жесткая критика политики, проводимой нынешним главой правительства Испании Педро Санчесом. При этом Пабло Касадо неукоснительно придерживается стратегии дискредитации своего политического оппонента, на реализацию которой направлена целая совокупность средств, в том числе фразеологических оборотов, метафор, прецедентных феноменов.

Результаты анализа используемых испанским политиком прецедентных феноменов в ходе актуализации стратегии дискредитации политического оппонента свидетельствуют о том, что в качестве их сфер-источников выступают, как правило, известные игры, исторические события, наука, литература, кино и фразеологические единицы.

Одним из наиболее частотных прецедентных феноменов, используемых в публичных выступлениях Пабло Касадо, является выражение *jugar a la ruleta rusa* ‘играть в русскую рулетку’, соотносимое со сферой-источником «игра». Русская рулетка – экстремальная азартная игра (или пари) с летальным исходом. Выражение «русская рулетка» зачастую употребляется в переносном смысле для обозначения неких потенциально опасных действий с труднопредсказуемым исходом. В своих выступлениях Пабло Касадо использует данное выражение, чтобы поставить под сомнение правильность действий премьер-министра Испании: (1) *Alguien está jugando a la ruleta rusa con nuestro futuro y pretende que le demos palmas* ‘Кто-то играет в русскую рулетку с нашим будущим и еще надеется на то, что мы будем поддерживать’; (2) *Sánchez no puede seguir jugando a la ruleta rusa con España y pretender encima que le pongamos nosotros la bala* ‘Санчес не может больше продолжать играть в русскую рулетку с Испанией и рассчитывать на то, что мы ему для этого будем вставлять пулю в барабан револьвера’.

К следующему часто используемому Пабло Касадо прецедентному феномену, соотносимому со сферой-источником «исторические события», относятся события, связанные с британским лайнером «Титаник», столкнувшимся с айсбергом в 1912 году. Пабло Касадо использует прецедентное имя *Titanic* в ходе реализации стратегии дискредитации политического оппонента, сравнивая правительство, возглавляемое Педро Санчесом, с идущим ко дну «Титаником». С помощью данного сравнения Пабло Касадо указывает на несостоятельность политических решений действующего правительства, которые привели к социально-политической и экономической катастрофе: (3) *Este Gobierno es un Titanic, un barco que se hunde* ‘Нынешнее правительство – это Титаник, корабль, идущий на дно’; (4) *Si el COVID-19 es un iceberg, su Gobierno es el Titanic* ‘Если COVID-19 – это айсберг, то Ваше правительство – это Титаник’. На наш взгляд, интерес также представляет метафорическое сравнение правительства Педро Санчеса с оркестром на «Титанике», а именно ситуация, когда корабль постепенно погружается на дно океана, на палубе царит хаос, люди мечутся в надежде спасти свою жизнь, в то время как оркестр, смирившись со скорбной участью, спокойно играет свои композиции: (5) *El Gobierno de Sánchez es el Titanic, se hunde, pretenden que la orquesta siga sonando, y que la paguemos todos* ‘Правительство Санчеса – это тонущий Титаник, который хочет, чтобы оркестр продолжал играть, а мы все оплачивали бы эту игру’; (6) *Su gobierno es el Titánic, pero no pretenda que nosotros seamos su orquesta* ‘Ваше правительство – это Титаник, но не думайте, что мы будем Вашим оркестром’.

Собака Павлова – знаменитый эксперимент, благодаря которому широко прославился в народе великий русский физиолог, лауреат Нобелевской премии И. П. Павлов. Ученый изучал условные рефлексы на собаках. Пабло Касадо в своих выступлениях зачастую использует данный прецедентный феномен, соотносимый со сферой-источником «наука»: (7) *Lo que deberían*

hacer es dejar de jugar a prueba y error de usar los españoles como perros de Pávlov ‘Пора бы уже перестать методом проб и ошибок использовать испанцев как собак Павлова’.

Довольно интересным представляется употребление в дискурсе Пабло Касадо выражения *gobierno Frankenstein* ‘правительство Франкенштейна’, коррелирующего с прецедентным феноменом из сферы «искусство». В основе использования данного прецедентного феномена в политическом дискурсе лежат события 2018 г., когда генеральный секретарь Испанской социалистической рабочей партии Педро Санчес вынес на рассмотрение конгресса депутатов (нижней палаты) испанского парламента – Кортесов – вотум недоверия председателю правительства, лидеру Народной партии Мариано Рахой, и смог добиться его отставки. В результате к власти приходит Испанская социалистическая рабочая партии во главе с Педро Санчесом. Значительная часть представителей испанского истеблишмента окрестила данное положение дел как «фильм ужасов», в котором главную роль будет играть «правительство Франкенштейна», – такую характеристику Мариано Рахой дал кабинету министров Педро Санчеса. Пабло Касадо довольно часто употребляет в речи данное выражение, как правило, в рамках реализации тактики оскорбления, нацеленной на негативное изображение политического оппонента: (8) *Otra vez va a llevar a un bloqueo porque quiere volver a reeditar un gobierno Frankenstein* ‘В очередной раз это приведет к блокировке окончательного решения, потому что Вы снова хотите сформировать правительство Франкенштейна’.

Весьма интересным, на наш взгляд, является выражение *elefante morado con lazo amarillo* ‘лиловый слон с желтой лентой’, которое Пабло Касадо использует при обращении к Педро Санчесу. Остановимся подробнее на анализе каждого смыслового компонента данного прецедентного феномена, соотносимого одновременно с несколькими сферами-источниками. В английском языке метафорическое выражение *elephant in the room* ‘слон в комнате’ обозначает существование очевидной проблемы, которую не хотят обсуждать и решать несмотря на всю ее серьезность. В выступлениях Пабло Касадо данное прецедентное выражение используется в ходе актуализации стратегии дискредитации, с помощью которого он указывает на коррупционные скандалы, в которые была вовлечена политическая партия, возглавляемая Педро Санчесом. Следующий элемент анализируемого выражения – *morado* ‘лиловый’ – делает отсылку к другой политической партии Испании, а именно к партии Подемос, официальным цветом которой является лиловый цвет, ассоциирующийся с феминизмом. Последняя составляющая – это *lazo amarillo* ‘желтая лента’, символизирующая движение Каталонии за независимость. Во всей своей смысловой совокупности прецедентное выражение *elefante morado con lazo amarillo* ‘лиловый слон с желтой лентой’ используется Пабло Касадо с целью обвинить Педро Санчеса в его попытках вести переговоры о формировании коалиции с радикалами и националистами: (9) *Dos horas de discurso sin ver el elefante en la habitación. Sin ver el*

gran elefante morado y con un lazo amarillo que está en el Hemiciclo y al que usted no se ha referido en ningún momento ‘Два часа выступления и при этом ни слова о главной проблеме, о проблеме лилового цвета с желтой ленточкой, которая находится здесь, в зале заседаний’.

Очевидно, что в каждой культуре существует множество примеров прецедентных феноменов, которые свидетельствуют о многогранности и яркости истории и языка, а также позволяют нам открывать их каждый раз с новой стороны, проникая в истоки и корни обычаев, традиций и событий [7, с. 113]. Прецедентные феномены, отражающие взаимодействие социальных, культурных и лингвистических аспектов, широко используются политическими деятелями, так как главным их оружием в борьбе за власть и внимание избирателей является язык. «Именно в политической сфере наблюдается наиболее эффективное и частое применение прецедентных феноменов, так как политики воспринимают их как идеальный инструмент воздействия на слушателя» [там же]. Речевое поведение Пабло Касадо в рамках реализации стратегии дискредитации характеризуется среди прочего использованием косвенного оскорбления своего политического оппонента Педро Санчеса путем наделения его отрицательными качествами не непосредственно, а через отношение к другому носителю данного качества. Прибегая к подобному приему, Пабло Касадо широко использует метафорический потенциал прецедентных феноменов, соотносимых с различными сферами-источниками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Никифорова М. В. Языковая личность политического деятеля: подходы к речевому портретированию // Языковое образование сегодня – векторы развития : материалы V междунар. науч.-практ. конф.-форума, 17-18 апр. 2014 г., Екатеринбург, Россия / Урал. гос. пед. ун-т, Ин-т иностр. яз. Екатеринбург, 2014. С. 186–200.
2. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. 476 с.
3. Фокина М. А. Феномен прецедентности в российском политическом дискурсе : на материале блогов политиков : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Н. Новгород, 2016. 199 л.
4. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М. : Флинта : Наука, 2007. 592 с.
5. Бабенкова Е. А. Вариативность содержательной составляющей ритуальных жанров в политическом дискурсе // Перевод в меняющемся мире : материалы междунар. науч.-практ. конф. М., 2015. С. 369–373.
6. Кайбелева А. А. Типы прецедентных феноменов в политическом дискурсе США [Электронный ресурс] // Огарев-online. 2017. № 10. URL: <https://journal.mrsu.ru/arts/tipy-precedentnyx-fenomenov-v-politicheskom-diskurse-ssha> (дата обращения: 12.10.2021).

7. Демьянова А. А. Прецедентные феномены в политическом дискурсе // Актуальные вопросы филологической науки XXI века : сб. ст. VIII Международ. науч. конф. молодых ученых (8 фев. 2019 г.) : 2 ч. Екатеринбург, 2019. Ч. 1 : Современные лингвистические исследования. С. 110–116.

Чиркун Анна Борисовна

кандидат филологических наук, доцент, УО «Минский государственный лингвистический университет», доцент кафедры лексикологии испанского языка.

Санюкевич Дарья Дмитриевна

студент, УО «Минский государственный лингвистический университет».

Anna B. Chirkun

PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor
of the Department of Spanish Lexicology
Minsk State Linguistic University
chirkun.anna@mail.ru

Daria D. Saniukevich

Student, Minsk State Linguistic University
dashasanyukevich@gmail.com

УДК 811.133.1'42

Л. А. Шабашева

Минск, Беларусь

ВЕЩНАЯ ДЕТАЛЬ КАК СПОСОБ ХАРАКТЕРИЗАЦИИ В НАТУРАЛИСТИЧЕСКОМ РОМАНЕ Э. ЗОЛЯ «ДАМСКОЕ СЧАСТЬЕ»

Статья предлагает анализ текста романа Э. Золя «Дамское счастье» в аспекте использования автором вещной детали в ее текстообразующей функции как способа пространственных, социально-культурных, характерологических и портретных описаний.

Ключевые слова: *вещная деталь, текстообразующая функция, способ характеристики.*

L. A. Shabashova

Minsk, Belarus

A THING DETAIL AS A METHOD OF CHARACTERIZATION IN E. ZOLA'S NATURALISTIC NOVEL «THE LADIES PARADISE»

The article offers an analysis of the text of E. Zola's novel "Ladies Paradise" in the aspect of the author's use of a thing detail as a way of text-forming function and spatial, social, cultural, characterological, portrait description.

Key words: *thing detail, text-forming function, characterization method.*

Задумав показать французское общество в цикле *L'Histoire naturelle et sociale d'une famille sous le Second Empire*, Э. Золя видит перед собой романский цикл, охватывающий период от геспереворота 2 декабря 1851 и до

поражения Франции у Седана в 1870 году в канун Третьей Республики. В социальной жизни французов в этот момент, как известно, материальное подчиняет себе другие жизненные интересы. В этой связи, объясняя выбор целей цикла романов *Les Rougon-Macquart* и указывая на отличие своей истории от человеческой комедии О. де Бальзака, Э. Золя отмечает: «Mon œuvre sera moins sociale que scientifique. (...) Le cadre en sera plus restreint (...) Moi, des hommes et des femmes, je ne fais qu'un, en admettant cependant les différences de nature et je soumetts les hommes et les femmes aux choses» (выд. нами – Л.Ш.) [1]. Таким образом, материальность (*les choses*) становится важным аспектом романов цикла, и это особенно касается романа *Au Bonheur des Dames* ‘Дамское счастье’, в котором, рассказывая историю героини, связанную с большим универсальным магазином, автор показывает происходящие в жизни Франции трансформации, фрагменты ее жизни как парижский урбанизм, концентрация буржуазного населения, становление капиталистических отношений, в частности, новой системы торговли, универсальные магазины и т.д.

История борьбы капиталистических социально-экономических отношений с ослабевшим и устаревшим мелкобуржуазным укладом рассказывается им не только путем описания взаимоотношений персонажей, поступков, интриг, но и посредством иллюстративного использования материальных, вещных отношений.

Автор ограничивает пространственный аспект романа *Au Bonheur des Dames* не природными, а рукотворными объектами, т.е. «второй природой», характеризующей жизненное пространство современного человека.

Универсальный магазин метафорически представлен как маяк, дворец:

1) *...il flambait comme un phare, il semblait à lui seul la lumière et la vie de la cité* (с. 60)¹. ‘оно горело, как маяк, оно казалось ей единственным светочем и средоточием жизни’².

2) *Comme la rue du Dix-Décembre devait couper la rue de Choiseul et la rue de la Michodière, il voyait le Bonheur des dames envahir tout le pâté entouré par ces rues et la rue Neuve-Saint-Augustin, il l'imaginait déjà avec une façade de palais sur la voie nouvelle, dominateur, maître de la ville conquise* (с. 149). ‘Улица Десятого декабря должна была пересечь улицы Шуазель и Мишодьер, и он уже видел, как "Дамское счастье" захватывает весь квартал между этими улицами и улицей Нев-Сент-Огюстен, и уже представлял себе, как на новой улице будет выситься фасад его дворца, властелина покоренного города’.

¹ Здесь и далее примеры приводятся по тексту É. Zola *Les Rougon-Macquart. Au Bonheur des dames*, взятому из электронного ресурса (La Bibliothèque électronique du Québec) URL: <https://beq.ebooksgratuits.com/vents/zola-11.pdf>.

² Перевод примеров дается по изданию Э. Золя «Дамское счастье» в переводе Ю. Данилина (Киев, “Молодь”, 1993), URL: <https://ru.b-ok.global/book/414025/e8aac7> (Дата обращения 3.10.2021).

3) *Son ambition devenait plus haute, il proposait au baron une association, dans laquelle le Crédit Immobilier apporterait le palais colossal qu'il voyait en rêve, (...)* (с. 152). 'Его честолюбие шло дальше: он предлагал барону вступить в компанию, причем "Ипотечный кредит" в качестве пая должен был внести колоссальный дворец, который Муре уже видел в мечтах'.

Исполинское здание этого колосса, напоминающее дворцы Всемирных выставок в Лондоне и Париже, поглотило в конце концов не только соседствующие мелкие лавочки, но и сам Париж, ставший маленьким, был съеден этим монстром:

4) *Au-delà, Paris s'étendait, mais un Paris rapetissé, mangé par le monstre. (...) les maisons, d'une humilité de chaumières dans le voisinage, s'éparpillaient ensuite en une poussière de cheminées indistinctes; les monuments semblaient fondre, à gauche deux traits pour Notre-Dame, à droite un accent circonflexe pour les Invalides, au fond le Panthéon, honteux et perdu, moins gros qu'une lentille* (с. 817). 'Вдали простирался Париж, но Париж уменьшенный, как бы обглоданный этим чудовищем: дома, стоявшие рядом с ним, смотрели жалкими хижинами, а дальше лишь невнятно намечался лес дымовых труб; даже памятники архитектуры и те почти совсем растаяли, – налево двумя штрихами был намечен собор Парижской богородицы, справа небольшая дуга обозначала Дом инвалидов, а на заднем плане приютился сконфуженный, никому не нужный Пантеон величиною с горошину'.

Этот монстр, *pareil à l'ogre des contes* 'подобно сказочному людоеду', предназначен для создания соблазнительного, чудесного сказочного пространства (*le temple élevé à la folie dépensière de la mode* (с. 815) 'дворец являлся как бы храмом, посвященным расточительному безумию моды').

Его главный вход и фасад сравниваются с триумфальной аркой, украшенной бесчисленным количеством искусных деталей в их блеске и великолепии:

5) *Et les curieux s'émerveillaient surtout devant la porte centrale, d'une hauteur d'arc de triomphe, décorée elle aussi d'une profusion de mosaïques, de faïences, de terres cuites, surmontée d'un groupe allégorique dont l'or neuf rayonnait, la Femme habillée et baisée par une volée rieuse de petits Amours* (с. 815). 'Особенно изумлял публику главный вход, высокий, как триумфальная арка; он также был обильно украшен мозаикой, майоликой и терракотой, а над ним возвышалась аллегорическая группа, сиявшая свежестью позолоты и изображавшая женщину в окружении целого роя смеющихся амуров, которые ее одевали и нежно ласкались к ней'.

Таким образом, место действия предельно сжимается и локализационно замыкается между двумя соседствующими улицами, а протяженность событий ограничивается противопоставлением рукотворных объектов *palais* 'дворец', *temple/maisons* 'храм/дома' и *chaumières* 'хижины', *cheminées* 'дымовые трубы' и *monuments* 'памятников', *Notre-Dame* 'Собора Парижской богородицы', *Invalides* 'Дома Инвалидов', *Panthéon* 'Пантеона', которые магазин также прячет в своей тени:

6) *...les vitrines s'enfonçaient, longeaient la rue de la Michodière et la rue Neuve-Saint-Augustin, où elles occupaient, outre la maison d'angle, quatre autres maisons, deux à gauche, deux à droite, achetées et aménagées récemment. C'était un développement qui lui semblait sans fin* (с. 7). '...расходились витрины: одни тянулись по улице Мишодьер; другие – по Нев-Сент-Огюстен, занимая, помимо углового дома, еще четыре, недавно купленных и приспособленных для торговли, – два слева и два справа. Эти уходящие вдаль витрины казались Денизе бесконечными'.

«Картина мира» в романе предстает как отражение ключевой мировоззренческой категории движения от старого, превращающегося в ненужное, к новому, которое, поглощая старое, уже занимает собой все пространство. Вещная¹ деталь при этом способствует формированию смысловой целостности романа, его «когезии», и отыгрывает текстообразующую функцию.

Образ магазина, как и его название *Дамское счастье*, давшее название произведению, моделирует его художественное пространство, являясь основным символом произведения – символом притягательности новых финансовых и коммерческих приемов, связанных с промышленным производством товаров и вытесняющих мелкую торговлю.

Мысль о соблазнительности коммерческих нововведений в тот период времени акцентируется описанием восприятия магазина удивленными глазами главных персонажей, Денизы Бодю и ее сына, провинциалов, оказавшихся в Париже:

7) – *Oh! dit-elle, regarde un peu, Jean ! Et ils restèrent plantés, serrés les uns contre les autres* (с. 5). '– Жан, – промолвила она, – погляди-ка! И они замерли, прижавшись друг к другу'.

8) – *Ah bien ! reprit-elle après un silence, en voilà un magasin ! C'était, à l'encoignure de la rue de la Michodière et de la rue Neuve-Saint-Augustin, un magasin de nouveautés dont les étalages éclataient en notes vives, dans la douce et pâle journée d'octobre* (с. 6). '– Да, – сказала она, помолчав, – вот это магазин! То был магазин новинок на углу улиц Мишодьер и Нев-Сент-Огюстен. В этот мягкий и тусклый октябрьский день его витрины сверкали яркими тонами'.

9) – *Fichtre ! dit Jean. Ça enfonce Valognes... Le tien n'était pas si beau* (с. 6). 'Да, что и говорить, – заметил Жан. – Это почище Валони. Твой был не такой красивый!'

10) *Mais Denise demeurait absorbée, devant l'étalage de la porte centrale* (с. 8). 'Но Дениза вся ушла в созерцание выставки товаров, расположившейся у центрального входа'.

Клиентки теряют в магазине голову:

11) *Madame Guibal, Henriette, Blanche, mesuraient, coupaient, gâchaient. C'était un saccage d'étoffes, la mise au pillage des magasins, un appétit de luxe qui se répandait en toilettes jalousees et rêvées, un bonheur tel à être dans le*

¹ Вещь (философск.) – в общем и широком смысле под этим словом разумеется все, что имеет действительное и самостоятельное (физически или метафизически) существование [3].

chiffon, qu'elles y vivaient enfoncées, ainsi que dans l'air tiède nécessaire à leur existence. (с. 161) 'Г-жа Гибаль, Анриетта, Бланш отмеривали, отрезали, кроили полным ходом. Это был какой-то погром материй, настоящее разграбление магазинов; жажда нарядов превращалась в зависть, в мечту; находиться среди тряпок, зарываться в них с головою было для этих дам та же насущно необходимо, как воздух необходим для существования'.

Таким образом, благодаря вещной детали писателю удается показать суть общества соответствующего времени. Общество, особенно женское, выбирает новое, улучшающее его благосостояние. Именно вещи приобретают значимость, подчиняя себе умы. Описание вещной детали и отношения к ней выполняет социальную – характеризующую функцию.

Мысль о победе универсального магазина (нового) над мелкими коммерсантами (старым) подчеркивается контрастивными описаниями вещного ряда: нарядные куклы-манекены в сверкающих витринах в сравнении с выцветшей вывеской на лавчонке Бодю и ее убожеством:

12) *Alors, juste devant eux (...), ils aperçurent une enseigne verte, dont les lettres jaunes déteignaient sous la pluie: Au Vieil Elbeuf, draps et flanelles, Baudu, successeur Hauchecorne. (...) La maison, enduite d'un ancien badigeon rouillé, toute plate au milieu des grands hôtels Louis XIV qui l'avoisinaient, n'avait que trois fenêtres de façade ; et ces fenêtres, carrées, sans persiennes, étaient simplement garnies (...). Mais, dans cette nudité, ce qui frappa surtout Denise, dont les yeux restaient pleins des clairs étalages du Bonheur des Dames... ce fut la boutique du rez-de-chaussée, écrasée de plafond, surmontée d'un entresol très bas, aux baies de prison, en demi-lune* (с. 14–15). 'И прямо перед собой (...), они увидели зеленую вывеску полинявшей желтой надписью: "Старый Эльбеф, сукна и фланели. – Бодю, преемник Ошкорна". Дом, в незапамятные времена выкрашенный рыжеватой краской и зажатый между двух больших особняков в стиле Людовика XIV, имел по фасаду всего лишь три окна; окна эти, квадратные, без ставней, были снабжены только железной рамой с двумя перекладинами крест-накрест. (...) ее особенно поразило убожество лавки, приютившейся в первом этаже; низкий потолок словно придавил ее, сверху нависал второй этаж, а узкие окна в виде полумесяца были как в тюрьме'.

Нескончаемые перечисления товаров также подчеркивают мысль о вещизме, жажде к приобретению и накоплению в тогдашнем мире:

13) *D'abord, ils furent séduits par un arrangement compliqué: en haut, des parapluies (...); dessous, des bas de soie (...); enfin, (...) des gants (...). Mais la dernière vitrine surtout les retint. Une exposition de soies, de satins et de velours* (с. 9) 'Сначала их поразило замысловатое устройство выставок: вверху (...) были расположены зонтики (...); внизу висели шелковые чулки, (...). Наконец, (...) перчатки (...). Но особенно ошеломила их последняя витрина. Шелк, атлас и бархат были представлены здесь во всем разнообразии'.

Соблазнительные характеристики товаров еще более подчеркивают эту мысль:

14) ... *au sommet, les velours, d'un noir profond, d'un blanc de lait caillé ; plus bas, les satins, les roses, les bleus, aux cassures vives, (...); plus bas encore, les soies, toute l'écharpe de l'arc-en-ciel, des pièces retroussées en coques, plissées comme autour d'une taille (...); et, entre chaque motif, entre chaque phrase colorée de l'étalage, courait un accompagnement discret, un léger cordon bouillonné de foulard crème* (с. 10) . '...наверху – бархат густого черного цвета и бархат молочной белизны; ниже – атласные ткани, розовые, голубые, в причудливых складках, постепенно переходящие в бледные, бесконечно нежные тона; (...) еще ниже, переливались шелка всех цветов радуги, отрезы, свернутые в виде кокард и расположенные красивыми складками, точно на вздымающейся груди. Каждый мотив, каждая красочная фраза витрины была отделена от другой как бы приглушенным аккомпанементом – легкой волнистой лентой кремовых фуляров’.

Удивительного художественного эффекта писатель добивается, проводя мысль об унынии, горечи, обреченности и разорении семьи Бодю, наблюдающей за строительством магазина, изменением объекта. Этот процесс не дает им покоя ни днем, ни ночью и метафорически воспринимается как собственное разорение и приближение конца:

15) *Alors, les Baudu, exaspérés, durent même renoncer à fermer les yeux ; ils étaient secoués dans leur alcôve, les bruits se changeaient en cauchemars, dès que la fatigue les engourdissait. Puis, s'ils se levaient pieds nus, pour calmer leur fièvre, et s'ils venaient soulever un rideau, ils restaient effrayés devant la vision du Bonheur des Dames flambant au fond des ténèbres, comme une forge colossale, où se forgeait leur ruine* (с. 458). 'Теперь Бодю были в полном отчаянии: их лишили даже возможности сомкнуть глаза; по ночам они вздрагивали в своем алькове, а когда усталость брала верх и они начинали засыпать, доносившийся с улицы грохот превращался в кошмар. И они босиком вставали с кровати, не находя себе покоя; но если им случалось поднять занавеску, они замирали, охваченные ужасом при виде «Дамского счастья», которое пылало во мраке, как гигантская кузница, где выковывалось их разорение’.

Таким образом, описания вещественного мира содержат эмоциональную оценку и свидетельствуют об авторской позиции. Магазин-демон, виновник гибели первой жены Октава Муре г-жи Эдуэн, транслирует негативное отношение к процессу развития капиталистических товарно-денежных отношений. Писатель вкладывает свою мысль в уста лавочника Бодю, утверждающего, что богатство капиталиста Муре построено на крови:

16) *Et c'est lui qui l'a tuée. Oui, dans ses constructions ! Un matin, en visitant les travaux, elle est tombée dans un trou. Trois jours après, elle mourait. Elle qui n'avait jamais été malade, qui était si bien portante, si belle !... Il y a de son sang sous les pierres de la maison* (с. 46). 'И это он убил ее. Да, на своих постройках! Однажды утром она пришла посмотреть на работы и упала в яму. Три дня спустя она умерла. А ведь у нее было превосходное здоровье, и она была так хороша собой!.. Этот дом на ее крови построен!’.

Приведенный пример создает еще один символ – дамский магазин, созданный для удовольствия и удовлетворения прихотей, губит женщину. Этот *monstre* требует крови и жертв, разрушая старый квартал, отрицая традиционную, из которой сам же и вышел, торговлю, он получает власть над Парижем. При этом он оставляет за своим фасадом грязь узких улочек, что, как автор и констатирует в финале романа, является иррациональным и подлым. Внушить такую мысль как раз и позволяет контраст в описаниях: магазин душит то, где был рожден; у шумливого фасада выскочки грязные задворки:

17) *On eût dit que le colosse, après ses agrandissements successifs, pris de honte et de répugnance pour le quartier noir, où il était né modestement, et qu'il avait plus tard égorgé, venait de lui tourner le dos, laissant la boue des rues étroites sur ses derrières, présentant sa face de parvenu à la voie tapageuse et ensoleillée du nouveau Paris* (с. 816). 'Казалось, исполин, постепенно разрастаясь, стал стыдиться и гнушаться темного квартала, в котором он когда-то неприметно родился и который потом задушил; теперь он повернулся спиной к этому кварталу с его сетью грязных узких улиц и выставил свое самодовольное лицо напоказ шумной, залитой солнцем улице нового Парижа'.

Рукотворная вещная деталь выполняет также в романе и характерологическую функцию: Дениза, впервые оказавшаяся перед фасадом магазина, быстро схватывает особенность момента, понимая, что не стоит упрямо держаться за принципы старого дяди, его время вышло. Нужно искать свое место именно в чреве этого великана, так как за ним будущее и расцвет. Она понимает, что именно *Au Bonheur des Dames* станет успешно развиваться, и делает все возможное, чтобы устроиться туда на работу:

18) *Mais, de l'autre côté de la rue, ce qui la passionnait, c'était le Bonheur des dames, dont elle apercevait les vitrines (...)*. (с. 33) 'Но "Дамское счастье", витрины которого на другой стороне улицы виднелись в открытую дверь, приводило Денизу в восторг'.

19) *Denise, depuis le matin, subissait la tentation. Ce magasin, si vaste pour elle, où elle voyait entrer en une heure plus de monde qu'il n'en venait chez Cornaille en six mois, l'étourdissait et l'attirait ; et il y avait, dans son désir d'y pénétrer, une peur vague qui achevait de la séduire. (...) En même temps, la boutique de son oncle lui causait un sentiment de malaise. C'était un dédain irraisonné, une répugnance instinctive pour ce trou glacial de l'ancien commerce.* (с. 34) 'Денизу с самого утра снедало искушение. Этот магазин, казавшийся таким огромным, ошеломлял и привлекал ее; она заметила, что за один только час туда вошло больше народа, чем побывало у Корная за полгода. К ее желанию проникнуть туда примешивался смутный страх, который еще усиливал соблазн (...). В то же время дядина лавка вызывала в ней какое-то неприятное чувство. Это было необъяснимое презрение, инстинктивное отвращение, вызванное этой норой, где торговали по старинке'.

Подчеркивается также характерологическая готовность мелких коммерсантов к борьбе за выживание, напр., непримиримость Бурра:

20) – *Qu’il achète la maison, il la payera quatre fois sa valeur !... Mais je vous jure que, moi vivant, il n’en aura pas une pierre. Mon bail est encore de douze ans... Nous verrons, nous verrons ! C’était une déclaration de guerre. Bourras se tournait vers le Bonheur des dames, que ni l’un ni l’autre n’avait nommé.* (с. 43) ‘– Пускай покупает дом, ему придется заплатить втридорога!.. Но клянусь, пока я жив, он не попользуется тут ни одним камнем. Срок аренды кончается у меня только через двенадцать лет... Посмотрим, еще посмотрим! Это было объявление войны. Бурра бросал вызов “Дамскому счастью”, хотя ни Бодю, ни он сам не называли своего врага’.

Мелкие лавочники презирают магазин:

21) *Avait-on jamais vu cela ? un magasin de nouveautés où l’on vendait de tout ! un bazar alors ! Aussi le personnel était gentil : un tas de godelureaux qui manœuvraient comme dans une gare, qui traitaient les marchandises et les clientes comme des paquets, lâchant le patron ou lâché par lui pour un mot, sans affection, sans mœurs, sans art !* (с. 48) ‘Виданное ли дело? Магазин новинок, где торгуют решительно всем! Что это, ярмарка, что ли? А приказчики там тоже хороши; это какая-то орава шалопаев: суетятся точно на вокзале, обращаются с товарами и покупательницами, как с тюками, уходят от хозяина или сами получают расчет из-за какого-нибудь невпопад сказанного слова. Ни привязанности, ни правил, ни знания дела!’.

22) – *Voyez comme le Bonheur s’est conduit à votre égard ! répétait-il. Aucun compte des services rendus, des machines à exploiter le monde !...* (с. 38) ‘– Посмотрите, как “Счастье” ведет себя в отношении вас! – твердил он. – Там не считаются с тем, какие услуги оказал человек магазину, там только эксплуатируют людей!..’.

Характерологическая черта предприимчивости Октава Муре, который, женившись на владелице магазина тканей и новинок и воспользовавшись ее деньгами, выстраивает из заурядной мелкой лавки грандиозный флагман торговли, признается и соперниками, и автором:

23) – *Un homme à idées, un brouillon dangereux qui bouleversera le quartier, si on le laisse faire ! continua Baudu. Je crois que Caroline, un peu romanesque elle aussi, a dû être prise par les projets extravagants du monsieur... Bref, il l’a décidée à acheter la maison de gauche, puis la maison de droite ; et lui-même, quand il a été seul, en a acheté deux autres ; de sorte que le magasin a grandi, toujours grandi, au point qu’il menace de nous manger tous, maintenant!* (с. 47) ‘– Это опасный выдумщик, смутьян; дать ему волю, так он взбудоражит весь квартал! – не унимался Бодю. – Я уверен, что Каролина, которая тоже была малость взбалмошна, увлеклась сумасбродными планами этого проходимца... Как бы то ни было, он убедил ее купить дом слева, потом дом справа; а сам, уже после ее смерти, купил еще два других; так магазин все разрастался и разрастался и теперь грозит всех нас Поглотить!’.

Благодаря коммерческому таланту Муре успешно соблазняет, «сворачивает» благонамеренных дам, доходящих до экстаза и невменяемости при виде избытка товаров. Для них он волшебник, и как настоящий волшебник он

манипулирует своими клиентками. Прием персонификации товаров является знаком ловушки, полной наслаждений и опасностей, символом пагубности рая, вертепа, дьявольского и колдовского искушения, которому женщины не в состоянии сопротивляться:

24) *...des femmes arrêtées s'écrasaient devant les glaces, toute une foule brutale de convoitise. Et les étoffes vivaient, dans cette passion du trottoir : les dentelles avaient un frisson, retombaient et cachaient les profondeurs du magasin, d'un air troublant de mystère ; les pièces de drap elles-mêmes, épaisses et carrées, respiraient, soufflaient une haleine tentatrice; tandis que les paletots se cambraient davantage sur les mannequins qui prenaient une âme, et que le grand manteau de velours se gonflait, souple et tiède, comme sur des épaules de chair, avec les battements de la gorge et le frémissement des reins* (с. 33).

‘...женщины останавливались, толпились перед окнами, возбужденные от желаний. И ткани оживали под действием страстей, кипевших на улице; кружева чуть колыхались, таинственно скрывая за своими ниспадающими складками недра магазина; даже толстые четырехугольные штуки сукна дышали соблазном; пальто на оживших манекенах принимали все более округлые формы, а роскошное бархатное манто, гибкое и теплое, вздувалось, точно покоясь на женских плечах, облекая волнующуюся грудь, трепещущие бедра’.

Вещная деталь участвует в портретных описаниях, например, вспышка гнева старого Бодю при виде нового магазина:

25) *Entrez, ça vaudra mieux que de baguenauder devant des bêtises. Et, après avoir adressé aux étalages d'en face une dernière moue de colère, il livra passage.* (с. 19) ‘Входите, нечего ротозейничать на глупости. И, еще раз бросив злобный взгляд на витрины напротив, он провел детей в лавку’.

26) *Sa face bilieuse s'était éclairée, il n'avait plus les yeux saignants dont il regardait le Bonheur des dames* (с. 18). ‘Его желчное лицо просветлело, глаза уже не были налиты кровью, как в ту минуту, когда он смотрел на “Дамское счастье”’.

Также и мадам Бодю

27) *qui (...) était debout, toute blanche, ses yeux blancs fixés sur le monstre; et, résignée, elle ne pouvait le voir, le rencontrer ainsi de l'autre côté de la rue, sans qu'un désespoir muet gonflât ses paupières* (с. 35). ‘Г-жа Бодю (...) стояла теперь вся белая, устремив бесцветные глаза на чудовище. Хоть она и покорилась судьбе, все же зрелище огромного магазина на другой стороне улицы повергало ее в немое отчаяние, и слезы накопили у нее на глазах’.

Натуралистическая проза романа «*Au Bonheur des Dames*» иллюстрирует потенциальную силу вещной детали. В тексте романа вещь становится не просто частью пространственно-временного континуума, но маркером экзистенциального, мировоззренческого, социально-культурного момента. Это, скорее, а к с е с у а р времени. Пространство действия, имея реальный аналог, соответствует натуралистической идее и позволяет при этом сделать

заклучения о национально-исторической конкретности борьбы старого и нового, основываясь на оппозиции *лавка – магазин*, которые и являются ареной конфликта.

Узкое пространство квартала, в котором располагаются универсальный магазин и лавки коммерсантов, становится экзистенциальным символом эпохи – т.е. борьбы между новым капиталистическим и старым мелкобуржуазным укладами. Эта метафора – художественный образ взаимосвязанного и взаимозависимого пространства – способствует раскрытию идейного содержания романа, т.е. представлений общества и характеров отдельных личностей.

С другой стороны, вещь в романе позволяет содержательно обозначить этический и нравственный жизненные аспекты, зафиксировать динамику чувств и настроений (уныние, горечь, обреченность, презрение, переживание, готовность к борьбе и т. д.) характеров и действий персонажей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Différences entre Balzac et moi [Electronic resource] // Documents préparatoires des Rougon-Macquart. URL: <https://www.rougon-macquart.fr/dictionnaire-des-idees-litteraires/differences-entre-balzac-et-moi/> (accessed: 01.10.2021).
2. Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика : учебник, практикум. М. : Флинта : Наука, 2005. 496 с.
3. Вещь в философии [Электронный ресурс] // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона : в 86 т. Т. 82. СПб., 1890–1907. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/ЭСБЕ/Вещь_в_философии (дата обращения: 02.10.2021).
4. Есин А. Б. Время и пространство // Введение в литературоведение : учеб. пособие. М., 2004. С. 182–197.

Людмила Аркадьевна Шабашева
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры лексикологии французского языка
Минский государственный лингвистический университет

Liudmila A. Shabashova
PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor
of the Department of French Lexicology
Minsk State Linguistic University
from.luda@gmail.com

ФОНЕТИЧЕСКАЯ И ГРАФИЧЕСКАЯ СИСТЕМЫ ЯЗЫКА: НОРМА VS. ВАРИАТИВНОСТЬ

УДК 811.161.3'28'34

А. І. Забаштанская

Мінск, Беларусь

НЕРЭГУЛЯРНЫЯ ЗМЭНЫ САНАНТАЎ У БЕЛАРУСКАЙ ДЫЯЛЕКТНАЙ МОВЕ

У артыкуле праілюстраваны змены насавых і пярэднеязычных санантаў у беларускіх гаворках. Дадзеныя нерэгулярныя фанетычныя з’явы сустракаюцца як у спрадвечна беларускай, так і ў запазычанай лексіцы на ўсім беларускім дыялектным кантынууме. Яны характэрныя для дыялектнай мовы XX стагоддзя і занатаваныя ў шматлікіх лексікаграфічных выданнях.

К л ю ч а в ы я с л о в ы: *нерэгулярная фанетычная змена, фанематычная варыянтнасць, санант.*

O. I. Zabashtanskaya

Minsk, Republic of Belarus

IRREGULAR CHANGES OF SONANTS IN BELARUSIAN DIALECTS

The article illustrates the changes of nasal and anterolingual sonants in Belarusian dialects. These irregular phonetic phenomena occur both in native Belarusian and in borrowed vocabulary throughout the Belarusian dialect continuum, they are typical for the dialect language of the twentieth century and are recorded in many lexicographic sources.

K e y w o r d s: *irregular phonetic changes, phonemic variants, sonant.*

Беларуская мова, як і іншыя усходнеславянскія, характарызуецца адсутнасцю пазіцыйных чаргаванняў санантаў па месцы і спосабе ўтварэння, што ўласціва шэрагу індаеўрапейскіх і іншых моў. Неадрозненне славянскіх санорных, часцей за ўсё губных, адзначаецца у маўленні іншаземцаў. У сувязі з гэтым, фанематычныя варыянты, што адрозніваюцца санорнымі, у беларускай дыялектнай мове паўсталі ў выніку нерэгулярных фанетычных змен. У дадзеным артыкуле разглядаюцца змены санантаў як у спрадвечнай, так і ў запазычанай лексіцы. Матэрыялам даследавання паслужылі ў першую чаргу карты Лексічнага атласа беларускіх народных гаворак [1] і шэрагу рэгіянальных слоўнікаў [2], [3], [4], [5], [7], [8], [9].

1. Першая група слоў прадстаўлена фанематычнымі варыянтамі “насавы –насавы”. У лексемах, дзе вар’іруюцца насавыя сананты, нярэдка складана вызначыць, каторы варыянт з’яўляецца першасным, а які – інавацыяй, таму што мы назіраем вынікі старажытнай фанематычнай дывергенцыі.

/н/ → /м/: *бэ́гна – бэ́гма* ‘плаў на балоце, каля возера’, *сло́начнік – сло́мачнік* ‘сланечнік’, *пальы́нкі – паламкі* ‘адходы пры паланні’, *пало́нка – паломка* ‘палонка’, *паи́чэ́нкі – паи́чэ́мкі* ‘ніжняя сквіца ў жывёлы’, *ло́жная –*

ложмая ‘пакатая страха’. У дадзеным выпадку не выключаем і кантамінацыю ў варыянтах *пашчэмкі* (*шчаміць?*), *паломка* (*лумка?*), а таксама асабліваць дэрывацыі пры ўзнікненні варыянта *ложмая*: параўн. прысл. *ложма*. Варыянты занатаваны ў асобных раёнах (вузкарэгіянальнае пашырэнне): *палымкі* (Веткаўскі, Касцюковіцкі, Клімавіцкі, Хоцімскі, варыянт *палынкi* адзначаецца ў некалькіх раёнах Магілёўшчыны); *сломачнік* (Копыльскі), *слоначнік* (Салігорскі); *пашчэмкі* (Шчучынскі, Воранаўскі, слова *пашчэнкі* занатавана ў заходняй дыялектнай зоне з пераважнай канцэнтрацыяй у гаворках Гродзеншчыны); *ложмая* (Бялыніцкі) пры агульнабеларускім варыянце *ложная*; *бэзма* (Пухавіцкі). Адзначаецца паралельнае ўжыванне варыянтаў: *бэзма* (в. Вецярэвічы, Пухавіцкі р-н); *паломка* (в. Лукі, Карэліцкі р-н).

/н’/ → /м’/: *нэріт* – *мэрет* ‘венцер’. Варыянт *мерет*, хутчэй за ўсё – фінскі субстрат (параўн. карэльскае *merda*, эстон. *mörd* [10, с. 171]), пра што ўскосна сведчыць пашырэнне дадзенага варыянта ў зоне фінскай гідранімікі; *сонечнік* – *сэмечнік* ‘сланечнік’, *сняце́й* – *смяце́й* ‘галаўня ў каласах ячменю, пшаніцы’. Варыянт *смяцей* тлумачыцца народнай этымалогіяй (параўн. *смеце*). Вузкарэгіянальнае пашырэнне: *мерет*, *мерат* (Касцюковіцкі, Краснапольскі, Мсціслаўскі р-ны), у той час як *нэріт* адзначаецца на паўночным усходзе; *смяцей* (Гродзеншчына і Барысаўскі р-н., ў супрацьвагу – варыянт *сняцей* занатаваны ў гаворках Брэстчыны); *сэмечнік* (Калінкавіцкі), варыянт *сонечнік*, занатаваны пераважна ва ўсходнепалескім арэале. Занатавана паралельнае ўжыванне абодвух варыянтаў у адным населеным пункце: *меріт* (в. Старына Мсціслаўскі р-н).

/м/ → /н/, /н’/: *клунка* – *клумка*, *клунак* – *клумак*, *замуздаць* – *зануздаць* ‘закелзаць’, *муздэчка* – *нуздэчка*; *лумка* – *лунка* ‘палонка’, *трам* – *тран* ‘трама’, *самапра́ха* – *санапра́ха*, *самапра́дка* – *санапра́дка*, *самапря́лка* – *санапра́лка* ‘самапрадка’, *цьма* – *цьна* ‘многа’, *галаму́тыць* – *колону́тыць* ‘нудзіць’, *про́ламка* – *про́ланка* ‘палонка’, *мазгра́* – *назгра́* ‘мякаць у гарбузе’, *бамбі́за* – *банбі́за* ‘гультай, абібок’, параўн. літ. *bambiza* ‘тж’, *крумка́ч* – *кранка́ч*, *крунка́ч*, *грумга́ч* (*грумга́ч*) – *грунка́ч*, *по́лам* – *по́лань* ‘полымя’. Варыянты з каранямі *кун-* (*кун-*) характарызуюцца няяснай этымалогіяй [11, т. 5, с. 58], таму цяжка вызначыць, які з іх з’яўляецца інавацыяй. Гэтая варыянтнасць намі класіфікавана як вынік змены /м/ → /н/, паколькі гіпатэтычна можна звязаць корань *кун-* з коранем *клуб-* (параўн. *клубок*, *клубіцца*). Пашырэнне розных дэрыватаў ад каранёў *кун-* і *клуб-* агульнабеларускае, акрамя таго, абодва варыянты адзначаны ва ўкраінскіх гаворках [11, 5, с. 68]. Рэгіянальнае пашырэнне: *зануздаць* (гаворкі Гомельшчыны, спарадычна сустракаецца ў гаворках Віцебшчыны і Магілёўшчыны, варыянт *замуздаць* адзначаецца ва ўсходняй зоне); дэрываты з мадыфікацыяй караня *сан-*: *санапрадка* (гаворкі Гомельшчыны і Магілёўшчыны, Чэрвенскі р-н.), *санапраха* (Гомельшчына), *санапралка* (гаворкі усходняй Віцебшчыны), немадыфікаваныя варыянты *самапрадка*, *самапраха*, *самапралка* ўжываюцца паралельна ў адзначаных арэалах, акрамя таго, варыянт *самапрадка* пашыраны на ўсім Палессі; *лунка* (паўночна-ўсходні дыялект з канцэнтрацыяй у паўночным арэале), варыянт *лумка* мае вузкарэгіянальнае пашырэнне

(Мазырскі, Лоеўскі р-ны), а таксама сустракаецца ў рускім дыялектным кантынуўме (Наўгародская, Чарапавецкая, Смаленская вобласці). Вузкарэгіянальнае пашырэнне: *тран* (Іўеўскі, Слоніўскі, Ляхавіцкі, Ашмянскі); *проланка* (Крупскі); *колонуціць* (Столінскі); *цьна* (Хоціўскі); *назгра* (Крупскі); *кранкач* (Астравецкі, Шальчынскі), *крункач* (Ігналінскі), *грункач* (Пастаўскі, Верхнедзвінскі, Расонскі, Полацкі, варыянт *грумкач* адзначаны ў Мядзельскім, Шаркаўшчынскім, Докшыцкім раёнах.); *нудэчка*, *гнуздэчка* (Лоеўскі, Лельчыцкі), *полань* (Докшыцкі). Адзначана паралельнае ўжыванне абодвух варыянтаў: *клунак* (в. Бахань, Слаўгарадскі, в. Дзяржынск, Лельчыцкі), *лунка* (в. Ручаёўка, Лоеўскі), *санапраха* (в. Варатынь, Бабруйскі), *санапрадка* (в. Варатынь, Бабруйскі, в. Азяраны, Рагачоўскі) і інш. [6].

/м'/ → /н'/: *прыміца* – *прыніца* ‘пераплёт (у страсе паверх саломы), *сермяга* – *серняга* ‘кафтан’. Вузкарэгіянальнае пашырэнне: *прыніца* (Жыткавіцкі, Лунінецкі) пры вузкарэгіянальным *прыміца* (Лунінецкі, Столінскі); *сэрняга* (Жабінкаўскі, Драгічынскі, варыянт *сермяга* занатаваны ў абодвух дыялектах паўднёва-ўсходняга арэалу).

2. Другая група прадстаўлена фанематычнымі варыянтамі тыпу “пярэднеязычны – пярэднеязычны”. Назіраецца шмат марфалагічных варыянтаў, дзе дадзеныя санорныя з’яўляюцца суфіксамі або выступаюць у складзе сінанімічных суфіксаў. У такіх выпадках нельга гаварыць пра фанетычныя змены, асабліва калі варыянты суіснуюць ў розных тэрытарыяльна несумезных гаворках: *уэдла* – *уэдна* ‘уедліва (што-небудзь рабіць)’, *курэнь* – *курэль* ‘дымар’, *дупна́та* – *дупла́та* ‘дуплаватая’, *сноўля* – *сноўня* ‘прыстасаванне, пры дапамозе якога снуюць кросны, сноўніца’, *цёрніца* – *цёрліца* ‘церніца, прасцейшая прылада для апрацоўкі льну’, *бульбэнішча* – *бульбэлішча* і г.д. У каранёвых марфемах такая варыянтнасць прадстаўлена наступнымі фанемнымі парамі: /л/– /н/, /л'/– /н'/, /р/– /л/(/л'/), /р/– /н'/.

/л/ → /н/: *колокóлы* – *колокóны* ‘шамкі’, *коловорóтка* – *коноворóтка* ‘самапрадка’. Дадзеныя змены маюць дысімілятыўныя прычыны. Вузкарэгіянальнае пашырэнне: *колоконы* (Нараўлянскі, Светлагорскі р-ны); *коноворотка* (Бярозаўскі).

/л'/ → /н'/: *зямля* – *зымня*, *гэгли* – *гэгни* ‘рыбалоўная крыга’, *вэсліца* – *вэсніца* ‘драбіны’, *балька* – *банька* ‘бэлька’, *замуліца* – *замуніца* ‘замыліца’, *лячай*, *лечая* – *нячай* ‘адтуліна ў верхнім жарне для засыпкі збожжа’. Варыянт *зымня* – рэфлекс праславянскага **zetja* (параўн. ст.-руск. *земя*, *земля*, польск. *zemia*), распаўсюджаны ў брэсцкіх гаворках. Фанематычныя варыянты *геглі*, *гегні* – запазычанне з літоўскай [11, т. 3, с. 76] і абодва занатаваны ў арэале беларуска-балцкага памежжа (Пастаўскі, Браслаўскі, Мядзельскі). Фанематычныя варыянты *банька* і *весьніцы*, магчыма, узніклі ў выніку дээтымалагізацыі асновы. Вузкарэгіянальнае пашырэнне: *банька* (Бабруйскі, Жлобінскі), *весніцы* (Стаўбцоўскі, Свіслацкі), *нячай* (Пухавіцкі). Лакальнае: *замуніца* (в. Аздамічы. Столінскі). Адзначана паралельнае ўжыванне: *зымня* (в. Азарычы. Пінскі), *банька* (в. Кароткавічы, Жлобінскі), *нячай* (в. Вецярэвічы Пухавіцкі).

/н/ → /л/: *ясны* – *ясла* ‘дзясны’, параўн. укр. *ясни* ‘тж’; *дзясны* – *дзяслы*, параўн. прасл. **dęsn-*, руск. *десна*, польск. *dziąsła* [12, т. 3, с. 98]; *свентыянка* – *свентыялка* ‘святаяннік’. Фанематычны варыянт *свентыялка* ўзнік у выніку дысіміляцыі. Вузкарэгіянальнае пашырэнне: *ясла* (заходнепалескія гаворкі, Бярозаўскі р-н.); *дзяслы* (Валожынскі, Аршанскі, Горацкі, Краснапольскі, Мсціслаўскі), *свентыялкі* (Глыбоцкі). Адзначаны паралельнае ўжыванне абодвух фанематычных варыянтаў у адным населеным пункце: *дзяслы* (в. Грывец, Горацкі, в. Старына, Мсціслаўскі), *ясла* (в. Дружылавічы, Іванаўскі).

/н’/ → /л’/: *клómня* – *клómля* ‘рыбалоўная крыга’, параўн. прасл. архетып **klotъnja* [11, т. 5, с. 64]. Вымаўленне *клómня* пашырана ў заходнепалескіх гаворках, *клómля* – збольшага на поўнач ад іх (Брэстчына, часткова Гродзеншчына).

У беларускай дыялектнай мове даволі распаўсюджаная мена плаўных *л і р*. Такія змены не маюць ізафонаў і сустракаюцца спарадычна па ўсім масіве. Часам у навуковай літаратуры такія змены называюцца маргінальнымі, таму што /л/ у мадыфікаваным варыянце мае характар сурагатнага. Назіранні над шэрагам рускіх гаворак далі падставу дыялектолагам тлумачыць неадрозненне *р і л* пэўнымі асаблівасцямі апікальнай артыкуляцыі [13].

/р/ → /л/: *грузд* – *глузды* ‘смаржок канічны’, *бурбóча* – *балбóча* ‘бурліць (пра ваду)’, *прóруб* – *прóлуб* ‘палонка’ (кантамінацыя са словам ‘лунка’), *прóрубка* – *прóлубка* ‘тж’, *рымáр* – *лымáр* ‘рымар’, *рóвар* – *рóвал* ‘веласіпед’, *брында* – *блында* ‘жанчына, якая любіць хадзіць па сяле’, ‘нехайная жанчына’. Фанематычны варыянт *блында* лічыцца балцкім запазычаннем (параўн. лат. *blinda* ‘бадзяга, валацуга’) [11, т. 1, с. 363], у той час як *брында* мае славянскае паходжанне: *брындацца* ‘боўтацца, таўчыся без толку’ [11, т. 1, с. 390]. Варыянты *пролуб*, *пролубка* маглі ўзнікнуць у выніку кантамінацыі са словам *палонка*, *лумка*. Фанематычныя варыянты *ровал* і *лымар* – з’яўляюцца вынікам дыстактнай асіміляцыі. Рэгіянальнае пашырэнне: *пролубка* (гаворкі Віцебшчыны і сумежныя з імі гаворкі Магілёўшчыны і Міншчыны), *лымар* (заходнепалескія гаворкі). Астатнія мадыфікаваныя варыянты характарызуюцца вузкарэгіянальным пашырэннем на ўсім беларускім дыялектным кантынууме.

/р/ → /л’/: *мы́рса* – *мы́льса* ‘мыса ў каровы’, *пурга́* – *пультга́* ‘мяцеліца’, *жэўрэць* – *жэўлець* ‘глець, гарэць без полымя’. Працэс лексічнага асваення фіна-ўгорскага запазычання *пурга* з дээтымалагізаванай асновай, хутчэй за ўсё, спарадзіць народную этымалогію (*шпуляць?*). Вузкарэгіянальнае пашырэнне: *мыльса* (Ваўкавыскі).

/л/ → /р/: *пabлы́таны* – *пabры́таны*, *блута́юцца* – *брыта́юцца*, *брыта́ць* ‘плесці’, *шчалубі́на* – *шчарубі́на*, *балаба́йка* – *бараба́йка* ‘званок’ (на шыі каровы, авечкі), *крухма́л* – *крухма́р*, *клымбeль* – *крымбeль* ‘цурка для вязання снапоў’, *вeльма* – *вeрма* ‘вельмі’. Варыянты *крухмар*, *крымбeль* – таксама вынік дыстактных асімілятыўных працэсаў, звязаных з асваеннем лексем

неславянскага паходжання. Пашырэнне ўсіх мадыфікаваных варыянтаў вузкарэгіянальнае або лакальнае, што можа сведчыць пра адносна новую змену [6].

/л'/ → /р/: *багу́льнік* – *багур'нік* ‘багун’, *паліса́днік* – *пара́саднік*. Варыянт *парасаднік* – вынік кантамінацыі лексем на аснове народнай этымалогіі (*расада?*). Вузкарэгіянальнае пашырэнне: *багур'нік* (Мядзельскі, Мінскі) Лакальнае: *парасаднік* (в. Княжыцы, Магілёўскі р-н).

/р/ → /н'/: *рэкру́т* – *не́крут*. Аказіянальная змена з лакальным пашырэннем (в. Цераблічы, Столінскі р-н).

Варта адзначыць, што фанематычная варыянтнасць лексем, якая закрапае якасныя характарыстыкі зычных, прадстаўлена ў беларускай дыялектнай сістэме шматлікімі фактамі. Механізм фанетычнай дывергенцыі заснаваны на адной або некалькіх якасных прыкметах – артыкуляцыйных, акустычных або абедзвюх адначасова. Пры ўсім гэтым, семантыка варыянтных фанемных комплексаў атаясамліваецца ў свядомасці носьбітаў мовы: фанематычная варыянтнасць, што ўзнікла ў выніку змены нерэгулярнага характару, як правіла, не прыводзіць да сэнсавай дывергенцыі. [6] Нярэдка назіраецца вымаўленне абодвух варыянтаў у адным населеным пункце, што сведчыць пра няўстойлівасць дадзеных фанемных комплексаў і жывыя працэсы ў маўленні носьбітаў асобных гаворак.

Нерэгулярныя змены санантаў, агульных па месцы і спосабу ўтварэння, адзначаюцца ў асобных лексемах спрадвечна беларускага і запазычанага паходжання на ўсім дыялектным кантынууме. У лексемах беларускага паходжання яны нярэдка абумоўлены нефанетычнымі прычынамі, сярод якіх – дээтымалагізацыя асновы і маргінальнае вымаўленне сурагатных гукаў. У запазычанай лексіцы мы можам назіраць асімілятыўна-дысімілятыўныя працэсы, якія з'яўляюцца вынікам засваення асобных лексем.

ЛІТАРАТУРА

1. Лексічны атлас беларускіх народных гаворак : у 5 т. / Акад. навук Беларусі, Ін-т мовазнаўства. Мінск : Беларус. фонд фундам. даслед. : Кам. дзярж. знакаў, 1993-1998. 5 т.
2. Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча : у 5 т / АН БССР, Ін-т мовазнаўства ; уклад. Ю. Ф. Мацкевіч [і інш.]. Мінск : Навука і тэхніка, 1979-1986. 5 т.
3. Тураўскі слоўнік : у 5 т. / АН БССР, Ін-т мовазнаўства ; склад. А. А. Крывіцкі [і інш.] Мінск : Навука і тэхніка, 1982-1987. 5 т.
4. Дыялектны слоўнік Брэстчыны / склад. М. М. Аляхновіч [і інш.]. Мінск : Навука і тэхніка, 1989. 294 с.
5. Бялькевіч І. К. Краёвы слоўнік Усходняй Магілёўшчыны. Мінск : Навука і тэхніка, 1970. 512 с.
6. Забаштанская А. І. Нерэгулярныя фанетычныя з'явы ў беларускай дыялектнай мове : дыс. ... канд. філал. навук : 10.02.01. Мінск, 2008. 133 л.

7. Матэрыялы да слоўніка мінска-маладзечанскіх гаворак : у 3 вып. / пад рэд. М. А. Жыдовіч. Мінск : Выд-ва БДУ, 1970-1977. 3 вып.
8. Слоўнік гаворак цэнтральных раёнаў Беларусі : у 2 т. Мінск : Універсітэцкае, 1990. 2 т.
9. Янкова Т. С. Дыялектны слоўнік Лоеўшчыны. Мінск : Навука і тэхніка, 1982. 432 с.
10. Мызников С. А. Атлас субстратной и заимствованной лексики русских говоров Северо-Запада. СПб. : Наука, 2003. 359 с.
11. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / АН БССР. Мінск : Навука і тэхніка, 1978–2008. 12 т.
12. Słownik prasłowiański. Wrocław : Wydawn. Polskiej Akad. Nauk, 1974–1991. 6 t.
13. Касаткина Р. Ф. Некоторые проявления апикальных артикуляций в русских говорах // Фонетика сегодня: актуальные проблемы и университетское преподавание : тез. докл. Междунар. конф., Звенигород, 25–27 нояб. 1998 г. / Моск. гос. ун-т. М., 1998. С. 105–108.

Оксана Игоревна Забаштанская

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры славянских языков
УО «Минский государственный лингвистический университет»

Oxana I. Zabashtanskaya

PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor
of the Department of Slavic Languages
Minsk State Linguistic University
xenia_z@tut.by

УДК 811.133.1'34

И. Г. Лебедева

Минск, Беларусь

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАНЦУЗСКОЙ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ РЕЧИ

Дается толкование понятию эмоциональная речь, определяются мелодические, акцентные и темпоральные особенности эмоциональной речи, сравнивается просодическое оформление речи, выражающей эмоции радости, печали и гнева.

К л ю ч е в ы е с л о в а : эмоции, просодические особенности, темпоральные характеристики, мелодия, акцентуация.

I. G. Lebedzeva

Minsk, Belarus

PHONETIC CHARACTERISTICS OF FRENCH EMOTIONAL SPEECH

An interpretation of the concept of emotional speech is given, the melodic, accentuated and temporal characteristics of emotional speech are determined, the prosodic concept of speech that expresses the emotions of joy, sadness and anger is compared.

Key words: emotions, prosodic features, temporal characteristics, melody, accentuation.

Как и П. Экман, К. Изард считает, что базовые эмоции возникли в результате эволюционно-биологических процессов индивида и служат для его адаптации. Они имеют характерные нервные субстраты; проявляются при помощи выразительной и специфической мимики; влекут за собой отчетливое и специфическое переживание, которое осознается человеком; оказывают организующее и мотивирующее влияние на человека [1].

Классифицируя эмоции по их специфическому содержанию, К. Шнайдер отмечает, что всякая эмоция непременно касается чего-то: состояния самого субъекта или кого-то другого. Каждый вид эмоций может быть как приятным, так и неприятным. Так, приятные эмоции и состояния сводятся к радости, удовольствию, веселью, счастью, спокойствию, уверенности, довольству; неприятные – к печали, тоске, страху, апатии, грусти, огорчению, беспомощности, ностальгии по Родине, отчаянию, тревоге, содроганию, обиде, гневу, злости, зависти, ревности, недовольству, пустоте [2]. Следует отметить, что виды эмоций, направленных на себя и на других, также очень детальны. Возможно, этот факт связан с тем, что К. Шнайдер, являясь общепризнанным исследователем в области психиатрии, имел целью точно описать каждое из проявлений эмоций, однако данное обстоятельство затрудняет использование этой классификации, особенно если речь идет об исследовании проявления эмоций в речи.

Проявляясь в ответ на воздействие жизненно важных событий, эмоции способствуют либо мобилизации, либо торможению психической деятельности и поведения. В зависимости от влияния на поведение и деятельность человека эмоции подразделяются на стенические, активизирующие жизнедеятельность организма и побуждающие к действию, а также астенические, угнетающие и подавляющие жизненные процессы в организме [3]. Примером стенических эмоций являются радость, гнев, удивление; астенических – стыд, печаль.

Во время общения мы выражаем эмоции в устной или письменной речи. Эмоциональное состояние человека проявляется как на невербальном, так и на вербальном уровне. Эмоции пронизывают абсолютно все языковые уровни – лексику, морфологию, синтаксис, однако в наибольшей степени они ощутимы на просодическом уровне, поскольку наш голос физиологически оказывается вплетенным в целый комплекс изменений при переживании эмоций, особенно таких краеугольных, как радость, гнев и грусть.

Исследователи утверждают, что для нейтральной речи свойственны четыре регистра – высокий, средневысокий, средний, низкий [4]. В экспрессивной речи тональный диапазон больший: добавляются еще сверхвысокий и сверхнизкий уровни [5]. Интервал изменения частоты основного тона может быть узким и широким, если охватывает более двух регистров.

Как видно из рисунка 1, для эмоции радости свойственен широкий интервал изменения частоты основного тона, появляются два добавочных уровня, отмечаются резкие скачки в изменении высоты голоса. В нашем исследовательском материале фразы, выражающие эмоцию радости, имели сложную восходяще-нисходящую конфигурацию тона.

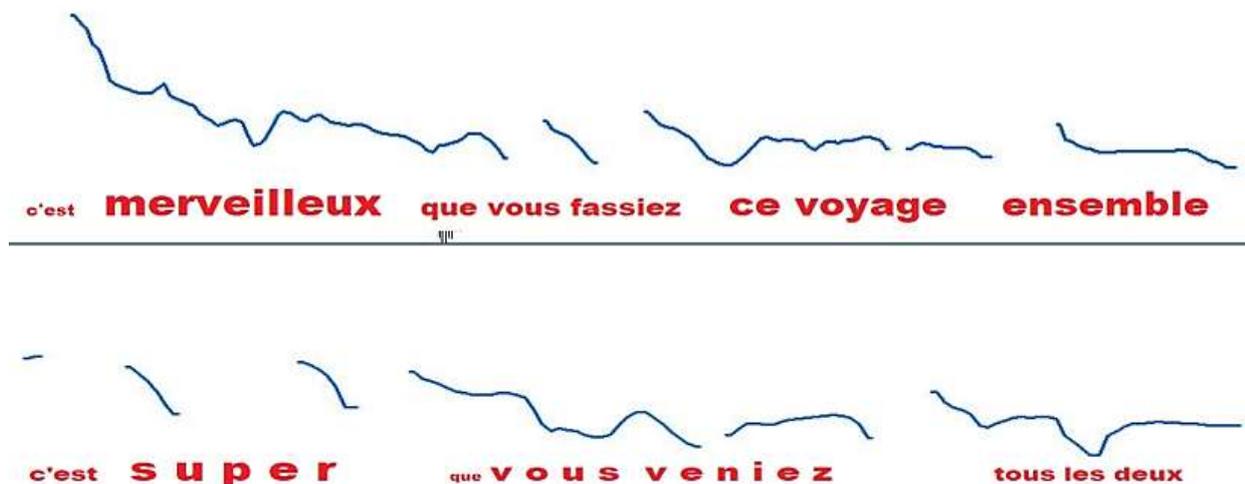

Рис. 1. Мелодическое оформление эмоции радости

Эмоция грусти, напротив, характеризовалась узким мелодическим интервалом, во фразе преобладало нисходящее движение тона, хотя, как видно из рисунка 2, на словах, непосредственно объясняющих причину грусти, присутствуют тоны сложной конфигурации (*désespéré, les boules*).

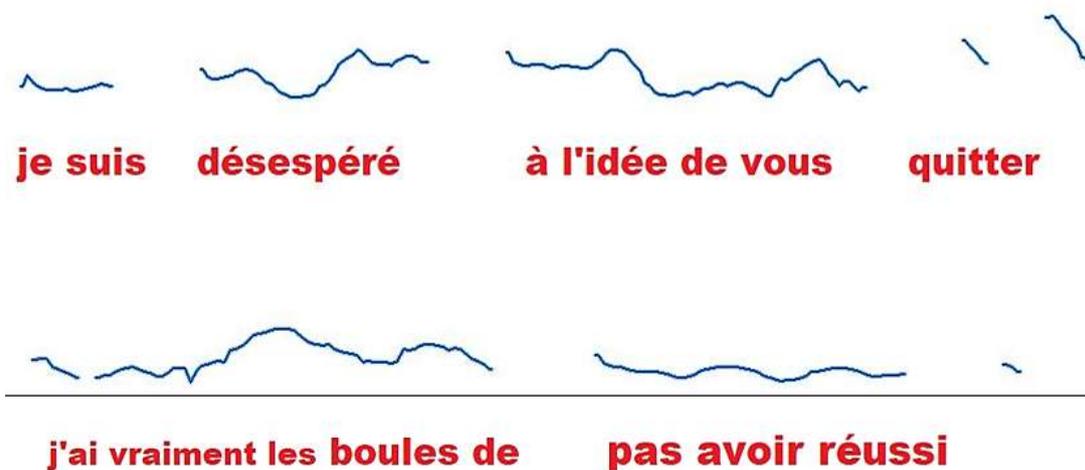

Рис. 2. Мелодическое оформление эмоции печали

Следует отметить, что тоны сложной конфигурации также присутствуют и на эмоции гнева (рис. 3). Можно предположить, что появление сложных тонов во французской речи свидетельствует о передаче эмоциональности вообще. На то, какая именно эмоция присутствует в данный момент, указывают ширина интервала и плавность или скачкообразность изменения тона.

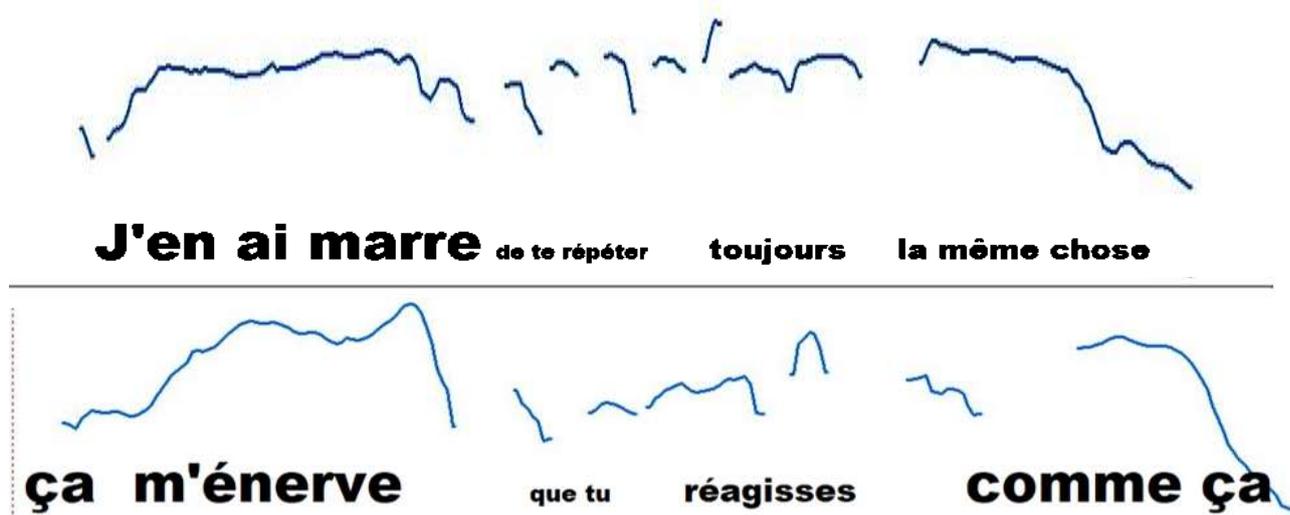

Рис. 3. Мелодическое оформление эмоции гнева

Как видно из рисунка 3, для эмоции гнева, в отличие от радости и грусти, свойственно скачкообразное изменение тона на ударных слогах.

Таким образом, эмоциональность речи передается прежде всего появлением тонов сложной конфигурации, поскольку они присутствовали при выражении всех трех исследуемых нами эмоциональных состояний. Сильные стенические эмоции сопровождаются широким мелодическим интервалом, астенические – узким. Наклон тона скорее указывает на то, какая именно эмоция – положительная или отрицательная. Отрицательные эмоции отличаются скачкообразные изменения, положительные – плавные.

Однозначно вовлеченным в выражение эмоций оказывается темп. Как показало наше исследование, самый низкий темп речи отмечался при выражении эмоции грусти – 7 зв/с. Как видно из рисунка 4, при выражении грусти могут присутствовать длинные продолжительные паузы. Кроме того, слоги растягиваются, артикуляция замедляется.

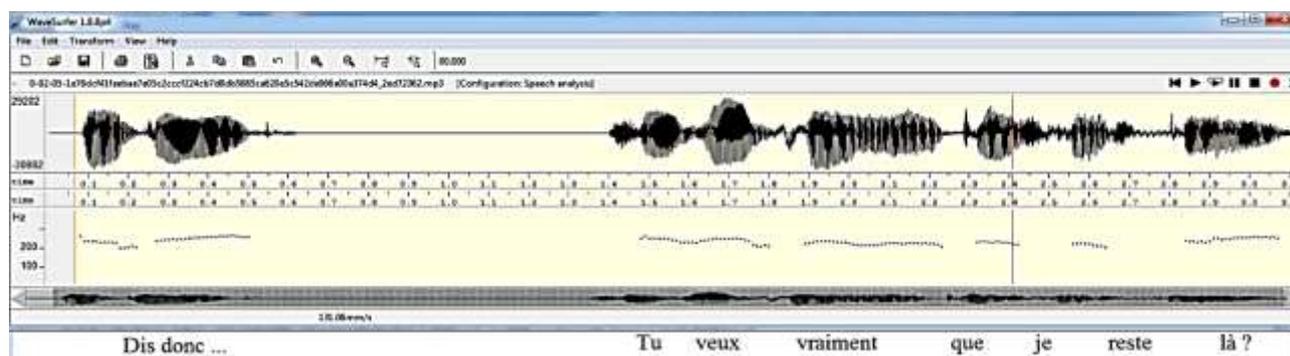

Рис. 4. Темпоральная организация выражения эмоции грусти

Максимальный темп при выражении радости – до 11 звуков в секунду. Однако, как видно из рисунка 5, темп не равномерен. При выражении восторга слоги могут растягиваться, появляться возгласы *Oh! Ah!*, дыхательные паузы, во время которых человек как бы захлебывается от эмоций, – все эти явления могут существенно замедлять темп – до 8 зв/с.

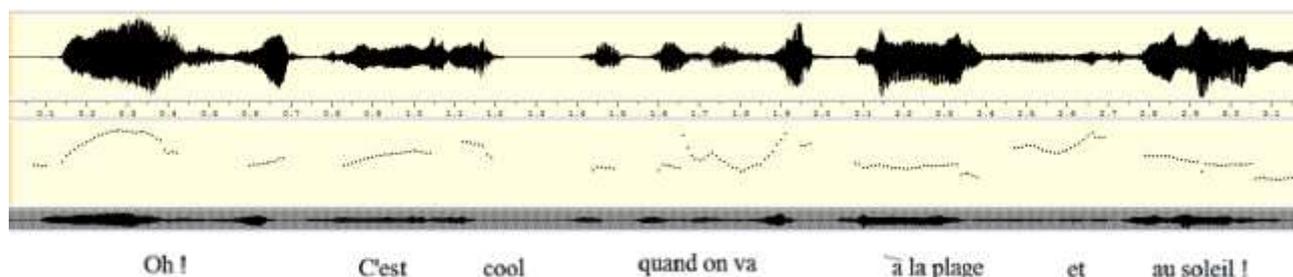

Рис. 5. Темпоральная организация выражения эмоции радости

Выражение эмоции гнева отличается достаточно быстрым равномерным темпом – 10 зв/с (рис. 6). При выражении этой эмоции присутствуют короткие демаркативные паузы, которые скорее отделяют одну мысль от другой. Следует заметить, что в те моменты, когда гнев превращается в ярость и человек вне себя, могут иметь место удлинения отдельных слогов.

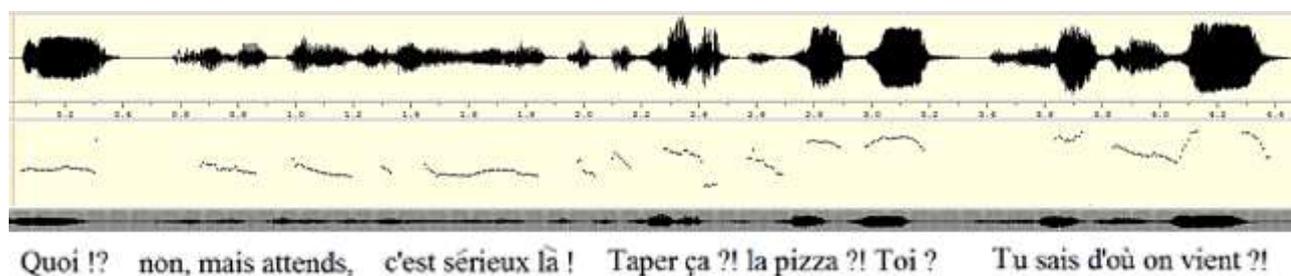

Рис. 6. Темпоральная организация выражения эмоции гнева.

Несомненно, важную роль при выражении эмоций играет акцентная выделенность. В зависимости от характера эмоций динамические показатели варьируются: они достигают своих максимальных значений при выражении гнева, минимальных – грусти. При выражении гнева динамический компонент заглушает все остальные. В эмоции радости эмоциональная выделенность реализуется с привлечением тональных изменений, в эмоции грусти – темпоральных.

Таким образом, выражение эмоций пронизывает абсолютно все языковые уровни – лексику, морфологию, синтаксис, однако в наибольшей степени оно ощутимо на просодическом уровне, поскольку наш голос физиологически оказывается вплетенным в целый комплекс изменений при переживании эмоций, особенно таких краеугольных, как радость, гнев и грусть.

ЛИТЕРАТУРА

1. Изард К. З. Психология эмоций. СПб. : Питер, 2007. 464 с.
2. Шнайдер К. Клиническая психопатология. М.: Сфера, 1999. 296 с.
3. Goleman D. Surmonter les émotions destructrices. Paris : Pocket, 2008. 682 p.
4. Rossi M. L'intonation, le système du français : description et modélisation. Paris : Ophrys, 1999. 237 p.
5. Léon P. Phonétisme et prononciations du français. Paris : Nathan, 1992. 175 p.

Инна Геннадьевна Лебедева
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры фонетики и грамматики французского языка
УО «Минский государственный лингвистический университет»

Ina G. Lebedzeva
PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department
of French Phonetics and Grammar Minsk State Linguistic University
inna.lebedzeva123@gmail.com

УДК 811.133.1'34'373'42

И. Г. Лебедева, А. О. Буевич
Минск, Беларусь

ОСОБЕННОСТИ ФРАНСИЗАЦИИ ОНИМОВ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ТЕЛЕВИЗИОННОМ ДИСКУРСЕ

В данной статье рассмотрено функционирование онимов иноязычного происхождения во французских теленовостях, выявлены закономерности в их произнесении дикторами французских телевизионных каналов.

Ключевые слова: дискурс, новости, заимствованные имена собственные, гласные, согласные, фонетические особенности, орфография.

I. G. Lebedzeva, A. O. Buyevich
Minsk, Belarus

FEATURES OF THE FRANCISATION OF PROPER NAMES IN THE FRENCH TELEVISION DISCOURSE

This article examines the functioning of onyms of foreign language origin in French TV news, identifies certain patterns in their pronunciation by the announcers of a French television channels.

Key words: discourse, news, borrowed names, vowels, consonants, phonetic features, spelling.

Онимы, образуя обширный пласт в языке, с давних пор привлекают внимание ученых [1]. Особенность этих лексических единиц позволила выделить их изучение в отдельную науку – ономастику [2]. Но все же проблема передачи онимов остается слабо изученной, скорее всего из-за того, что такие лексические единицы не требуют особого внимания при переводе: имена собственные при передаче на иностранный язык либо транскрибируются, либо транслитерируются [3]. Значительную трудность иноязычные онимы представляют при их произнесении, что является сложной и многогранной проблемой, зачастую связываемой с многочисленными недоразумениями и ошибками [4]. Лучше всего с данной задачей

справляются дикторы, речь которых является образцовой и позволяет в некоторой степени проследить путь, который проделывает слово в процессе своей франсизации [5].

Для проведения исследования нами было прослушано 43 новостных блока, из которых были выбраны заимствованные имена собственные. Употребление в речи чужеродных слов всегда сопряжено с их фонетической модификацией. В ходе анализа мы выявили заимствованные имена собственные, принадлежащие 21 языку-донору. Наиболее частотными языками-донорами являются английский и голландский языки (рисунок 1).

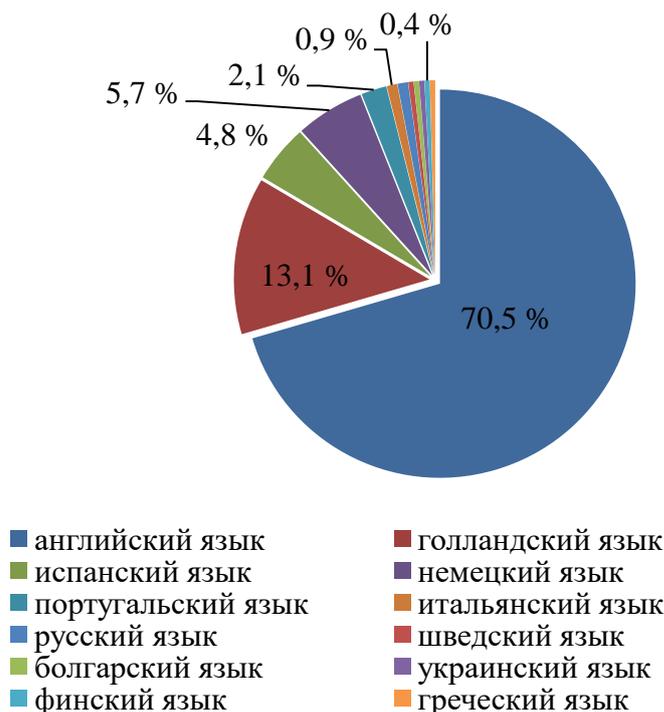

Рис. 1. Языки-доноры заимствованных имен собственных, % от общего количества языков в экспериментальном исследовании

В процессе исследования были выявлены закономерности франсизации, которые относятся ко всем (или почти ко всем) языкам:

1. Французский слоговой тип можно обозначить как окситональный, т.е. концентрирующий ударение и усилие органов речи на своем последнем элементе. В проанализированном нами экспериментальном материале отмечались редкие случаи сохранения ударения, как в языке-доноре. Так, например, голландская фамилия *De Wever* имела ударение на предпоследнем слоге, как и в языке-доноре. Такие же изменения присутствовали при произнесении имени *Alfred* из американского английского. Однако 98 % заимствованных онимов четко произносились с ударением на последнем слоге.

2. Выпадение [h] всегда является частью франсизации имен собственных.

Следует особо отметить отсутствие [h] в заимствованиях английского языка: *Ohio, Manhattan, Whitehall Street, New Hampshire, Velma Hart, Lewis Hamilton et Manganese Bronze Holdings, Hollywood*. Примечательным является

появление небольшой паузы между согласной, предшествующей *h*, и гласной, следующей за ней, или, наоборот, установление вокалического сцепления. На наш взгляд, подобные модификации зависят от длины и сложности названия и знакомства публики с ним. Когда *h* полностью находится внутри слова, т.е. с согласным и гласным, окружающими его непосредственно, имеет место сцепление (*Manhattan* [mana'tan], *Whitehall Street* [wajtɔl'stɛit]).

Для большинства языков-доноров, заимствования из которых прозвучали в теленовостном дискурсе, характерна звонкая альвеолярная согласная [ɹ] или звонкая альвеолярная щелевая согласная [r], как, например, в английском. Поскольку для французского языка они нетипичны, эти звуки заменяются звонким увулярным фрикативным согласным [ʁ].

4. Влияние орфографии имен собственных в языке-доноре на произношение на французском языке. *Obama* [ou'ba:mə] → [oba'ma]. В подобных случаях правописание, используемое исходным языком, точно определяет произношение в языке реципиенте (таблица 1).

Т а б л и ц а 1

Случаи замены гласных в заимствованных именах

Гласные в языках-донорах	Гласные в языке-реципиенте	Процентное соотношение замен гласных в заимствованных именах собственных, %
<i>a</i>	[a]	100
<i>aa</i>	[a:]	100
<i>ai</i>	[e]	100
<i>e</i>	[ə]	51,8
	[ɛ]	48,2
<i>i</i>	[i]	100
<i>o</i>	[o]	98,3
	[ɔ]	1,7
<i>ol</i>	[ɔl]	100
<i>ou(r)</i>	[u(ʁ)]	100
<i>ae</i>	[œ]	87,7
	[aɛ]	12,3

5. Модификация гласных и согласных, чуждых французскому языку. Например, если языком-донором выступает немецкий язык, модификации подвержен [ɐ] – нижний центральный гласный верхнего подъема: *Roger Federer* [rɔ'zœ:v fedə'vœ:v]. Если языком-донором выступает русский, происходит изменение гласного [o] на [jɔ]: *Пётр Павленский* ['pjɔtr pavlen'ski].

Тенденция к использованию французских звуков в заимствованных именах собственных имеет место как в консонантизме, так и в вокализме. Причем функционирование гласных полностью соответствует основным направлениям развития французского языка. Так, например, открытая неокругленная гласная заднего ряда [a], которую мы все еще идентифицируем в «â» в слове *pâte*, но

которая в современном французском языке больше не используется (за исключением случаев, когда говорящие отличают его от *patte*), не чужда французскому языку. Однако в заимствованиях гласная [a] систематически становится открытой неокругленной гласной переднего ряда [a], например: *Lance Armstrong* (см. таблица 2).

Т а б л и ц а 2

Замены гласных из языков-доноров в языке-реципиенте

Гласный в языках-донорах	Гласный в языке-реципиенте	Процентное соотношение замен гласных, %
[a]	[a]	100
[ɔ]	[ɔ]	100
[æ]	[a]	100
[i]	[i]	97,4
[i]		
[ɔ]	[u]	93,3

6. Современный французский язык не обладает дифтонгами, поэтому дифтонги в заимствованных именах собственных подвергаются монофтонгизации (Таблица 3).

Т а б л и ц а 3

Монофтонгизация дифтонгов и трифтонгов

Дифтонги/трифтонги языков-доноров	Произношение в языке-реципиенте	Процентное соотношение произношения дифтонгов/трифтонгов, %
[aj]	[i]	53,3
	[aj]	46,7
[aɔ]	[aɔ]	100
[eə]	[ɛʁ]	100
[ej]	[ɛ]	50
	[ɛ:]	28,57
	[ɛj]	14,28
	[a]	7,15
[ɔj]	[wa]	100
[ou]	[o]	95,39
	[ou]	4,61
[ju]	[u]	50
	[ju]	50
[jʊə]	[ø]	100

7. Несмотря на то, что аффрикаты отсутствуют во французском консонантизме, при произнесении имен собственных в новостном дискурсе иногда сохраняются такие сочетания как [dʒ] и [tʃ].

8. Назализация и появление носовых гласных в заимствованных онимах присутствуют примерно в 50 % случаев. Как правило, репортеры и ведущие сами решают, произносить слово на французский манер или же сохранить элементы языка-донора.

Таким образом, феномен заимствования онимов является достаточно распространенным в теленовостном дискурсе. Частотное использование имен собственных приводит к приобретению словом характерного для французского языка облика: происходит смещение ударения на последний слог, наблюдается замена звуков языка-донора привычными для языка-реципиента звуками.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дейк Т. А. ван. Анализ новостей как дискурса // Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск, 2000. С. 111–160.
2. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990. С. 136–137.
3. Федоров А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы) : учеб. пособие. М. : Высш. шк., 1983. 303 с.
4. Кибрик А. А., Подлеская В. И. Проблема сегментации устного дискурса, и когнитивная система говорящего // Когнитивные исследования : сб. науч. тр. М., 2006. Вып. 1. С. 138–158.
5. Roels G. La prononciation francisée des noms propres étrangers dans les journaux télévisés diffusés en France et en Belgique francophone / Universiteit Gent, Faculteit Letteren en Wijsbegeerte. Belgie, 2014. 131 p.

Инна Геннадьевна Лебедева

кандидат филологических наук, доцент,

доцент кафедры фонетики и грамматики французского языка

УО «Минский государственный лингвистический университет»

Анастасия Олеговна Бувич

магистрант, УО «Минский государственный лингвистический университет»

Ina G. Lebedzeva

PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department
of French Phonetics and Grammar Minsk State Linguistic University

inna.lebedzeva123@gmail.com

Anastasia O. Buevich

MA student at Minsk State Linguistic University

nastyabuevich7777@gmail.com

И. Г. Лебедева, С. А. Пронина
Минск, Беларусь

ФОНЕТИЧЕСКОЕ ОФОРМЛЕНИЕ СПОНТАННОЙ РЕЧИ У НОСИТЕЛЕЙ И НЕНОСИТЕЛЕЙ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

В данной статье речь идёт о сопоставлении некоторых характеристик спонтанной речи носителей и неносителей французского языка: характере паузации, скорости артикуляции и ее мелодическом оформлении.

Ключевые слова: *спонтанная речь, просодические особенности, темпоральная организация, мелодия, акцентное членение.*

I. G. Lebedzeva, S. A. Pronina
Minsk, Belarus

PHONETIC DESIGN OF SPONTANEOUS SPEECH IN NATIVE SPEAKERS AND NON-NATIVE SPEAKERS OF FRENCH

This article is about comparing the characteristics of spontaneous speech of native and non-native speakers of the French language, in particular, the nature of pausing, the speed of articulation, melodic articulation.

Key words: *spontaneous speech, prosodic features, temporal organization, melody, accentuation.*

Спонтанная речь есть речь неподготовленная, осуществляемая говорящим в постоянно меняющихся коммуникативных условиях, именно поэтому спонтанная речь является реальным показателем уровня языковой компетенции говорящего [1]. Спонтанная речь практически на всех языковых уровнях – от синтаксиса до фонетики – отличается от других видов устной и письменной речи, ей свойственны фальш-старты, самоисправления, сбои в употреблении грамматических форм, порядка слов, повторы, эллипсисы и т. д. [2, с. 202].

Следует отметить, что рядом со спонтанной речью стоит отдельный вид, воплотивший в себя черты подготовленной и неподготовленной речи, – это квазиспонтанная речь [3]. С одной стороны, создание текста в данном случае обусловлено спонтанным вопросом или репликой собеседника. Эта реплика выступает стимулом для беседы, часто неожиданным для человека, задающего вопрос. С другой стороны, отвечающий на вопрос использует заготовки и наработки, повторявшиеся в предшествующем опыте общения. Так, примером квазиспонтанной речи могут служить политические дебаты: подготовить заранее такую речь невозможно, однако можно продумать и отрепетировать приблизительные ответы, касающиеся определенных тем. Другими примерами квазиспонтанной речи являются ответ преподавателя на вопрос студента в ходе лекции или гида во время экскурсии: отвечая на вопрос, говорящий

опирается на уже накопленные у него знания и опыт. Таким образом, в случае квазиспонтанной речи спонтанным является только собственно рекализация перед аудиторией, а содержание такой речи уже заранее подготовлено.

Каждый интуитивно понимает разницу между профессиональным и начинающим гидом, аниматором, лектором: профессионал с легкостью манипулирует языковым материалом, использует нужные лексические, грамматические формы, варьирует фонетические средства как просодического, так и сегментного уровней. Степень спонтанности речи профессионала незначительна, поскольку он постоянно прорабатывает схожие модели в процессе своей деятельности. Сказанное позволяет говорить о квазиспонтанности такой речи. Различия в спонтанности и квазиспонтанности затрагивают абсолютно все языковые уровни.

Вопрос различения спонтанной и квазиспонтанной речи становится очень важным для носителей и неносителей языка. Если первые чаще порождают собственный текст, то вторые склонны опираться на уже существующие тексты, компилировать их и заимствовать. Таким образом, даже при ведении спонтанного диалога-анкеты с носителем языка и иностранцем следует ожидать, что речь второго будет активно опираться на уже «проигранный» в процессе обучения опыт, что, в свою очередь, обусловит разницу в выборе лексики, грамматических форм и синтаксических конструкций, пауз и дополнительной выделенности. Хотя следует заметить, что фонетические особенности иностранца во многом будут предопределяться наличием или отсутствием языковой практики, способностью к имитации и самокоррекции.

С целью выявления особенностей спонтанной речи носителей языка и иностранцев нами было проведено экспериментальное исследование. В первую очередь нас интересовали отличия, имеющиеся в просодии спонтанных высказываний у носителей французского языка и у иностранцев, осваивающих этот язык. Для анализа спонтанной речи испытуемым было предложено ответить на неожиданно задаваемые для них вопросы о своем распорядке дня, увлечениях, родном городе.

Данное исследование выявило, что минимальная скорость артикуляции спонтанной речи была одинаковой исключительно у всех испытуемых и составляла 1 слог в секунду. Тот факт, что минимальная скорость не опускалась ниже, позволяет предположить, что ее дальнейшее замедление вызвало бы трудности восприятия у слушающего и нарушило бы целостность текста: он распался бы на отдельные фрагменты.

Максимальная скорость спонтанной речи у носителя языка составила 6 слогов в секунду, а у изучающих французский язык – 5 слогов в секунду.

Средняя скорость артикуляции обнаружила достаточно большую вариативность. В целом она определялась преимущественно особенностями темперамента, а не уровнем владения языком. У более подвижных испытуемых она достигала 3,5 слога в секунду, у более флегматичных – 2 слога в секунду.

Таким образом, скорость артикуляции имеет минимум, ниже которого речь теряет целостность, и максимум, выше которого она становится трудной для восприятия, ее средние показатели оказываются зависимыми от психофизиологических особенностей говорящего.

Как показало исследование, темп речи носителя языка в 1,5–2 раза больше, при этом у испытуемых, изучающих французский язык, темп речи во многом зависит от уровня владения языком. Максимальный темп речи был у носителя языка и достигал 0,154 зв./сек. в ситуации, когда паузация в речи практически отсутствовала. При замедлении темпа за счет пауз средние показатели составляли 0,134 зв./сек., а минимальные – 0,107 зв./сек. У неносителей языка фразы произнесенные с максимальным темпом в 0,159 зв./сек., как правило, заканчивались самоперебивом: *Je suis ... Je suis étudiante de l'université linguistique de Minsk ... à Minsk*¹.

Увеличение темпа спонтанной речи у носителя языка свидетельствовало об увлеченности темой разговора, например: *Lui, il mange de l'herbe, et il a des cors pour pousser d'autres méchants animaux*². У неносителей языка темп речи возрастал, когда им казалось, что они могут дать ответ на вопрос с помощью изученной ранее темы. Средний и низкий темп речи неносителя языка составлял 0,112 и 0,069 зв./сек. соответственно.

Замедление темпа спонтанной речи, как правило, происходило за счет самоперебивов, растягивания слогов, использования пауз хезитации (как сонорных, так и несонорных). Было обнаружено принципиальное отличие, касающееся самоперебивов: у носителей языка самоперебив происходил на уровне слова, а у неносителей языка – на уровне фразы, например:

Носитель языка: *Je fais des marches avec mon, ma mère et mon frère*.³

Иностранец: *C'est presque la même chose...je me lève. C'est presque la même chose, je me lève à 7 heures*.⁴

Хезитационное растягивание слогов у носителей языка вызвано необходимостью вспомнить нужную информацию, у иностранца – грамматическую конструкцию, форму или лексическую единицу, например:

Носитель языка: *Oui, je mange et après, après je...je vais à l'école*.⁵

Иностранец: *Je n'ai pas beaucoup de temps libre, mais...quand...j'en ai, je lis*.⁶

Носитель языка и иностранец отличаются в спонтанной речи дисфлуэнторами, которые используются в качестве заполнителей пауз хезитации. Причем у носителя языка сонорные паузы хезитации чаще всего заполняются согласными, а у русскоговорящего испытуемого – гласными, например:

¹ Я студентка Минского государственного лингвистического университета.

² Он ест траву, и у него есть рога, чтобы отталкивать других злых животных.

³ Я хожу на прогулку с моей мамой и братом.

⁴ Это почти одно и то же, я встаю в 7 часов.

⁵ Да, я ем и потом, потом я иду в школу.

⁶ У меня не много свободного времени, но когда оно у меня есть, я читаю.

Носитель языка: *Après, je vais à l'école.*¹

Иностранец: [*ε...*] *ma ville natale, c'est Kroupki.*²

Эксперимент показал, что наибольшее отличие между спонтанной речью носителей языка и иностранцев наблюдается в оформлении терминального тона высказывания. У носителя языка оформление терминального тона отражает различные эмоциональные оттенки. Например, на рисунке 1, подъем в конце утверждения свидетельствует о заинтересованности, приглашении продолжить начатый разговор. У неносителя языка преобладал одинаково нисходящий категоричный тон, даже если говорящий не ставил себе целью быть категоричным.

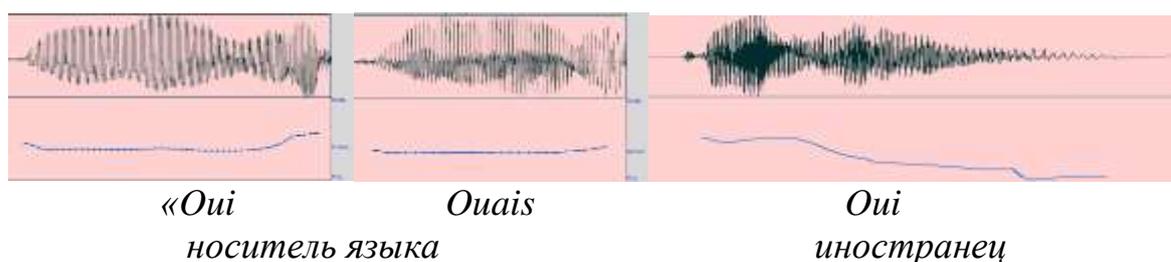

Рис. 1. Направление терминального тона

Носитель языка стремился, как правило, к использованию коротких фраз, зачастую представляющих собой эллипсис, намеренный пропуск слов, не существенных для передачи смысла. Отвечая на вопрос, носитель языка использует только те лексические единицы, которые удовлетворяют запрашиваемой информации. Финальные изменения тона в ответе носителя языка скорее могут свидетельствовать о желании пригласить интервьюера спросить еще какую-нибудь информацию (рисунок 3).

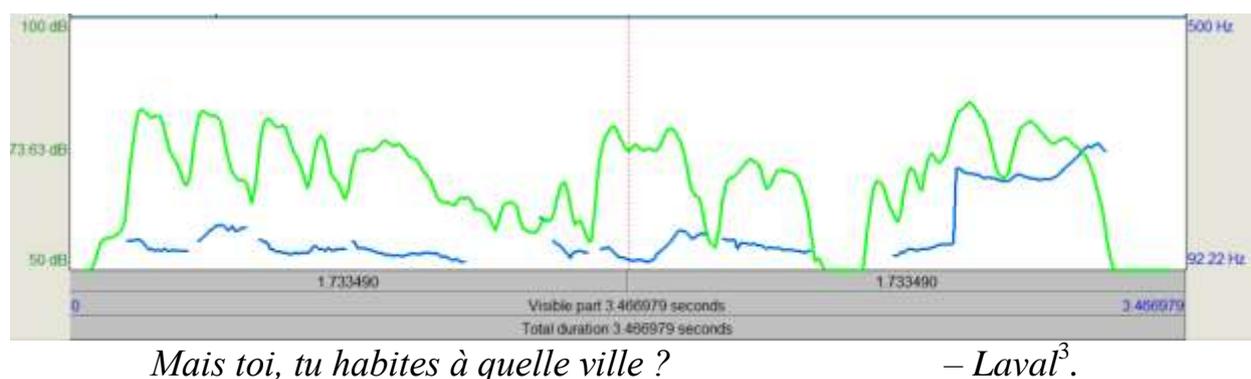

Рис. 3. Оформление терминального тона у носителя языка

В синтаксическом оформлении спонтанного высказывания у неносителей языка наблюдается тенденция к использованию распространенного предложения, в состав которого входят второстепенные члены, поясняющие

¹ Потом я иду в школу.

² Мой родной город – Крупки.

³ – А ты в каком городе живешь? – В Лавале.

и уточняющие подлежащее, сказуемое или предложение в целом. Высказывания такого типа зачастую по своей структуре повторяют заданный испытуемому вопрос. Данная тенденция влияет на мелодическое оформление. Кроме того, как видно из рисунка 2, мелодия фразы иностранца не всегда логична: *^Maintenant j'habite à Minsk^* – сложно с точки зрения смысла объяснить падение тона на слове ‘теперь’ и резком подъеме на словах ‘живу в Минске’. Испытуемый сообщал о себе обычную информацию, не содержащую никакого подтекста.

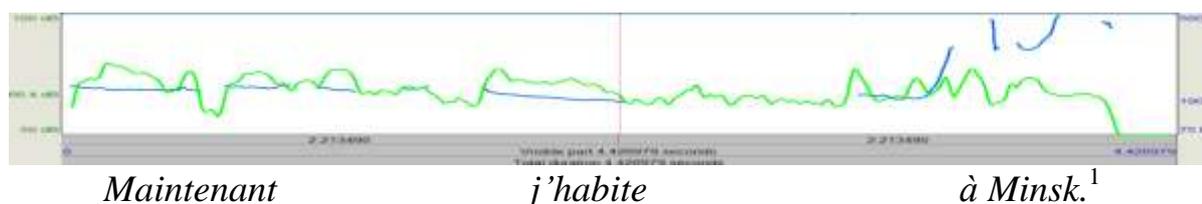

Рис. 4. Оформление терминального тона у носителя языка

Таким образом, спонтанная речь носителя языка обладает всем арсеналом средств, указывающих на то, что она создается в момент речи, в то время как в спонтанной речи иностранцев проскальзывают черты, свидетельствующие о ее квазиспонтанности и стремлении использовать отработанные ранее заготовки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Степанов А. С. Просодические исследования спонтанной речи [Электронный ресурс]. 2000. URL: <http://www.philol.msu.ru/rus/gorn/arso/stepan.htm> (дата обращения: 02.10.2021).
2. Выгонная Л. Ц. Інтанацыя. Націск. Арфаэпія. Мінск : Навука і тэхніка, 1991. 215 с.
3. Candea M. Les euh et les allongements dits «d'hésitation»: deux phénomènes soumis à certaines contraintes en français oral non lu [Electronic resource] // XXIIIèmes Journées d'Etude sur la Parole, Aussois, 19-23 juin 2000. URL: https://www.academia.edu/3093186/Les_euh_et_les_allongements_dits_dh%C3%A9sitation_deux_ph%C3%A9nom%C3%A8nes_soumis_%C3%A0_certaines_contraintes_en_fran%C3%A7ais_oral_non_lu (accessed: 10.09.2021).

Инна Геннадьевна Лебедева

кандидат филологических наук, доцент,

доцент кафедры фонетики и грамматики французского языка

УО «Минский государственный лингвистический университет»

София Александровна Пронина

магистрант, УО «Минский государственный лингвистический университет»

¹ Сейчас я живу в Минске.

Ina G. Lebedzeva

PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department
of French Phonetics and Grammar Minsk State Linguistic University
inna.lebedzeva123@gmail.com

Safiya A. Pronina

MA student, Minsk State Linguistic University
sofiia_pronina@mail.ru

УДК 811.581.11'35'37

Н. В. Михалькова

Минск, Беларусь

ТИПЫ МОДИФИКАЦИЙ ТРАДИЦИОННЫХ ИЕРОГЛИФИЧЕСКИХ ЗНАКОВ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматривается структурно-семантический аспект модификаций детерминативов традиционных иероглифических знаков китайского языка. Путем компонентного анализа конститuentов иероглифов выявляется количественный состав подсистемы традиционных иероглифических знаков, упрощенных семантическим путем, разрабатываются типы и формулы модификаций иероглифических знаков, устанавливается графемный состав производящих и производных единиц, определяются семантические особенности процесса упрощения традиционных знаков китайского языка.

Ключевые слова: детерминатив, семантика, модификация, китайский язык, структура, иероглиф, тип, формула, модель.

N. V. Mikhalkova

Minsk, Belarus

TYPES OF MODIFICATION OF TRADITIONAL CHINESE CHARACTERS

The article deals with the structural and semantic aspect of the modifications of the determinants of traditional characters of the Chinese language. By means of component analysis of the constituents of hieroglyphs, the quantitative composition of the subsystem of traditional characters, simplified semantically, is revealed, types and formulas for modifications of characters are developed, the grapheme composition of producing and derived units is established, the semantic features of the process of simplification of traditional signs of the Chinese language are determined.

Key words: determinative, semantics, modification, the Chinese language, structure, character, type, formula, model.

Сложность написания многокомпонентных иероглифических знаков, а также неизбежное развитие китайской письменности в сторону введения фонетических элементов привел в начале 20 века к необходимости упрощения письма. Просветитель Луфэй Куй в своей статье, опубликованной в журнале «教育杂志 Образование», впервые подчеркивает важность употребления '俗体字' простонародных вариантов написания знаков китайского языка в системе всеобщего образования [1]. В 1930 г. публикуется

«宋元以来俗字谱» ‘свод простионародных иероглифов, употребляемых в начале правления династии Сунь и в период Юань’, составленный китайскими писателями Лю Фу и Ли Цзяжунем [2]. Начало 20 века в китайской иероглифической письменности ознаменовалось в целом единым движением реформаторов в сторону введения 简体字 ‘упрощенных иероглифов’. Выдающийся китайский лингвист Цянь Сюаньтун, входящий в их круг, составляет первый список из 324 упрощенных иероглифов «第一批简体字表», который был опубликован в 1935 г. Министерством образования КНР [3].

В 1956 г. в газете «Жэньминь жибао» публикуется «汉字简化方案» ‘Проект упрощения китайской письменности’ [4], в последующие годы издаются сводные списки иероглифов, полностью или частично затронутые изменениями. Следует отметить, что в период культурной революции (1965–1976 гг.) реформы китайской письменности были приостановлены. Только с началом проведения политики реформ и открытости в 1970-е произошло оживление лингвистической деятельности в этом направлении [5–6].

Традиционные иероглифы китайского языка упрощались посредством замены: 1) на существующие омонимы или иероглифы, схожие по звучанию инициали или финали: 後hòu –后hòu ‘задний, поздний’; 2) каллиграфических стилей, в частности, синшу и цаошу: 門mén ‘ворота, двери’ –冂mén ‘ворота, двери’; 3) на новообразованные иероглифы идеографической категории: 滅miè ‘гаснуть, тушить, уничтожать’ –灭miè ‘гаснуть, тушить, уничтожать’; 4) на новые иероглифы фонетической категории, за норму берется путунхуа: 護hù ‘защищать’ –护hù ‘защищать’; 5) первоначальной графемы иероглифа на упрощенный символ (наиболее употребительные – 又yòu ‘правая рука’ и 扌hù ‘управлять’); 6) фонетика иероглифа фонетической категории, в качестве нормы выступил путунхуа: 斃bì ‘падать мертвым, убить’ –毙bì ‘падать мертвым, убить’.

Широко применялся способ опущения: 1) части компонентов иероглифа: 廣guǎng ‘широкий, увеличивать’/ guàng ‘ширина, упускать’ –广guǎng ‘широкий, увеличивать’/ guàng ‘ширина, упускать’; 2) компонентов иероглифа с последующим добавлением новых компонентов: 麗lì ‘красивый, прекрасный’ – 丽lì ‘красивый, прекрасный’ или с помощью добавления фонетика, заменяющего часть компонентов иероглифа. При этом оставшаяся часть не обязательно выступает в качестве детерминатива в данном иероглифе: 華huá ‘цветущий, великолепный, китайский’ – 华huá ‘цветущий, великолепный, китайский’ и др. [5–6]

Анализ материала исследования (традиционные иероглифические знаки, упрощенные только по семантическому принципу: новообразования идеографической категории) показал, что процесс упрощения может быть описан 5 моделями-формулами: 1) опущение одного элемента $Z = X - 1Y^1$ (開–开) –

¹ В разработанных моделях Z – это производная основа, полученная в результате модификаций; X – производящая основа, с которой происходит модификация; Y – компонент традиционного варианта иероглифа; A – компонент, добавленный в упрощенный вариант иероглифа в результате модификаций.

55 %; 2) одновременное опущение одного и добавление нового элемента $Z = X - 1Y + 1A$ (航–航) – 16 %; 3) опущение двух элементов $Z = X - 2Y$ (燭–烛) – 15%; 4) опущение двух и добавление одного элемента $Z = X - 2Y + 1A$ (蓋–盖) – 11%; 5) опущение трех и добавление одного элемента $Z = X - 3Y + 1A$ (壩–坝) – 3 %.

Поскольку традиционные иероглифы отличаются многокомпонентностью, наибольшую распространенность получила модель, при которой опускается один или два элемента иероглифа (70 % знаков). Менее продуктивными являются модели, при которой происходит замена или даже добавление новых компонентов исходных знаков (30 % единиц). Однако следует подчеркнуть, что при этом ни в одном случае не было добавлено больше элементов, чем было опущено, что являлось закономерным явлением при поставленной цели упрощения традиционных иероглифов китайского языка.

Наибольшую частотность среди типов модификаций традиционных иероглифических знаков китайского языка получила модель-формула $Z = X - 1Y$, где происходит опущение одного графического элемента. Например, в традиционном иероглифе 標 ‘знак’ сократили графему 冫 ‘накрывать’, упрощенный иероглиф выглядит следующим образом – 标; в традиционном знаке 墮 ‘падать’, который включал в себя такие компоненты, как 冫 ‘бугор’, 十 ‘вопреки’, 工 ‘работа’, 冂 ‘шляпа’ и 土 ‘земля’, опустили графему 工 ‘работа’, упрощенный знак – 墮. Важно отметить, что в приведенных выше примерах опускается идеографический компонент. Однако в большинстве исследуемых единиц опущение затрагивает основной смысловой компонент иероглифа – детерминатив, тот элемент, который является семантически релевантным и функционально категориальным классификатором. Так, например, в ряду традиционных иероглифов 閤 ‘закрывать’, 開 ‘открывать’, 闢 ‘раздвигать’ был опущен детерминатив 門 ‘ворота’. Данное упрощение может быть объяснено расширением значений глаголов *открывать* / *закрывать* / *раздвигать*, графическая номинация которых исторически мотивирована объектом, над которым наиболее часто производится данное действие, т.е. мотивировочным признаком выступает объект. Чаще всего китайские иероглифы сохраняют древнюю мотивированность, но в данном случае расширение области объектов, над которыми могут быть совершены аналогичные подобные действия, приводит к неизбежной утрате изначального мотивировочного признака, так как указанные действия могут быть совершены уже не только по отношению к воротам, но и к другим предметам, например, *открывать книгу*, *закрывать окно*, *раздвигать границы* и др., т.е. расширение семантики знаков приводит или к замене детерминатива, или к его полной утрате.

В рамках следующей выделенной модели происходит не только сокращение, но и добавление нового элемента: $Z = X - 1Y + 1A$. В материале исследования 11 случаев, при которых осуществляется модификация подоб-

ного типа (-1+1), что составляет 16 % от общего числа проанализированных единиц. Например, упрощение происходит в традиционном знаке 塵 ‘пыль’, который состоит из графем 鹿 ‘олень’ и 土 ‘земля’, идеограф 鹿 ‘олень’ заменяется на графему, состоящая из меньшего числа черт 小 ‘маленький’, упрощенный знак принимает форму – 尘 (小 ‘маленький’ + 土 ‘земля’), продолжая фиксировать таким образом материал обозначаемого представления, выраженный детерминативом 土 ‘земля’. В свою очередь признак субъект 鹿 ‘олень’ модифицирован на размер 小 ‘маленький’.

Тип модификаций $Z = X - 2Y$, при котором происходит опущение двух элементов, составляет 15 % от общего числа исследованных единиц. При анализе знаков, соответствующих данной модели, можно отметить, что опускается та часть иероглифа, которая семантически менее связана с его значением ввиду многих исторических оснований мотивированности знаков. Например, иероглиф 虧, означающий ‘недоставать’, преобразовался в 亏 путем опущения левой части иероглифа 虧, которая состоит из графем ‘虎 тигр и 隹 голубь’. Таким образом, образовавшийся иероглифический знак состоит только из семантического классификатора 亏 ‘недостаток’. Описанная модель характерна также для таких знаков, как 烛 ‘свеча’ и 触 ‘бодать, ударять’. Традиционный вид знака 烛 ‘свеча’ имел две дополнительные графемы ‘屮 сеть и 冫 обертывать’ – 燭. В упрощенном виде осталась только графема 火 ‘огонь’, которая является семантически релевантной, и графема 虫 ‘насекомое’, отвечающая за произношение, то есть является фонетиком – фонетически релевантной графемой. Детерминатив остается неизменным. Такая же ситуация с традиционным иероглифом 觸, где сокращены графемы ‘屮 сеть и 冫 обертывать’. В упрощенном виде получается знак 触, графема 角 ‘рога’ является семантическим классификатором-детерминативом, а графема 虫 ‘насекомое’ – фонетическим компонентом.

Наименьшую долю по распространенности составили способы, при которых сокращается больше одного элемента и добавляется один новый. В материале исследования встречаются 7 примеров модели сокращения двух элементов и добавления одного нового $Z = X - 2Y + 1A$, что составляет 11% от общего количества единиц. Например, в традиционном иероглифическом знаке 獲 ‘получать’ внутреннюю часть, состоящую из двух графем 隹 ‘голубь и 又 ‘правая рука’, сократили и добавили более простую графему 犬 ‘собака’, упрощенный вид иероглифа выглядит следующим образом – 获. Это привело в свою очередь к замене функций графем в знаке. Детерминативом в новом знаке стала графема 艹 ‘трава’ вместо графемы 犴 ‘собака’. В отличие от предыдущих моделей, где многие знаки в упрощенном виде содержали семантический классификатор, среди выделенных примеров данной модели не было зафиксировано ни одного случая с сохраненным детерминативом в упрощенном виде.

Тип модификаций, при котором происходит максимальное удаление элементов в количестве трех и добавление одного нового ($Z = X - 3Y + 1A$), является наименее частотным. Среди исследованных примеров зафиксированы две пары иероглифов, которые могут быть отнесены к данной категории. Например, в традиционном знаке 壩 ‘плотина’ сохраняется детерминатив 土 ‘земля’ (мотивировочным признаком является локация), а правая часть, состоящая из трех графем 雨 ‘дождь’, 革 ‘кожа’ и 月 ‘месяц’, преобразовывается в графему 贝 ‘ракушка’, которая частично указывает как на семантический, так и на фонетический аспект. Упрощенный знак сохраняет детерминатив и графически имеет следующий вид – 坝.

Таким образом, анализ упрощений традиционных иероглифических знаков китайского языка выявил общую закономерность к сохранению детерминатива иероглифического знака. Ввиду того, что иероглифы достаточно хорошо сохранились до настоящего времени, можно говорить о том, что в большинстве случаев данное сохранение является свидетельством сохранения мотивированности знаков в веках, которая, конечно, может не совпадать со взглядами на те же представления современными носителями языка. В то же время исследование показало, что потеря мотивировочного признака, вызванная историческими причинами, может приводить или к замене детерминатива, или к его полной утрате в нообразованном знаке, при этом данное наблюдение не является тенденцией.

ЛИТЕРАТУРА

1. 陆, 费逵。普通教育当采用俗体字 [Electronic resource] URL: http://www.tuanjiewang.cn/2020-06/18/content_8880552.htm (accessed: 22.02.2020).
2. 宋元以来俗字谱-中央研究院历史语言研究所单刊-中央研究院 [Electronic resource]
3. URL: <https://www.bookinlife.net/book-239953.html> (accessed: 25.04.2020).
第一批简体字表 [Electronic resource] URL: <https://baike.baidu.com/item/%E7%AC%AC%E4%B8%80%E6%89%B9%E7%AE%80%E4%BD%93%E5%AD%97%E8%A1%A8/9604954> (accessed: 03.05.2020).
4. 汉字简化方案 [Electronic resource] URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/xw_fbh/moe_2128/moe_2326/moe_1144/tnull_14350.html (accessed: 22.02.2020).
5. Задоевко Т. П., Хуан Шуин. Начальный курс китайского языка : учеб. для вузов : в 3 ч. М. : Муравей, 2004. Ч. 1. 288 с.
6. Задоевко Т. П., Хуан Шуин. Основы китайского языка. Вводный курс : учеб. пособие. М. : Наука, 1993. 214 с.

Надежда Васильевна Михалькова
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры теории и практики китайского языка
УО «Минский государственный лингвистический университет»

УДК 811.111'34

Т. М. Насонова, А. Д. Сидоренко
Минск, Беларусь

**ФОНЕТИЧЕСКИЕ ТРУДНОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ АКЦЕНТНОЙ
СТРУКТУРЫ СЛОВА В ИНТЕРФЕРЕНТНОЙ РЕЧИ**
(на материале английского языка)

В статье представлены результаты исследования потенциальных трудностей в реализации словесного ударения в английской речи носителей языка. Установлена градация рассматриваемых трудностей по степени сложности, сделан вывод об отсутствии в интерферентной речи вариативности при реализации словесного ударения в двухударных словах, а также о недооценке носителями языка качества и степени выделенности второстепенноударного слога в двухударных английских словах.

К л ю ч е в ы е с л о в а : просодические характеристики речи, фразовое ударение, словесное ударение, двухударная акцентная структура слова, просодическая интерференция.

T. M. Nasonova, A. D. Sidorenko
Minsk, Republic of Belarus

**PHONETIC DIFFICULTIES IN THE REALIZATION OF WORD ACCENTUAL
STRUCTURE IN NON-NATIVE SPEECH (BASED ON ENGLISH)**

The article discusses possible difficulties in the implementation of word stress in non-native speech in English. As a result of the study, a gradation was established, which shows these difficulties according to the degree of their complexity. Furthermore, a conclusion was made about the absence of variability in the realization of word stress in two-stressed words in the interferential speech. The study also showed that non-native speakers underestimate the necessary quality and degree of prominence of the secondary stress in two-stressed English words.

Key words: prosodic characteristics of speech, phrasal accent, word stress, double-stressed accentual structure, prosodic interference.

Словесное ударение является одной из важнейших фонетических характеристик слова. Оpozнание слова, особенно в затрудненных условиях общения, тесно связано с правильным восприятием ударного слога. Процесс овладения акцентной структурой слова в иностранном языке является особенно сложным в силу причин, обусловленных фонологическими различиями изучаемого и родного языков. Актуальность исследуемой темы обуславливается сложностью усвоения акцентной структуры слова в английском языке для обучающихся носителей русского/белорусского языка, что

ведет к необходимости постоянного уточнения современных произносительных тенденций, на основании которых создаются рекомендации для обучающихся с целью преодоления данной группы трудностей.

Большинство лингвистов [1, 2, 3, 4] определяют словесное ударение как выделение (или свойство выделенности) одного или нескольких слогов на фоне других слогов в слове, которое сопровождается изменением качественных и количественных характеристик звука, изменением силы выдоха, высоты голосового тона. Особое сочетание разной степени выделенности слогов в слове формирует его структуру ударения.

Общеизвестно, что английское словесное ударение является неподвижным, разноместным, свободным, т.е. место ударения в слове не ограничено определенным слогом: ударным может являться любой слог, что может вызвать трудности при изучении, произнесении и запоминании английских слов. В русском языке ударение тоже является разноместным, свободным, однако, в отличие от английского словесного ударения, оно подвижное, так как может переходить с одного слога на другой в различных формах слова.

Сложным является также процесс овладения фонетической реализацией словесного ударения в речи и произнесением ударного слога в речевом потоке. Словесное ударение в русском и английском языках имеет схожую природу, так как в основном оно является силовым. Многие лингвисты [5, 6] отмечают преобладание в английском словесном ударении динамического принципа. Русское словесное ударение также определяется в своей основе как динамическое [6, 7]. Но в обоих языках оно существует не в чистом виде, а имеет смешанный характер, так как динамический принцип ударного слога дополняется другими: количественным, качественным и музыкальным. В целом для английского и русского языков значимы все четыре компонента ударения, которые могут выступать в различных сочетаниях и компенсировать друг друга. При этом в английском ударении преобладает высотный компонент, а в русском – квантитативный. Несмотря на то, что в русском языке длительность и качество гласного являются решающими для реализации акцентной выделенности, признак долготы для русских гласных не является дифференциальным: в отличие, например, от английского языка, в русском языке нет смысловых единиц, которые различаются только долготой гласных. Именно поэтому в английской речи носителей русского языка встречаются отклонения, связанные, в первую очередь, с недифференциацией гласных по длительности в ударных и безударных слогах, поскольку для русского языка этот признак не является смыслоразличительным.

Ещё одна группа трудностей связана с существованием в английском языке многосложных двухударных слов. Наличие второстепенного ударения отличает ритм английского многосложного слова от русского слова такой же длины, имеющего только один ударный слог.

Таким образом, в английском и русском языках подсистема ударения может быть проанализирована по следующим типологическим признакам:

1. Место ударения. Сопоставимые языки отличаются друг от друга по месту ударения в слове. Английское ударение может быть рассмотрено как менее подвижное, хотя в целом не является фиксированным. Следовательно, непредсказуемость положения ударного слога в слове вызывает трудность у обучающихся. Хотя именно эта трудность наиболее легко устранима при изучении акцентной структуры слов.

2. Природа ударения. Словесное ударение в английском и русском языках схожи по своей природе. В сопоставляемых языках мы наблюдаем в основном силовое или динамическое ударение (определяется силой выдоха). Таким образом, природа ударения несущественно влияет на процесс овладения обучающимися акцентной структурой английского слова.

3. Качество ударения. Особенностью английской системы ударения является то, что в ней существует отчетливо выраженное второстепенное ударение в многосложных словах (с количеством слогов более четырех), в которых главное ударение падает на второй или третий слог от конца слова. Второстепенное ударение возникает, как правило, на первом или втором слоге с начала слова. Английское второстепенное ударение отличается от русского тем, что в русском оно намного слабее и встречается довольно редко, например, в многосложных словах, образованных от двух или более основ. Таким образом, типичной ошибкой обучающихся носителей русского языка является пренебрежение второстепенным ударением.

Отклонения от норм английского произношения в речи учащихся проявляются обычно на начальных ступенях овладения английским языком. Очевидно, что количество и интенсивность отклонений от фонетических норм английского языка в речи учащихся снижается по мере освоения ими английского языка. Тем не менее определенные трудности в реализации словесного ударения в английской речи сохраняются у неносителей языка вплоть до продвинутого уровня владения иностранным языком. Именно они отражают значимые различия в фонетических системах родного и иностранного языков и связаны с интерференцией родного языка.

Проведенное нами исследование английской устной речи выпускников факультета английского языка позволило установить перечень отклонений в реализации словесной структуры слова в интерферентной речи и сопоставить их по частоте проявления.

В ходе проведения эксперимента материалом эталонной речи послужили публичные выступления Королевы Елизаветы II. Для исследования были выбраны выступления именно этого публичного деятеля, так как фонетические особенности её речи, тенденции постановки ударения считаются стандартными для британского английского произношения и, как правило, рассматриваются как идеальный вариант произношения и акцентуации слов в английской речи.

Для сравнительного анализа эталонной речи и английской речи неносителей языка (в нашем исследовании мы обозначили ее как интерферентную речь) эталонные записи были начитаны четырьмя студентами выпускного

курса МГЛУ, изучающими английский язык как первый иностранный и владеющими им на продвинутом уровне. При этом дикторы не слышали аудиозаписи диктора-носителя языка, но имели возможность ознакомиться с текстом речей заранее.

В результате проведенного аудитивного анализа были установлены следующие группы потенциальных трудностей реализации словесного ударения в английской речи носителей языка:

1. Дезакцентуация служебных слов, особенно местоимений в заядерной части после предлога (*to you* ‘для вас’, *of us* ‘нас’).

2. Реализация акцентной модели с двумя равноправными по силе ударениями (*long-held* ‘длительный’, *move forward* ‘продвигаться’, *fifty-six* ‘пятьдесят пять’, *thereby* ‘таким образом’).

3. Произнесение многосложных слов с суффиксами, влияющими на позицию ударения (*division* ‘разделение’, *financial* ‘финансовый’).

4. Расстановка фразового ударения в словосочетаниях с классифицирующим определяющим словом (*opposing sides* ‘противоборствующие стороны’, *emergency services* ‘аварийные службы’).

5. Произнесение составных существительных (*grandmother* ‘бабушка’, *mankind* ‘людовой род’).

6. Реализация акцентной модели с второстепенным ударением (*organizations* ‘организации’, *generation* ‘поколение’).

7. Произнесение интернациональных слов, акцентная структура которых не совпадает с русским языком (*discipline* ‘дисциплина’, *decade* ‘декада’).

8. Слова со смысловыми префиксами, получающими фразовую выделенность (*rebuild* ‘переустроить’, *overcome* ‘преодолеть’).

Последующий сравнительный анализ прочтений носителей языка с эталоном показал, что наибольшую трудность для носителей языка на продвинутом уровне владения английским языком сохраняет реализация словесного ударения в следующих группах слов: многосложные слова с второстепенным ударением, предшествующим главному; многосложные слова со смысловыми приставками; слова с двумя равноправными по силе словесными ударениями; словосочетания с классифицирующим определяющим словом (Таблица 1).

Т а б л и ц а 1

Удельный вес отклонений в реализации словесного ударения
в ИР по исследуемым группам трудностей

Группа трудностей	%
Реализация акцентной модели с второстепенным ударением	21
Слова со смысловыми префиксами	20
Расстановка фразового ударения в словосочетаниях с классифицирующим определяющим словом	18
Реализация акцентной модели с двумя равноправными по силе ударениями	16

Произнесение интернациональных слов, акцентная структура которых не совпадает с русским языком	16
Произнесение составных существительных	7
Дезакцентуация служебных слов	2
Произнесение многосложных слов с суффиксами, влияющими на позицию ударения	0
Итого	100

Проведенный сравнительный анализ свидетельствует о том, что в речи носителей языка отсутствует свойственная речи носителей английского языка вариативность в ритмическом чередовании при реализации словесного ударения в двухударных словах. В речи обучающихся также наблюдается недооценка качества и степени выделенности второстепенноударного слога в двухударных словах, в частности, частичная редукция второстепенноударного слога, которая несвойственна носителям языка.

Результаты проведенного исследования позволяют сформулировать рекомендации по преодолению потенциальных ошибок во фразовой акцентуации определенных лексических групп английского языка. Исходя из этого, академический и практический потенциал работы заключается в том, что полученный материал можно учитывать при изучении и освоении реализации словесного ударения в английской речи русскоязычными обучающимися, а также в качестве учебного материала на занятиях по практической фонетике английского языка и просодии речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фонетика английского языка: нормативный курс : учеб. для студентов ин-тов и фак. иностр. яз. / В. А. Васильев [и др.]. М. : Высш. шк., 1980. 255 с.
2. Шевченко Т. И. Теоретическая фонетика английского языка : учеб. для бакалавров. М. : Юрайт, 2014. 191 с.
3. Jones D. An outline of English phonetics. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1997. 378 p.
4. Gimson A. C. An introduction to the pronunciation of English. London : E. Arnold, 1964. 294 p.
5. Аракин В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков. М. : ФИЗМАТЛИТ, 2005. 232 с.
6. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М. : Совет. энцикл., 1990. 685 с.
7. Бабушкина Т. В., Гурьева Н. Н. Фонетическая система русского языка. Тверь : Изд-во ТГУ, 1999. 78 с.

Татьяна Михайловна Насонова
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры фонетики английского языка
УО «Минский государственный лингвистический университет»

Александра Дмитриевна Сидоренко
магистрант, УО «Минский государственный лингвистический университет».

Tatiana M. Nasonova
PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor
of the English Phonetics Department
Minsk State Linguistic University
nasonova000@gmail.com
Aleksandra D. Sidorenko
MA student, Minsk State Linguistic University
sidore.aleks@gmail.com

УДК 811.111'34

Л. В. Рускевич, Д. С. Почерный
Минск, Беларусь

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ВАРИАТИВНОСТИ ПРОСОДИИ АНГЛИЙСКИХ РЕЧЕВЫХ ЭТИКЕТНЫХ ФОРМУЛ

Фонетическое исследование посвящено анализу лингвистических факторов вариативности просодии английских речевых этикетных формул в зависимости от конкретных коммуникативных условий. Исследование выявило наиболее типичные структурные и функциональные особенности просодии разных групп речевых этикетных формул с учетом факторов стиля и речевой ситуации.

Ключевые слова: английский язык, речевой этикет, речевые этикетные (разговорные) формулы, интонация (фразовая просодия).

L.V. Ruskevich, D. S. Pacharniai
Minsk, Belarus

LINGUISTIC FACTORS OF PROSODIC VARIABILITY OF ENGLISH CONVERSATIONAL FORMULAS

Our phonetic research is concerned with the analysis of the linguistic factors of prosodic variability of English speech etiquette formulas depending on specific communicative conditions. The study has revealed typical structural and functional features of prosody of various speech etiquette formulas considering the factors of style and speech situation.

Key words: the English language, speech etiquette, speech etiquette (conversational) formulas, intonation (utterance prosody).

Речевой этикет уже долгое время находится в поле зрения лингвистов, о чем свидетельствует целый ряд трудов по лингвистической прагматике, общей риторике и обучению иностранным языкам [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8]. Интерес исследователей как к речевому этикету, так и к правилам речевого поведения в целом обусловлен тем, что в эпоху глобализации все больше внимания отводится межкультурной коммуникации и межличностному общению. В свою очередь, эффективная межкультурная коммуникация на

иностранном языке предполагает наличие у коммуникантов культурной компетенции, которая предусматривает, в числе прочего, владение нормами речевого и неречевого этикета.

Речевой этикет, как известно, представляет собой социально-культурную универсалию, однако при этом обладает национальной спецификой [7]. По словам Н. И. Формановской, описать речевой этикет можно в виде правил, которые навязываются коммуникантам речевой культурой того или иного языка и общества [6, с. 70].

Использование языка в различных сферах человеческой деятельности и ситуациях общения обусловило выработку соответствующих устойчивых фраз, так называемых речевых этикетных формул, которые служат для выражения различных коммуникативных значений. По этому признаку исследователи выделяют несколько семантических групп разговорных формул, среди которых – приветствия, извинения, благодарности и т.д. В каждой стране существуют свои национально специфичные особенности употребления фраз речевого этикета [1, с. 51]. Таким образом, в процессе изучения иностранного языка приходится овладевать готовыми разговорными формулами и учитывать особенности их употребления в конкретной речевой ситуации и стиля речи в целом.

Кроме лексических и грамматических средств выражения разговорных формул значительную роль играет интонация (фразовая просодия). Знание факторов варьирования просодии речевых этикетных фраз во взаимодействии с другими лингвистическими средствами является частью коммуникативной компетенции говорящего.

Как известно, самым широким и общепринятым стилистическим разделением английской устной речи является разделение на официальный и неофициальный стили. В частности, подобное разделение принято в большом количестве нормативных описаний английской фонетики и фонетических исследований устной речи [2, 9]. Каждый из указанных стилей имеет свои градации по степени официальности (формальности): официально-деловой (*formal official*), нейтрально-официальный (*formal neutral*), нейтрально-бытовой (*informal ordinary*) и фамильярный (*informal familiar*) [2]. Каждому стилю соответствует группа речевых ситуаций, причем отнесение той или иной речевой ситуации к конкретному стилю происходит с учетом ряда факторов, например, количества людей, вовлечённых в коммуникацию, социального статус собеседников и их межличностных отношений, места и темы общения [9]. Наиболее очевидные различия просодических характеристик указанных стилей речи проявляются в противоположных по степени официальности градациях стилей: официально-деловом и фамильярном. В своем исследовании мы остановились на трехчастной градации стилей: неофициальный (бытовой, фамильярный), официальный и нейтральный стиль речи, к которому мы отнесли нейтрально-официальные и нейтрально-бытовые ситуации.

Данное исследование было проведено с целью анализа лингвистических факторов вариативности просодии английских речевых этикетных формул в зависимости от конкретных коммуникативных условий. Используя методы аудитивного и структурно-фонетического анализов просодических характеристик устной речи, нами были выявлены наиболее типичные структурные и функциональные особенности просодии разных групп речевых этикетных формул с учетом факторов стиля и речевой ситуации. Исследование проводилось на базе речевых формул извинений, благодарности и приветствий в английском языке. Экспериментальным материалом послужили фразы из речи носителей английского языка, отражающие официальные, нейтральные и неофициальные (бытовые) ситуации речевого общения. Примеры были подобраны с использованием сайта [youtube.com](https://www.youtube.com), содержащего обучающие видео для изучающих английский язык как иностранный. Ко всем видеоматериалам были составлены скрипты (письменные тексты). Далее аудитор-фонетист (преподаватель фонетики английского языка), имеющий опыт просодического транскрибирования, произвел просодическую разметку экспериментального материала в соответствии с принятой системой обозначений.

Проведенный анализ позволил сделать ряд обобщений, касающихся особенностей просодической организации речевых этикетных формул в английском языке. Главным фактором варьирования просодических характеристик всех изученных групп речевых формул является стиль речи, т.е. степень официальности речевой ситуации. Другими факторами стали степень грамматической сложности и развернутости высказывания. Влияние данных факторов на просодические структуры исследуемых фраз, как показало наше исследование, обладало рядом как общих, так и специфических черт, отражающих особенности конкретной группы разговорных формул.

В частности, среди приветствий была выявлена тенденция к усложнению тонального контура по мере уменьшения степени официальности ситуации. Причина этого может заключаться в наибольшей степени клишированности и формализованности официальных приветствий по отношению к нейтральным и бытовым, где допускается бóльшая свобода в формулировках. Таким образом, официальные приветствия были представлены короткими односинтагменными фразами, а неофициальные – многосинтагменными (2–4 интонационные группы). Например: *Good morning, Mr Jones*. ‘Доброе утро, мистер Джоунз’ и *Hey, | what’s the word?* ‘Привет, как жизнь?’ В свою очередь, для речевых формул извинений многосинтагменный тональный контур оказался характерен именно в официальной ситуации, что, по нашему мнению, является следствием бóльшей информационной и синтаксической сложности, развернутости реплик, в которых дополнительно конкретизирована причина, характер и отношение говорящего к собеседнику. Например: *We regret | that we are unable | to give you a refund*. ‘Мы сожалеем, что у нас нет возможности вернуть Вам деньги’. Речевые формулы благодарности в английском языке в большинстве своем представляют собой

простые односитагменные фразы. Простая структура тонального контура особенно характерна для нейтральных и неофициальных (бытовых) ситуаций общения и для ответных реплик во всех ситуациях общения. Официальные благодарности, как и официальные извинения, могут усложняться при необходимости уточнить причину благодарности.

Выбор мелодической структуры для конкретной формулы определялся, в первую очередь, стилем, т.е. степенью официальности речевой ситуации, а также отношением говорящего к собеседнику. Среди исследуемого материала во всех группах речевых формул и стилях было выявлено преобладание нисходящего ядерного тона, так как он придает высказыванию оттенок уверенности и определенности, а также является наиболее частотным мелодическим завершением фразы (в особенности утвердительной) в английском языке. Например, для официальных извинений в целом характерно употребление ограниченного числа интонационных единиц с употреблением нисходящего тона более чем в 90 % экспериментальных фраз.

В начальных репликах благодарности в официальных ситуациях наиболее часто был использован средний нисходящий тон как наиболее нейтральный вариант данного мелодического типа. Для ответных реплик благодарности всех ситуаций характерно более частое употребление высокого нисходящего тона, который придает эмоциональную окрашенность в связи с необходимостью искренне отреагировать на благодарность собеседника.

В нейтральных и неофициальных (бытовых) ситуациях благодарности и приветствий преобладал высокий нисходящий тон как более эмоционально окрашенный вариант, способный выразить различные модальные оттенки (энтузиазм, похвала, одобрение и т.д.).

Низкий вариант восходящего тона был отмечен в выражениях благодарности и ответных репликах, а также во фразах приветствия в ситуациях нейтрального общения и реже в официальном стиле. Данный ядерный тон употреблялся в ответных репликах приветствий во всех ситуациях общения.

Вторым по частоте употребления в речевых формулах извинений стал нисходяще-восходящий тон. Присутствие данного кинетического тона было отмечено в начальных репликах извинений во всех ситуациях общения, преобладание отмечено в группе нейтральных извинений. Употребление данной мелодической структуры обосновано тем фактом, что извинение относится к числу частотных импликаций, передаваемых данным тоном [2, 4]. В свою очередь, при выражении благодарности передача различных импликаций (контраста, возражения, сомнения и др.) является нетипичной, следствием чего является малое число фраз с нисходяще-восходящим тоном.

Роль грамматического фактора в выборе мелодической структуры проявилась в выборе нисходящего тона в приветствиях, которые представляли собой специальные вопросы со значением 'Как дела?', 'Как жизнь?', например: *How have you been doing?* Как известно, нисходящий тон является преобладающим в специальных вопросах в английском языке. Подобные

вопросы в экспериментальном материале встретились в подавляющем большинстве случаев в неофициальных (бытовых) приветствиях. Употребление среднего восходящего тона отмечалось в неофициальных (бытовых) приветствиях, в которых были употреблены неполные общие вопросы, например: *You doing okay?* ‘У тебя все окей?’

Таким образом, факторами вариативности просодической структуры речевых этикетных формул приветствий, извинений и благодарностей, по данным нашего исследования, являются: стиль речи и степень официальности речевой ситуации, отношение говорящего к собеседнику, а также грамматическая структура фразы. Общей чертой просодии всех исследованных групп разговорных формул является преобладание нисходящего тона как наиболее типичного и частотного кинетического тона в английском языке. Специфика каждой группы речевых этикетных формул отражается в структуре тонального контура (сложный или простой) и выборе мелодической структуры с учетом ее семантики в конкретной ситуации общения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гольдин В. Е. Этикет и речь. М. : Либроком, 2009. 120 с.
2. Карневская Е. Б., Мисуно Е. А., Раковская Л. Д. Практическая фонетика английского языка на продвинутом этапе обучения : учебник. Минск : Аверсэв, 2017. 416 с.
3. Москвин В. П. Риторика и теория коммуникации: виды, стили и тактики речевого общения. М. : Либроком, 2012. 218 с.
4. Практическая фонетика английского языка : учебник / Е. Б. Карневская [и др.]. Минск : Выш. шк., 2019. 383 с. + 1 CD.
5. Стернин И. А. Практическая риторика : учеб. пособие по специальности “Русский язык и литература”. М. : Академия, 2014. 272 с.
6. Формановская Н. И. Культура общения и речевой этикет. М. : Икар, 2005. 250 с.
7. Формановская Н. И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. М. : Ленанд, 2015. 160 с.
8. Brazil D. Pronunciation for Advanced Learners of English. Teacher’s Book. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 1994. 117 p.
9. Some aspects of prosody of friendly formal and friendly informal speaking styles / D. Sitayev, G. Webster, N. Braunschweiler, S. Buchholz, K. Knill // XVI International Conference on Phonetics Sciences. Saarbrücken, 2007. С. 6–10.

Людмила Вячеславовна Рускевич

кандидат филологических наук, доцент,

доцент кафедры фонетики английского языка

УО «Минский Государственный Лингвистический университет»

Дарья Сергеевна Почерный

магистрант, УО «Минский Государственный Лингвистический Университет»

Liudmila V. Ruskevich

PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor
of the English Phonetics Department
Minsk State Linguistic University
ruskevich.luvrus@gmail.com

Darya S. Pacharniai

MA student, Minsk State Linguistic University
dashapochernyay@mail.ru

УДК 811.133.1'34

В. В. Устинович

Минск, Беларусь

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПРОСОДИЧЕСКОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ФРАНЦУЗСКИХ УСТНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ С НЕКОНЕЧНОЙ ЛОКАЛИЗАЦИЕЙ РЕМАТИЧЕСКОГО ТОНА

В статье рассматриваются французские устные высказывания с нейтральной и маркированной коммуникативными структурами и особенности их просодической реализации. В устной речи рематическое ядро и, следовательно, рематический тон, не всегда находится в конце высказывания, а может смещаться влево при сохранении прототипической синтаксической структуры (подлежащее+сказуемое). Однако коммуникативная структура высказывания не обязательно оказывается маркированной. Основную роль в указании на имплицитные смыслы выполняет просодия.

Ключевые слова: тональный контур, рематический тон, рематическое ядро, неконечная локализация тона, нейтральная коммуникативная структура, маркированная коммуникативная структура.

V. V. Ustinovich

Minsk, Belarus

ABOUT THE PROSODIC REALIZATION SPECIFICITY OF FRENCH UTTERANCES WITH NON-FINAL RHEMATIC TONE LOCALIZATION

The article examines French oral utterances with neutral and marked informational structure and is focused on their prosodic realization. In oral speech, rhematic nucleus and, therefore, rhematic tone, is not always localized at the end of the utterance, but can shift to the left while maintaining the prototypical syntactic structure (subject + predicate). However, the informational structure of an utterance not necessarily becomes marked. The main role in indicating implicit meanings is played by prosody.

Key words: tone contour, rhematic tone, rhematic nucleus, non-final tone localization, neutral informational structure, marked informational structure.

Коммуникативная структура (КС) высказывания представлена двумя планами – планом содержания и планом выражения [1]. План выражения КС состоит из линейно разворачивающейся синтаксической структуры и просодического воплощения. Во французском языке с фиксированным порядком

слов действует принцип доминанты справа [2]: элемент с наибольшим информативным весом – ядро ремы – локализуется в конце высказывания. Однако наблюдения за устной речью демонстрируют, что рематическое ядро и, соответственно, рематический тон, который оно несет, может смещаться влево. Для ряда исследователей [3; 4 и др.] неконечная локализация рематического ядра вводит дополнительные коннотации в высказывание и, следовательно, маркирует его КС. Вместе с тем, как отмечает И. Л. Фунтова, «в одних случаях передвижение центра (ядра – В.У.) изменяет смысл предложения, в других случаях – лишь уточняет» [5, с.47]. Семантико-прагматический анализ высказываний указывает на то, что не всегда смещение рематического ядра сопряжено с привнесением имплицитных смыслов в КС. Основным средством, которое в устной речи указывает на нейтральность или маркированность КС с прототипической синтаксической структурой, оказывается просодия.

В настоящем исследовании проанализирована просодическая структура КС со смещенным рематическим ядром. Анализ направлен на определение просодических особенностей, сигнализирующих о переходе нейтральной КС в маркированную.

Материалом для исследования послужили устные высказывания во французских дебатах на радио и телевидении.

Сохранение нейтральности КС при смещении рематического ядра оказывается возможным при определенных условиях:

– контекстуальная и ситуационная актуализации элементов, линейно расположенных в конце высказывания:

(1) – *Un changement systémique, Christian de Boissieu, vous l'analysez comme ça aussi ? – Je manque un peu de recul historique par rapport à ça* ‘– Это системное изменение, Кристиан де Буассье, вы тоже так считаете? – Мне не хватает отсылок к истории в этом отношении’ [6].

Участок КС, расположенный после рематического ядра, является, как правило, активированным посредством контекста, поэтому имеет низкую информативную значимость. Его роль состоит в том, чтобы обеспечить синтаксическую и семантическую целостность ремы. Так, если изъять заядерную часть из примера (1), высказывание становится не совсем понятным – не хватает ли говорящему отсылок к истории вообще или в отношении конкретного факта.

Кроме того, контекстный анализ высказываний с обстоятельством *места/времени* в конечной позиции в высказывании обнаруживает, что такое обстоятельство может выступать в роли элемента с более низкой степенью активированности, чем предшествующий ему элемент, и, следовательно, исключается из ряда претендентов на роль ядра:

(2) *Vous étiez jeune étudiant à cette époque-là* ‘Вы были молодым студентом в то время’ [7].

Нейтральные КС с неконечной локализацией ядра ремы и, следовательно, рематического тона представлены как минимум двумя тональными контурами: первый контур реализуется на синтагме до рематического тона

включительно и второй – на синтагме заядерного участка (80 %). В 20 % высказываний ядерный элемент (лексема, несущая ядерный тон и обладающая самой высокой степенью информативной значимости) выделен в самостоятельную синтагму. Вычленение ядерного элемента в отдельную синтагму обусловлено стремлением говорящего сконцентрировать внимание собеседника на этом элементе высокой степени важности.

Тональный контур высказывания состоит из предцентральной части и тона. В КС с неконечной локализацией рематического тона предцентры характеризуются просодической вариативностью (таблица 1).

Т а б л и ц а 1

Конфигурация предцентральной части в нейтральной
КС с неконечной локализацией рематического тона, %

Конфигурация предцентра в КС с единым тональным контуром до ядра ремы включительно	%	Конфигурация предцентра в КС с обособленным ядром ремы	%
Скользкий	40,9	Ровный	58,5
Ровный	35,7	Нисходящий	41,5
Восходяще-нисходящий	23,4		

При наличии нескольких акцентных единиц в предцентре наиболее нейтральным оказывается восходяще-нисходящий предцентр, как и в высказываниях с нейтральной КС с конечной локализацией рематического тона. Такая просодическая реализация характерна для акцентно-мелодической структуры нейтрального французского повествовательного высказывания [8]:

(3) *La Tur^{quie} est la plus grande **prison** pour les journalistes aujourd'hui* ‘Турция – самая большая тюрьма для журналистов сегодня’ [9].

Скользкий предцентр сигнализирует о более высокой степени эмоциональной вовлеченности говорящего. В примере (4) политик Н. Дюпон-Эньянь выражает недовольство распределением средств бюджета в рамках Евросоюза:

(4) *La^{France} do_{nnait} en deux-mille-^{seize} vingt-deux **milliards** à l'Union européenne. Elle a reçu onze* ‘Франция предоставила в 2016 году 22 миллиарда Европейскому союзу. А получила 11’ [10].

Краткий предцентр, состоящий из одной акцентной единицы, когда ядро выделяется в самостоятельную синтагму, характеризуется ровным или нисходящим мелодическим движением.

Таким образом, конфигурация предцентра тонального контура коррелирует с модально-эмоциональными «надстройками», а также протяженностью предцентральной части и наличием/отсутствием в ней ударных слогов.

Выявленные рематические тоны в неконечной локализации в нейтральной КС относятся к нисходящему или восходяще-нисходящему типу (таблица 2а и 2б).

Т а б л и ц а 2 а

Разновидности неконечных рематических тонов в одноконтурной КС, %

Направление движения тона	Характер изменения высоты голоса	Высотнотональный регистр	Тональный интервал	%
Нисходящий тон	Равномерное падение	Средневысокий	Узкий	2,5
		Средний	Узкий	16,5
	Широкий		3,5	
	Замедленно-ускоренное падение (замедленно-ускоренный тон)	Средневысокий	Узкий	27
			Широкий	31,5
		Высокий	Широкий	7
		Средний	Узкий	5
	Широкий		4,5	
Восходяще-нисходящий тон		Средневысокий	Узкий	1,5
		Средний	Узкий	1

Т а б л и ц а 2 б

Разновидности неконечных рематических тонов
в многоконтурной КС, %

Направление движения тона	Характер изменения высоты голоса	Высотнотональный регистр	Тональный интервал	%
Нисходящий тон	Равномерное падение	Средневысокий	Узкий	13,5
			Широкий	10,5
		Средний	Узкий	40
			Широкий	13
	Замедленно-ускоренное падение (замедленно-ускоренный тон)	Средневысокий	Узкий	23

Частотное распределение разновидностей рематических тонов по характеру изменения высоты голоса обнаруживает зависимость от того, выделено ли ядро ремы в самостоятельную синтагму. В высказываниях с единым контуром до рематического ядра включительно (далее – одноконтурные высказывания) наиболее характерным оказывается тон с замедленно-ускоренным падением, в то время как при выделении в самостоятельную синтагму ядро несет в большинстве случаев равномерно нисходящий тон. Кроме того, тон сложной конфигурации – восходяще-нисходящий – отмечен только в одноконтурных высказываниях. Количество контуров обуславливает также и повышение регистра произнесения рематического тона:

в одноконтурных высказываниях реализация рематического тона в 30,5 % случаев приходится на средний регистр, в остальных случаях – на более высокий регистр. При вычленении рематического ядра в отдельную синтагму процент реализации тонов в среднем регистре возрастает до 43 %. Кроме того, в таких высказываниях не выявлено случаев реализации рематических тонов в высоком регистре. Следует также отметить, что большинство рематических тонов характеризуются узким интервалом как в одноконтурных (53,5 %), так и в многоконтурных КС (76,5 %).

Что касается заядерной части, она имеет нулевую степень просодической выделенности, обусловленную ее коммуникативным статусом: в 75 % реализаций заядерная часть представлена ровным движением мелодии. В 21 % случаев выявлено нисходящее движение. Оно характерно для высказываний с неглубоким падением рематического тона. В 4 % проанализированных высказываний отмечена восходящая заядерная часть. Восходящее направление движения сигнализирует о высокой степени примыкания к последующему контексту и неготовности говорящего передать слово:

(5) *Je pense que Florence Fores^{ti} a été la plus hypocrite de la soi^{rée}. Je pense que quand elle a accepté de venir, elle savait les conditions* ‘Я думаю, что Флоранс Форести была самой лицемерной в этот вечер. Я думаю, что когда она согласилась прийти, она была в курсе условий’ [11].

В маркированных КС с неконечной локализацией рематического ядра создается дополнительное значение контраста, или противопоставления:

(6) *On est pas encore dans un refus de Macron. On est dans une^{dé}ception à l'égard de Macron* ‘Мы еще не отказываемся от Макрона. Мы разочарованы Макроном’ [12].

Кроме того, на значение контраста может накладываться эпистемическая модальность очевидности. В примере (7) говорящий сигнализирует о высокой степени очевидности сообщаемой информации:

(7) *Nicolas Sarkozy^{zy} est un adversaire i^{dé} al pour le Front national* ‘Николя Саркози – идеальный соперник для Национального фронта’ [13].

Аудитивный анализ высказываний с маркированной КС и неконечной локализацией рематического тона позволил выявить некоторые особенности их просодической реализации.

Прежде всего, были выявлены как высказывания с одной синтагмой до рематического тона включительно (68,8 %), так и высказывания с выделением ядерного элемента ремы в синтагму (31,2 %). Количество тональных контуров на участке высказывания до заядерной части обнаруживает корреляцию со способом выражения подлежащего. Так, высказывания с местоименным подлежащим имеют одноконтурную структуру до рематического ядра включительно.

Предцентры тонального контура в маркированных КС имеют тенденцию к выравниванию (от 55 %¹ в одноконтурных КС до 100 % в многоконтурных КС с кратким предцентром). При этом в предцентре происходит перцептивно значимый скачок частоты основного тона на его последнем – предъядерном – слоге (7), а в ряде случаев реализуется выделительное ударение на левой границе ядерной лексемы (6).

Разновидности рематических тонов в маркированной КС со значением контраста и с дополнительным значением очевидности представлены в табл. 3.

Т а б л и ц а 3

Разновидности смещенных рематических тонов в маркированной КС, %

Направление движения тона	Характер изменения высоты голоса	Высотно-тональный регистр	Тональный интервал	%
Нисходящий тон	Равномерное падение	Высокий	Широкий	5,5
		Средневысокий	Широкий	6
		Средний	Узкий	2
	Замедленно-ускоренное падение	Высокий	Узкий	3,5
			Широкий	57,5
		Средневысокий	Узкий	3,5
		Широкий	13	
Восходяще-нисходящий тон		Высокий	Широкий	9

В большинстве высказываний рематические тоны имеют нисходящее направление движения, которое характеризуется в основном неравномерным изменением высоты голоса. При этом для замедленно-ускоренных тонов оказывается свойственен широкий интервал падения. Характерным также оказывается отсутствие тонов с началом падения/подъема ниже средневысокого регистра.

Конфигурация заядерной части имеет в большинстве реализаций ровную мелодическую линию (58 %). При этом в 2/3 случаев заядерная часть произносится в низком регистре, а в остальных случаях – в среднем или средневысоком. За рематическими тонами с неглубоким падением также может следовать нисходящая заядерная часть (33 %). В оставшихся высказываниях (9 %) на заядерном участке выявлено ровно-восходящее движение мелодии.

Сопоставление результатов аудитивного анализа двух КС с неконечной локализацией рематического тона позволяет сделать следующие выводы относительно специфики просодического воплощения КС двух типов.

¹ Ровный предцентр (55 %), восходящий предцентр (33 %), контрастный предцентр (22 %).

Маркированный характер КС проявляется на уровне просодии уже на участке предцентра тонального контура. Конфигурация предцентровой части в маркированной КС специфична скачком на предупредном слоге, а также большей частотностью ровного предцентра, чем в нейтральной КС с неконечной локализацией рематического тона.

Репертуар разновидностей рематических тонов оказывается сходным в нейтральной и маркированной КС. Однако в нейтральной КС нисходящие тоны имеют в большинстве случаев замедленно-ускоренный характер изменения высоты голоса в одноконтурных КС и характеризуются равномерным падением в многоконтурных КС. В то же время в маркированных КС, как отмечалось выше, нисходящий рематический тон имеет в подавляющем количестве реализаций замедленно-ускоренный характер изменения высоты голоса.

Кроме того, в маркированных КС рематические тоны имеют тенденцию к реализации в высоком регистре. В нейтральной КС основным регистром произнесения рематических тонов следует считать средневысокий.

Следует также отметить бóльшую частотность тонов широкого интервала падения в маркированной КС (91 %) по сравнению с нейтральной КС, где рематические тоны в основном характеризуются узким интервалом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Падучева Е. В. К семантике коммуникативной структуры: исходные структуры и линейно-акцентные преобразования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : сб. тр. XVIII Междунар. конф. "Диалог 2012" (Бекасово, 30 мая-3 июня 2012 г.). М., 2012. Вып. 11 (18). С. 522–538.
2. Büring D. Prosodie, intonation et discours // Séminaire la structure informationnelle dans la grammaire et en contexte. Séances des 21 et 29 mars 2005. 23 p.
3. Fuchs C., Fournier N. Du rôle cadratif des compléments localisants initiaux selon la position du sujet nominal // Travaux de linguistique. 2003. № 47. P. 79–109.
4. Neveu F. Structures de la phrase en français moderne // Repères notionnels et terminologiques destinés aux agrégatifs. Paris-Sorbonne, 2011. 88 p.
5. Фунтова И. Л. Интонационные конструкции эмфатической речи и изменения в интонации современного русского языка // Вестник Московского государственного областного университета. 2009. № 4. С. 46–50.
6. La récession est-elle inévitable? [Electronic resource] // Débat du jour. URL: <http://www.rfi.fr/emission/20190917-recession-est-elle-inevitable> (accessed: 23.10.21).
7. Faut-il promouvoir le numérique à l'école? [Electronic resource] // Le débat. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=bYcBH4vim30> (accessed: 23.10.21).
8. Delattre P. Les dix intonations de base du français // The French Review. 1966. Vol. 40, № 1. P. 1–14.

9. Le live politique sur LCI? [Electronic resource] URL: <https://www.youtube.com/watch?v=AF71qLi2wx0> (accessed: 23.10.21).
10. Nicolas Dupont-Aignan invité de France Inter [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=i4DO6dOkvTw> (accessed: 23.10.21).
11. Florence Foresti a-t-elle bien fait de quitter la cérémonie ? [Electronic resource] // Balance ton post. URL: https://www.youtube.com/watch?v=_B8ly-DfYZE (accessed: 23.10.21).
12. Le débat des grandes voix [Electronic resource] // Europe 1. URL: <https://www.europe1.fr/emissions/Le-debat-des-grandes-voix/le-debat-des-grandes-voix-31082018-3748943> (accessed: 23.10.21).
13. Bourdin Direct: Florian Philippot – 09/09 [Electronic resource]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=1sTEGDtxH8A> (accessed: 23.10.21).

Вера Владимировна Устинович
преподаватель кафедры фонетики и грамматики французского языка
УО «Минский Государственный Лингвистический университет»

Vera V. Ustinovich
Lecturer of the Department of the Department
of French Phonetics and Grammar Minsk State Linguistic University
ustinovich_vera@yahoo.com

УДК 811.111'34

В. В. Яскевич
Минск, Беларусь

ФОНОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС ФОНЕТИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК АНГЛИЙСКИХ ГЛАСНЫХ

В статье рассматриваются дискуссионные вопросы фонологического статуса некоторых характеристик английских гласных. В частности, представлены результаты исследования позиционной долготы английских и белорусских гласных, а также характер их реализации в английской интерферентной речи. Полученные данные свидетельствуют о том, что позиционная долгота английских гласных во многом предопределяет восприятие последующего согласного как глухого или звонкого и влияет на смысловое различие.

К л ю ч е в ы е с л о в а: фонетика, фонология, ментальная единица, позиционная долгота, вокализм, минимальная пара, признак.

V. V. Yaskevich
Minsk, Belarus

THE PHONOLOGICAL STATUS OF THE PHONETIC FEATURES OF THE ENGLISH VOWELS

The article discusses controversial issues of the phonological status of some characteristics of English vowels. In particular, the paper presents the results of a study of the positional length

of English and Belarusian vowels, as well as the nature of their representation in English as a foreign speech. The data indicates that the positional length of English vowels largely determines the perception of the subsequent consonant as voiceless or voiced and affects the sense distinction.

Key words: phonetics, phonology, mental unit, positional length, vocalism, minimal pair, feature.

Традиционное разделение фонетики и фонологии, возникшее на почве классического противопоставления языка и речи, давно подвергалось сомнению. Л. В. Бондарко отмечает, что понимание Н. С. Трубецким фонологического уровня языка как системы «чистых отношений» [1], в которой воплощение фонологической единицы является случайным, необязательным и несущественным, нельзя считать продуктивным. Такой подход не позволяет полно и правдоподобно описать звуковую систему языка [2] и добиться усвоения иноязычного произношения студентами.

В современной когнитивной парадигме фонологи задаются вопросом о том, какие признаки действительно являются релевантными. Нет сомнений в том, что фонема представляет собой ментальную единицу. В этом смысле когнитивный подход не отличается от традиционной трактовки. Существенное отличие состоит в том, что с точки зрения когнитивной фонологии эти ментальные единицы в сознании носителей языка содержат большое количество информации, которая в классической фонологии считается избыточной. Они тоже составляют ментальный образ фонологической единицы [3]. Все многообразие этих признаков и гарантирует безошибочную идентификацию фонем в любых условиях, будь то тихая речь, шепотная речь или речь на фоне шума.

Как известно, английские гласные противопоставляются по долготе и напряженности. Их позиционная долгота не имеет непосредственного отношения к собственной длительности гласного звука в системе фонологических противопоставлений. Она зависит от открытости или закрытости слога, глухости или звонкости последующего согласного. С точки зрения классической фонологии этот признак никак не участвует в смысловом различении и, следовательно, не имеет фонологической значимости [4]. Проведенное нами экспериментально-фонетическое исследование позволило переосмыслить степень ее существенности в звучащей английской речи и в процессе обучения иноязычному произношению. Для осуществления эксперимента нами были привлечены носители английского языка, жители Лондона, обладатели нормативного произношения, а также белорусские студенты, изучающие английский язык на продвинутом этапе. Задача одного из носителей английского языка состояла в том, чтобы прочесть фразы, содержащие минимальные пары слов, отличающиеся только глухостью / звонкостью конечного согласного, что, в свою очередь, предопределяет позиционную долготу предшествующего гласного. Ниже приведены примеры таких фраз:

*Give me some **peace**. – Give me some **peas**.*

*It was very **white**. – It was very **wide**.*

Слова из минимальных пар содержали долгие гласные или дифтонги и всегда занимали позицию ядерного акцента, где варьирование позиционной долготы наиболее заметно.

Носителям белорусского языка было предложено прочесть белорусские фразы с минимальными парами слов, содержащими гласные перед глухими и звонкими согласными. Разница состояла лишь в том, что все согласные были в интервокальной позиции, поскольку оппозиция глухость/звонкость в абсолютном конце слова в белорусском языке нейтрализуется. Ниже приведены примеры таких фраз из экспериментального материала:

*Яны жылі ў **Веты**. – Гэта карысныя **веды**.*

С помощью программы Sound Forge нами были осуществлены замеры длительности гласных в описанных выше позициях в английских и белорусских фразах. Статистически обработанные данные свидетельствуют о том, что существует достоверная разница в позиционной долготе между гласными в этих позициях. Однако эта разница более ярко выражена в английском вокализме, где соотношение позиционной долготы гласных перед глухими и звонкими согласными составляет 1:1,6, в то время как в белорусском языке – 1:1,11.

Учитывая столь заметную межязыковую разницу между колебаниями позиционной долготы, а также тот факт, что в белорусском языке звонкие гласные не встречаются в абсолютном конце слова, мы предположили, что соблюдение данного типа аллофонического варьирования может представлять собой потенциальную сложность для белорусских студентов, изучающих английский язык. Чтобы выяснить, насколько точно носители белорусского языка имитируют данный тип аллофонического варьирования английских гласных, английские пары фраз были предъявлены для прочтения белорусским студентам, изучающим английский язык на продвинутом уровне, с целью сопоставления колебаний позиционной долготы гласных в естественной и интерферентной английской речи. Статистическая обработка полученных данных позволила установить, что в английской речи белорусских студентов в среднем приращение составляет только 20 %. Этот показатель превосходит аллофоническое различие, существующее в белорусском языке, но не достигает целевых значений позиционной долготы в английском языке. Дистрибутивные различия белорусских и английских согласных, по всей видимости, являются причиной менее значительного варьирования позиционной долготы в речи неносителей языка.

Настоящее исследование предполагало не только изучение конкретно-языковых различий в позиционной долготе гласных, но и определение степени фонологической существенности этого признака. С этой целью нами был проведен перцептивный эксперимент: из всего корпуса предварительно

записанных фраз мы вычленили 16 и с помощью программы SoundForge в минимальных парах слов заменили в 8 случаях конечные звонкие согласные на глухие, а в других 8 случаях – конечные глухие на звонкие. В произвольном порядке к ним были добавлены фразы, которые не подвергались никаким модификациям. В итоге мы получили 30 фраз, которые были предъявлены другому носителю английского языка. Его задача состояла в том, чтобы записать все услышанное.

Проанализировав полученный от аудитора материал, мы обнаружили следующие результаты: носитель языка ошибся в 12 словах из 16 (75 %); при замене глухого согласного на звонкий из 8 предложений в 5 (62,5 %) носитель языка не заметил подмены и в одном усомнился в выбранном варианте. Замена без колебаний была идентифицирована только в 2 случаях.

При замене звонкого согласного на глухой в 7 случаях из 8 (87,5 %) носитель языка не заметил разницы, что на 25 % больше, чем при замене глухого согласного на звонкий. Безошибочно было идентифицировано только одно предложение.

С одной стороны, позиционная долгота гласного обусловлена глухостью или звонкостью следующего согласного, поэтому вполне правомерно считать, что ведущая роль в этой комбинации гласный+согласный принадлежит согласному звуку. С другой стороны, в линейной последовательности сегментов гласный следует первым, и его удлинение заставляет носителя языка предвосхищать звонкий согласный, а его компрессия говорит о глухости следующего согласного. Проведенный нами перцептивный эксперимент наглядно демонстрирует, что позиционная долгота гласного настолько сильно влияет на восприятие, что носитель языка почти полностью игнорирует признак глухости/звонкости согласного, который оказывается вторичным. В использованных нами минимальных парах слов именно признак позиционной долготы предопределял смысловое различие в минимальных парах слов. Следовательно, данная фонетическая характеристика гласных может в сознании носителя языка иметь фонологический статус.

Безусловно, проведенная нами манипуляция звукового материала с помощью программного обеспечения имеет искусственный характер и не воспроизводима в живой речи носителей языка. Речь скорее идет о фонологическом статусе взаимосвязанного комплекса фонетических характеристик в рамках слога. Позиционная долгота гласных обеспечивает надежность восприятия глухости или звонкости наряду с работой голосовых связок во время произнесения согласного. В естественной речи одна характеристика неотделима от другой. Тем не менее, в условиях академического билингвизма, когда английский язык осваивают носители белорусского языка, в котором позиционная долгота гласных не подвержена таким заметным колебаниям, особое внимание к данной характеристике представляется не только оправданным, но и необходимым.

ЛИТЕРАТУРА

1. Трубецкой Н. С. Основы фонологии / пер. с нем. А. А. Холодовича. М. : Аспект Пресс, 2000. 352 с.
2. Бондарко Л. В. Фонетическое описание языка и фонологическое описание речи. Л. : ЛГУ, 1981. 199 с.
3. Mompean Jose. Cognitive Linguistics and Phonology // The Bloomsbury Companion to Cognitive Linguistics. London, 2014. P. 253–276.
4. Gimson A. C. An introduction to the pronunciation of English; revised by Susan Ramsaran. London : Edward Arnold, 1989. 364 p.

Виталий Валерьевич Яскевич

кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой фонетики английского языка
УО «Минский государственный лингвистический университет»

Vitali V. Yaskevich

PhD in Philology, Associate Professor, Head of the English Phonetics Department
Minsk State Linguistic University
vitaliy_yaskevich@mail.ru

Научное издание

АНОМАЛИЯ В ЯЗЫКЕ, ГАРМОНИЯ В РЕЧИ

Сборник научных статей

Ответственный за выпуск *Н. Н. Бартош*

В авторской редакции

Компьютерная верстка *Н. А. Шауло*